

Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рецензируемый научный журнал

Ноябрь 2019 г.

НОМЕР 56

ЧАСТЬ 11

Самара 2019

УДК 001.1
ББК 60

T34

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Ноябрь 2019 г. №56, Часть 11 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2019. – 108 с.

SPLN 001-000001-0557-LJ
DOI 10.18411/lj-11-2019-p11
IDSP ljjournal-11-2019-p11

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljjournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0557-LJ

<http://ljjournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ IX. ФИЛОЛОГИЯ	5
Бахтиярова А.Н. Категория времени глагола в башкирском и арабском языках	5
Вахрамеева Ю.Е., Кривошеева Е.И. Особенности перевода технической документации судостроительной тематики с корейского на русский язык	10
Володина Д.В., Юрьева Ю.С. Проблемы перевода терминов (на материале текстов по специальности)	13
Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Развитие терминосистемы документационного обеспечения управления в современном осетинском языке	17
Гацалова Л.Б. Лексика сферы управления в осетиноязычном медиапространстве	21
Герасимова С.А. Образные сравнения в мансийских фольклорных текстах (на примере эпоса)	24
Глухова О.В., Гусакова А.И. Особенности современных художественных текстов....	29
Исянгулова Г.А., Елкибаева Р.И. О категории степени сравнения в башкирском языке	32
Козлова Е.Ю., Тыранова С.В. Учение о художественном тексте на современном этапе на примере романа И.С.Тургенева «Отцы и дети» как воплощение теоретических представлений о художественном тексте	36
Моргоева Л.Б. Парные слова в осетинском языке и тексте	40
Назарова Н.А., Назаров С.В. Понятие «концепт» как единица междисциплинарных лингвистических исследований	46
Папсуева О.Г. Трансформация фиктивных посланий в XX веке	49
Саньярова Р.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в башкирском и английском языках	54
Сатцаев Э.Б. Дардские и иранские языки: сравнительно-сопоставительный анализ....	58
Седых Н.Д. Анализ фразеологизмов английского языка с компонентом цветообозначения	65
Седых Н.Д. Особенности перевода фразеологизмов в произведениях современной англоязычной литературы	68
Султанбаева Х.В. Загадка как текст в башкирском языке	71
Таказов Ф.М. Инициационные практики в нарративных текстах осетинского фольклора	74

Томчаковская Е.А. Трудности перевода текстов медицинской тематики.....	78
Фёдорова О.А. Проектная деятельность на уроках литературы в старших классах при изучении художественного мира лирики А. Блока.....	81
Хабарова И.А., Хабаров Д.А., Тавказахова М.А. Прагматические аспекты перевода.....	85
Хубаева М.А., Бекоев В.И. Иконические мотивы в поэзии серебряного века (на материале творчества Н. С. Гумилева, М.А. Волошина, В. Иванова)	89
Цаллагова И.Н. Типология сложных существительных в дигорском диалекте осетинского языка	93
Шапошникова О.К., Кривошеева Е.И. Перевод технических текстов с корейского на русский язык (на материале документации по строительству нефтяных платформ)	97
Яковлева Е.В. Этический аспект современных лингвистических исследований	101

РАЗДЕЛ IX. ФИЛОЛОГИЯ

Бахтиярова А.Н.

Категория времени глагола в башкирском и арабском языках

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-231

idsp: ljjournal-11-2019-231

Аннотация

В статье исследуются категории времени глагола в арабском и башкирском языках. Существенные различия, существующие в исследуемых категориях в арабской и башкирской грамматических традициях, вызывают значительные трудности при переводе текстов с одного языка на другой.

Ключевые слова: глагол, прошедшее время, спряжение, настоящее-будущее время, будущее время.

Abstract

The article examines the categories of verb tense in Arabic and Bashkir languages. Significant differences existing in the studied categories in the Arabic and Bashkir grammatical traditions cause significant difficulties in translating texts from one language to another.

Key words: verb, past tense, conjugation, present-future tense, future tense.

Глагольные системы языков мира существенно различаются в отношении того, какую роль в них играет грамматическое выражение категории времени. Особый интерес у филологов может вызвать грамматическая система арабского языка, категория времени в которой значительно отличается от той, которая принята в башкирском языке. В башкирском языке глаголы выражают действие, состояние предмета в виде процесса и отвечают на вопросы ни эшлэгән? ни эшлэй? ни эшлэйәсәк? и изменяются по следующим категориям: число, лицо, время, наклонение.

Категория времени башкирского глагола характеризуется специальными аффиксами, каждый из которых ставится между основой и аффиксами лица и числа. Формы прошедшего времени отличаются от других форм времени своей многочисленностью и весьма своеобразным соотношением между собой по употреблению, значению, а также по структуре. По семантическому содержанию они подразделяются на неопределенные и определенные. По соотносительности времени совершения действия с моментом речи или с временем совершения другого действия формы прошедшего времени делятся на относительные и абсолютные. По своей структуре формы прошедшего времени бывают синтетическими (или простыми) и аналитическими (или сложными). Последние образуются сочетанием деепричастных и причастных форм со спрягаемыми вспомогательными глаголами, например: *ине, бул-, тор-*.

К простым формам относятся: прошедшее определенное время и прошедшее неопределенное время. К сложным формам относятся: предпрошедшее неопределенное время, прошедшее незаконченное время, предпрошедшее определенное время, давнопрошедшее неопределенное время. Например: алыр ине 'бывало, он постоянно брал' (давнопрошедшее определенное время), килгән булған 'оказывается, он уже пришел' (предпрошедшее неопределенное время) и так далее.

Настоящее время глагола в башкирском языке образуется путем присоединения к корню глагола аффикс –а, –э или –й, после которого следуют окончания лица:

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 лицо	-м	-без
2 лицо	-һең	-һегез
3 лицо	-й	-зар

Например: *мин телевизор карайым – я смотрю телевизор.*

Будущее время глагола в башкирском языке имеет две формы: будущее неопределенное время и будущее определенное время. Будущее неопределенное время образуется при помощи таких аффиксов, как: «-ер, -өр, -р, -ыр». Пример: *курермен – я увижу* [2, с. 29]. Они употребляются для обозначения неуверенного предположения говорящего о каком-либо будущем действии.

Будущее определенное время более категоричное по значению и образуется с помощью аффиксов –эсэк, –йэсэк, –асак, и с прибавлением к ним аффиксов лица, к примеру: *курэсэкмен – я увижу непременно.* Это время употребляется, когда говорящий убежден в будущем действии.

Прошедшее время в башкирском языке как и будущее время имеет две формы: прошедшее определенное время и прошедшее неопределенное время. Формы прошедшего времени также могут быть простыми и сложными. К простым формам относятся: а) прошедшее определенное время (то есть законченное). Оно образуется окончаниями на -ты, -тө, -зы, -зе, -зо, -зө, -ны, -не, -нө, -ды, -де, -до, -дө, а далее к ним присоединяются окончания лица, например: *һин магазинга барзың – ты в магазин ходил.* Основным грамматическим значением является выражение прошлых действий и событий, причем говорящий был очевидцем или участником этих действий; б) прошедшее время неопределенное образуется формами на -кан, -кэн (после основы на глухие согласные) и -ған, -гэн (после основы на гласные или звонкие согласные) например: *алғанмын – я взял, оказывается.*

В системе глаголов прошедшего времени существуют еще и сложные формы, которые образуются основным и вспомогательными глаголами, которые, к тому же, выражают различные значения: а) прошедшее незавершенное время образуется на основе деепричастий на -а, -э, -й и с добавлением к нему вспомогательных глаголов торғайны, ине, которые принимают личные аффиксы, к примеру: *ала инем (ала торғайным) – я (тогда) брал.* Это время употребляется относительно другого действия. Например: *мин килгәндә, дәрес бара ине – я когда пришел, урок уже шел;* б) прошедшее определенное время образуется прибавлением к причастию прошедшего времени на -ған, -гэн, -кан, -кэн вспомогательного глагола *ине*, а также личных аффиксов, например: *«алған инек – мы брали (тогда)»;* в) прошедшее неопределенное время представляет собой логическую спрягаемую форму на -ған (-кан, -кэн, -гэн.) + булған: *әйткән булғанмын – я, оказывается, говорил/а.* При помощи данной формы говорящий рассказывает о событии, которое произошло в прошлом, но оно совершалось не на его глазах; г) повторенное прошедшее время основывается на причастии настоящего времени, к которым прибавляется вспомогательный глагол *торған* и *ине*, а также личные аффиксы, например: *мин диктант яза торған инем – я диктант (неоднократно) писал.* Это время выражает длительные или же повторяемые действия.

В старых грамматиках указывалось, что давнопрошедшее время употреблялось, когда говорили о многократном действии, происходившем давно, и притом в неопределенное время. Однако, как только время действия можно было как-то определить, например, «в прошлом месяце», «на прошлой неделе», то сразу же вместо «читывал» употребляли «читал», вместо «делывал» говорили «делал» [3, с. 445].

Таким образом, в башкирском языке глагол имеет несколько временных форм: одну форму настоящего времени, две формы будущего времени: определенное и неопределенное, и семь форм прошедшего времени: две простых и пять сложных.

Глагол в арабском языке обозначает действие или состояние лица или предмета и выступает в предложении в качестве сказуемого. Наиболее распространенным типом арабского глагола является глагол, состоящий из трех согласных. Глагол обладает категориями лица, числа, рода, времени и залога. В арабском языке все глаголы объединяются в систему так называемых глагольных пород, каждая из которых строится по определенной модели и имеет набор присущих ей грамматических и семантических признаков. Кроме личных форм имеются неличные глагольные формы: масдары (имена действия) и причастия.

Глагол четко выделяется в арабском языке своим спряжением по лицам и временам. В формах спряжения в одном слове представлена предикативная связь высказывания с субъектом действия, который обозначается при помощи суффикса или префикса, т. е. в глаголе обязательно обозначены: лицо, которое говорит, лицо, к которому обращаются, и лицо, о котором говорят. Связь с обозначением субъекта действия в глаголе присутствует всегда, она составляет его неотделимую часть. Это особенно ясно выступает по сравнению с обозначением объекта действия. Аффикс объекта может присутствовать в глаголе и может отсутствовать, кроме того, те же аффиксы объекта могут быть при именах в качестве посессивных.

Глагольные формы включают в себя как морфологически, так и семантически известное отношение ко времени действия, чего в именах не бывает.

Форма прошедшего времени (*الماضي аль-мады*): **فعل** *фаъала* «он-сделал» означает, что действие происходило в прошлом по отношению к моменту говорения или какой либо точке в прошедшем или будущем.

Рассмотрим на примере одного глагола (**كَتَبَ** «писать»), как спрягается глагол в прошедшем времени:

كَتَبَ (y) писать

1 лицо	2 лицо жен.рода	2 лицо муж. рода	3 лицо жен. рода	3 лицо муж.рода	
كَتَبْتُ	كَتَبْتِ	كَتَبْتَ	كَتَبَتْ	كَتَبَ	единств. число
كَتَبْنَا	كَتَبْتُمَا	كَتَبْتُمَا	كَتَبْتُمَا	كَتَبَا	двойств. число
كَتَبْنَا	كَتَبْتُنَّ	كَتَبْتُمْ	كَتَبْنَ	كَتَبُوا	множеств. число

Как видно из таблицы, при спряжении глагола в прошедшем времени к нему добавляются определённые окончания – слитные местоимения. Глагол прошедшего времени для третьего лица мужского рода единственного числа (в данном случае **كَتَبَ** «он написал») является основой, то есть своеобразным «инфинитивом», к которому добавляются слитные местоимения:

двойственное число

كَتَبَاони (двое мужчин) написали.

(Добавлен **ا** «алиф» двойственного числа (*ألف التثنية*)).

множественное число

كَتَبُواони (мужчины) написали.

(Добавлен **و** «уау» множественного числа мужского рода (*وَأُو الْجَمَاعَةِ*). Буква алиф, следующая за *الْجَمَاعَةِوَأُو*, не читается. Она ставится только для выделения *الْجَمَاعَةِوَأُو*.

единственное число

كَتَبَتْона написала.

(Добавлен **ت** «тэ» женского рода (*تَاءُ التَّائِيَةِ*)).

двойственное число

كَتَبْنَا (две женщины) написали.

(Добавлены ت «тэ» женского рода и ا «алиф» двойственного числа).

множественное число

كَتَبْنَ (женщины) написали.

(Добавлен ن «нун» множественного числа женского рода).

كَتَبْتُ написал.

(Добавлен ت «тэ» действующего лица (تَاءُ الْفَاعِلِ)).

كَتَبْتِ ты написал.

(Добавлен ت «тэ» действующего лица (تَاءُ الْفَاعِلِ)).

كَتَبْتِ (женщина) написала.

(Добавлен ت «тэ» действующего лица (تَاءُ الْفَاعِلِ)).

двойственное число

كَتَبْتُمَا (двое мужчин или две женщины) написали.

(Добавлены ث «тэ», م «мим» и ا «алиф» – признаки 2 лица двойственного числа).

множественное число

كَتَبْتُمْ вы (мужчины) написали.

(Добавлены ث «тэ» и م «мим» – признаки 2 лица множественного числа мужского рода).

كَتَبْتُنَّ вы (женщины) написали.

(Добавлены ث «тэ» и удвоенная ن «нун» – признаки 2 лица множественного числа женского рода).

множественное число

كَتَبْنَا мы написали.

(Добавлены ن «нун» и ا «алиф» – признаки 1 лица двойственного и множественного чисел).

Форма настоящего-будущего времени (المضارع *аль-мудариъ*): يفعل *йафъалу* «он делает», «он будет делать». Глагол настоящего-будущего времени образуется от корня глагола путем следующих преобразований: а) добавления к нему приставки – одной из букв настоящего времени (أ ن ي); б) изменения некоторых огласовок; в) добавления (при необходимости) определённых окончаний.

Например: ضَرَبَ бить → يَضْرِبُونَ...+وَنَ они (мужчины) бьют.

Глагол настоящего-будущего времени, к которому не добавлено никакое окончание, имеет в конце огласовку «дамма». Например:

يَكْتُبُ он пишет

يُدَخِّنُ он курит

يَنْتَقِلُ он переселяется

يَسْتَوْقِفُ он останавливает

Средняя буква трехбуквенного глагола настоящего-будущего времени может иметь любую из трех огласовок «фатха», «кясра» и «дамма»:

يَفْتَحُ он открывает

يَضْرِبُ он бьет

يُنْصُرُ он помогает

Эта средняя огласовка указывается в словарях буквами (а), (и), (у).

Если глагол образован из четырех и более букв и имеет в начале «хамзу», то при образовании настоящего-будущего времени «хамза» усекается, а предпоследняя огласовка меняется на «кясру». Примеры:

أَجْلَسَ сажать → يُجْلِسُ он сажает

انْكَسَرَ ломаться → يَنْكَسِرُ он ломается

أَحْتَرَمَ уважать → يَحْتَرِمُ он уважает

اسْتَخْدَمَ использовать → يَسْتَخْدِمُ он использует

أَحْمَرُ краснеть → يَحْمَرُ (в основе يَحْمَرُ)

Если производный глагол имеет в начале добавочную букву **ت** «тэ», то его огласовки в настояще-будущем времени не меняются. Например:

تَكَلَّمَ	разговаривать	→	يَتَكَلَّمُ	он разговаривает
تَظَاهَرَ	притворяется	→	يَتَظَاهَرُ	он притворяется
تَدَخَّرَجَ	катиться	→	يَتَدَخَّرَجُ	он катится

Если глагол образован из четырёх букв и не имеет вначале добавочную **،** ! «хамзу» или **ت** «тэ», то его предпоследняя огласовка меняется на «кясру»:

عَظَّمَ	возвеличивать	→	يُعَظِّمُ	он возвеличивает
دَخَّرَجَ	катить	→	يُدَخَّرِجُ	он катит.

Для точного выражения будущего времени применяется специальная частица **سوف** *сауфа* или ее краткая форма **س** *са*. Последняя, как и все однобуквенные частицы, пишется слитно с последующим словом. Причем полная форма используется как показатель дальнего будущего. Например: **سوف يفعل** *сауфа йафъалу* (**سيفعل** *са-йафъалу*) «он сделает».

Чтобы получить основу для образования будущего времени от глагола мужского рода настоящего времени единственного числа отбрасывается приставка.

В 1-м лице единственного числа приставка **س** принимает огласовку *a*. Во всех остальных случаях стандартные приставки будущего времени принимают огласовки *u* (по звучанию приставки **س** в настоящем времени).

При прибавлении стандартных окончаний в будущем времени (2 лицо женского рода ед. числа; 2 и 3 лицо множественного числа) последний гласный основы сокращается.

При глаголах, стоящих в форме настояще-будущего времени, может употребляться частицы: **سَوْفَ** и ее сокращенный вариант **س**. Они придают глаголу в форме настояще-будущего времени значение действительного будущего времени:

سَوْفَ يَفْرَأُ سَيَفْرَأُ	} Он прочитает, он будет читать.
-------------------------------	----------------------------------

Спряжение глагола в форме будущего времени аналогично в своей основе спряжению в форме настояще-будущего времени. Например:

		Ед. число	Дв. число	Мн. число
-e	.	(سَوْفَ يَكْتُبُ) سَيَكْتُبُ (سَوْفَ تَكْتُبُ) سَتَكْتُبُ	(سَوْفَ يَكْتُبَانِ) سَيَكْتُبَانِ (سَوْفَ تَكْتُبَانِ) سَتَكْتُبَانِ	(سَوْفَ يَكْتُبُونَ) سَيَكْتُبُونَ (سَوْفَ يَكْتُبْنَ) سَيَكْتُبْنَ
-e	.	(سَوْفَ تَكْتُبِ) سَتَكْتُبِ (سَوْفَ تَكْتُبِينَ) سَتَكْتُبِينَ	سَتَكْتُبَانِ (سَوْفَ تَكْتُبَانِ)	(سَوْفَ تَكْتُبُونَ) سَتَكْتُبُونَ (سَوْفَ تَكْتُبْنَ) سَتَكْتُبْنَ
	.	(سَوْفَ أَكْتُبُ) سَأَكْتُبُ	—	(سَوْفَ نَكْتُبُ) سَنَكْتُبُ

Подводя итог, мы можем сказать, что временная категория глагола играет очень важную роль в любом языке, так как именно глагол указывает на действие субъекта или объекта.

Таким образом, сравнительный анализ категория времени глагола в башкирском и арабском языках выявил существенные различия между двумя исследуемыми языками. Различия в категории времени глагола между башкирским и арабским языками, существенны и свидетельствуют о самостоятельном развитии грамматической системы каждого из исследуемых языков. Этот вывод имеет существенное значение для исследований, связанных с возникновением и развитием языков в целом.

***

1. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е издание. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 592 с.
2. Юлдашев А.А. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
3. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка / Под ред. И.Ю. Крачковского. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 1999. – 160 с.

Вахрамеева Ю.Е., Кривошеева Е.И.

Особенности перевода технической документации судостроительной тематики с корейского на русский язык

*Тихоокеанский государственный университет
(Россия, Хабаровск)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-232

idsj: ljjournal-11-2019-232

Аннотация

В статье рассматриваются характерные особенности научно-технических текстов в сфере судостроения на корейском языке. Сотрудничество в данной области активно развивается между Россией и Ю. Кореей, что находит отражение в совместных планах по модернизации портовой инфраструктуры в нашей стране. В этой связи возникает острая потребность в квалифицированных кадрах со знанием корейского языка, способных обеспечивать переводческое сопровождение на всех стадиях и этапах взаимодействия между странами-партнерами в сфере судостроения и эксплуатации морских судов. В данной работе выявляются трудности перевода текстов рассматриваемой технической тематики и предлагаются переводческие решения для адекватной и точной передачи информации на русский язык.

Ключевые слова: технический перевод, корейский язык, Ю. Корея, Россия, сотрудничество, судостроение, судоремонт.

Abstract

Specific features of Korean shipbuilding technical texts have been considered in regards to the adequate translation into Russian language. The cooperation between Russia and Korea in shipbuilding projects stipulates the need in qualified interpreters able to provide translation support at all stages of the project development. In this article, potential difficulties in the translation process of shipbuilding and ship repair texts have been identified and appropriate translation solutions for adequate and accurate information transfer from Korean into Russian language have been suggested.

Keywords: technical translation, Korean language, South Korea, Russia, cooperation, shipbuilding, ship repair.

В последнее десятилетие приоритетным направлением российско-корейского экономического сотрудничества является реализация проектов по развитию регионов Сибири и Дальнего Востока России. Через инвестирование и торговые отношения Ю. Корея заняла место экономически и стратегически важного для России партнера. На

сегодняшний день прорабатываются вопросы участия южнокорейских компаний в деятельности на территориях опережающего развития ДВ региона и в свободном порту г. Владивостока. Наблюдается активная работа Ю. Кореи в рамках Арктического совета с привлечением южнокорейских судоходных компаний к освоению Северного морского пути, а представителей корейских бизнес структур – к участию в развитии его инфраструктуры.

Судостроение относят к отрасли обрабатывающей промышленности, основными направлениями которой являются выпуск судов, кораблей и иных изделий морской техники, а также судоремонт. Судоходные линии и порты позволяют вывести экономический уровень государства на новый уровень, поэтому развитие именно этой отрасли в России является приоритетной задачей, которая контролируется на государственном уровне [1]. Сложность строительства современных судов обуславливает необходимость кооперации с иностранными компаниями, являющимися признанными лидерами и обладающими передовыми технологиями в данной области. Так, на двадцать первом Санкт-Петербургском международном экономическом форуме Ю. Корея выразила интерес к проектированию и строительству судов класса «Афрамекс» на российской верфи «Звезда» в г. Большой камень. По заключенному между странами соглашению в мае 2017 г. на базе дальневосточного завода «Звезда» создано совместное предприятие «Звезда –Хёндэ», учредителями которого выступили компании ПАО «НК «Роснефть» и Hyundai Samho Heavy Industries Co. Ltd. (HSHI). Строительство верфи завершат к 2020 году, что на четыре года раньше запланированного срока. Компания будет выпускать крупнотоннажные суда, элементы морских платформ, суда ледового класса, специальные суда и другие виды морской техники. Глава президентского комитета по северному экономическому сотрудничеству Ю. Кореи Сон Ён Гиль отмечает, что в настоящее время предприятие «Звезда-Хёндэ» получило 29 заказов, пятнадцать из которых – танкеры-ледоколы (основное предназначение которых является перевозка сжиженного природного газа (СПГ), в рамках программы «Ямал СПГ»), а также нефтетанкеры и другие суда [7].

Сотрудничество в сфере судостроения – новый тип международного взаимодействия между Россией и Ю. Кореей, поэтому естественно, что представители обеих стран определяют ряд конкретных инициатив для успешной реализации партнерства. Среди них – привлечение к работе квалифицированных переводчиков для сопровождения переговоров между корейскими и русскими специалистами в области судостроения и арктическому региону на всех этапах сотрудничества. От качественного перевода технической документации и технологических схем во многом зависит успех осуществляемого бизнес-партнерства между двумя странами.

В данной работе предпринимается попытка выявления особенностей технических текстов по судостроению на корейском языке с целью определения сложностей и поиска удачных переводческих решений при переводе на русский язык. Материалом для исследования послужили статьи с корейских новостных сайтов по теме «Судостроение и эксплуатация морских судов».

Для начала стоит отметить, что на сегодняшний день еще не создано ни русско-корейских, ни англо-корейских словарей по судостроению и судоходству. Данный фактор является серьезным препятствием для передачи с языка перевода общетехнических, межотраслевых, узкоспециальных терминов и слов, а также сокращений, которые должны расшифровываться и транслироваться в полном значении. Например, в предложении, взятом из новостного репортажа, посвященного мерам по повышению безопасности судов '복원력, 배의 안전에 어떤 역할?' («Роль отстойчивости для безопасности судна») представлены различные типы судов и без соответствующих фоновых знаний перевести их корректно было бы весьма затруднительно: 작업선에는 예인선 «буксир», 기중기선 «плавающий кран», 보급선 «судно

снабжения», 해저전선부설선 «подводная лодка», 쇄빙선 «ледокол», 해저유전굴착선 «буровая установка», 해난구조선 기타해양구조물 등이 있다 «спасательное судно» [4].

В корейских научно-технических текстах широко распространено использование аббревиатур, заимствованных из английского языка: 배수량톤수 - DISPT - Displacement Tonnage «водоизмещение судна»; 총톤수 GT - Gross Tonnage «брутто-регистрационный тоннаж»; 액화천연가스 LNG - Liquefied Natural Gas, «сжиженный природный газ»; 국제 해사 기관 IMO - International Maritime Organization «Международная морская организация» [2]. Аббревиация упрощает чтение профессиональных слов, экономит время при коммуникации, и место при печати в средствах массовой информации. Однако, наличие подобной аббревиации вызывает необходимость изучения специальной лексики на английском языке.

В состав специальной лексики входят как заимствованные с английского языка выражения, так и слова исконно корейского происхождения. Так, к первой группе относятся выражения: 메가블록 방식 – Mega Block method «мега блочный метод»; 기기블록방식 - Giga Block method «гига блочный метод»; 테라블록방식 – Terra Block method «терра блочный метод»; 링타입 - Ring type «кольцевой тип»; 스킵드 런칭 시스템 - Skid Launching System «система спусковых полозьев»; 탱커 - tanker «танкер» [6]. Вторая группа может быть представлена такими словами, как 대형화 – «расширение», 병렬 並列) 해상크레인을 이용한 윈타임 세팅 공법 «способ разовой установки с использованием параллельного морского крана», 탑재공법 – метод погрузки судна. Использование буквальных заимствований популярно, так как существуют случаи, когда подбор эквивалента не является возможным.

Трудность при переводе технического текста может вызвать и распространенная в корейском языке межотраслевая омонимия. Переводчику необходимо знать не только основное и производное значения слова в рамках профессиональной сферы употребления, но и возможные варианты его сочетаемости [3]. Так, фраза 조종기능 «умение управлять» в сфере судостроения и судоходства употребляется в значении «маневренность», а словосочетание 복원기능 «мастерство реставрации» в профессиональной сфере означает «отстойчивость». Слово 운동 в повседневной жизни встречается в значении «спорт» или «движение», однако в морской деятельности переводится и как «килевая качка», и как «бортовая качка».

Корейский язык богат на синтаксические конструкции, которые выступают в роли связок частей предложения. Одной из характерных черт корейского синтаксиса является усложнённость предложений причастными оборотами, вставными словосочетаниями или предложениями со свойственными корейскому языку конструкциями. На примере статьи 선박 진수 “이젠 가리앉힌다” 세계 최초 텐덤침수공법 개발 («Первый в мире тандемный принцип осушения судна в воде»), размещенной новостной компанией 주식회사 한국에너지신문사 (Korean Energy) на своем официальном сайте, можно разобрать описание новой осушительной системы судов Hyundai Heavy Industries, применяющейся для удаления небольших количеств воды, попадающей внутрь судна. Автор статьи использует повторяющуюся конструкцию при перечислении процессов осушения: 텐덤공법 건조가 완료된 선박과 부분 건조 선박을 동시에 부상시켜 건조된 선박을 도크에서 빼낸 뒤 부분 건조된 선박을 다시 도크에 배치한 뒤 나머지 부분을 건조하는 공법 [5]. Данный метод (텐덤공법) можно перевести буквально, как «тандемный», так как все процессы выполняются в одном доке (도크) и параллельно друг с другом. А именно: осушение судна (건조 선박), отгрузка осушенных поврежденных судов из дока (부상시켜 건조된 선박), установка частично осушенного судна в док (선박을 다시 도크에 배치한 뒤) и осушение оставшихся частей судна (나머지 부분을 건조하는).

Подводя итоги, стоит отметить, что на сегодняшний день судостроение является стратегически важной отраслью российской тяжелой промышленности. Сотрудничество с Hyundai Heavy Industries способствует не только развитию российского крупнотоннажного гражданского судостроения, но и укреплению

дружеских отношений между Россией и Ю. Кореей. Однако, для успешного выполнения задач проекта необходимо качественное переводческое сопровождение на всех этапах работ с корейскими партнерами. Переводчик должен свободно ориентироваться в вопросах, касающихся судостроения и эксплуатации судов, знать профессиональную терминологию на корейском и английском языках и уметь свободно и уместно ее применять. Кроме того, при переводе технической документации с корейского языка должны учитываться и синтаксические особенности оформления научно-технического текста, а именно: синтаксическая полнота оформления высказывания, наличие аналитических конструкций, употребление клишированных структур, преимущественно именной характер морфологических компонентов предложения и развернутая система связующих элементов.

***

1. Геманов В.С. История Российского флота Уч. пос. для курсантов и слушателей всех специальностей морских учебных заведений. — 2-е изд., доп., испр. — Калининград: Янтарный сказ, 2009. — 465 с.
2. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика / Б. Н. Климзо. — 2-е изд., стер. — М. : Р. Валент, 2006. — С. 55 – 90. — ISBN 5-93439-194-1.
3. Лим В.Н. Стилистика и культура речи корейского языка: уч. пос. для вузов – Хабаровск, 2008. – 208 с.
4. РФ заказала у Южной Кореи строительство 29 судов, включая 15 танкеров-ледоколов [Электронный ресурс]: Режим доступа <https://tass.ru/vef-2018/articles/5376871> (дата обращения 17.10.19)
5. 현대중, 선박 진수 “이젠 가라앉힌다” [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://www.koenergy.co.kr/news/article> (дата обращения 17.10.19)
6. 현대중공업, 선박 진수 이젠 가라앉힌다 ...세계 최초 텀덤침수공법 개발, 2009 [Электронный ресурс]: Режим доступа <https://blog.naver.com/vodovo2/130041130941> (дата обращения 17.10.19)
7. [TV조선 특보] '복원력', 배의 안전에 어떤 역할? [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://news.tvchosun.com/site/data/html> (дата обращения 20.10.19).

Володина Д.В., Юрьева Ю.С.

Проблемы перевода терминов (на материале текстов по специальности)

СГУПС

(Россия, Новосибирск)

doi: 10.18411/lj-11-2019-233

idsp: ljjournal-11-2019-233

Аннотация

Статья посвящена особенностям перевода терминов в текстах по специальности. Рассмотрены классификация терминов по различным основаниям. Особое внимание уделено влиянию узуса на адекватный перевод узкоспециальных терминов. Проанализированы трудности перевода многокомпонентных терминов и безэквивалентной лексики на материале текстов по специальности на немецком языке, предложены способы их устранения.

Ключевые слова: термины, классификация терминов, многокомпонентные термины, узус, текст по специальности, безэквивалентная лексика.

Abstract

The article is devoted to the features of terms translation in texts in the specialty. The classifications of terms on various basis are considered. Particular attention is paid to the influence of the Uzus on the adequate translation of highly specialized terms. The difficulties of translating multicomponent terms and equivalent vocabulary on the material of texts in the specialty in German language are analyzed, and ways to eliminate them are proposed.

Keywords: terms, classification of terms, multicomponent terms, *Uzus*, specialty text, equivalent vocabulary.

Терминологический аспект всегда представляет определённую трудность при переводе текстов по специальности. Ввиду постоянного развития научно-технической сферы деятельности, одни термины выходят из употребления и появляются новые для определения вновь возникших устройств или для уточнения содержания старых. С одной стороны, для перевода терминов существует разнообразие словарей и широкие просторы интернет-ресурсов (онлайн-словари, онлайн-переводчик, контекстный переводчик), с другой – при переводе специального текста нередко переводчик сталкивается с разными проблемами поиска эквивалентного и адекватного перевода. Задачей данной статьи является определение основных проблем при переводе терминов и способов их устранения в тексте по специальности.

Для полного понимания сути вопроса необходимо рассмотреть понятие термина и его языковую природу. Суперанская А.В. считает, что терминология есть основная, центральная, наиболее информативная часть лексики особой функциональной разновидности общелитературного языка – языка науки. [5]

Термины, представленные в виде отдельных слов или же группой слов или словосочетаниями, в любой отрасли науки, технике и производстве образуют свои системы, которые имеют понятийные связи в профессиональном знании и выражают эти связи средствами языка. [2]

Прежде чем перейти к рассмотрению основных проблем при переводе терминов в текстах по специальности, стоит остановиться на их классификации. Здесь важно отметить, что в настоящее время нет единой классификации терминов, в связи с тем, что ученые классифицируют термины по различным основаниям [3], [4]. В своей статье за основу возьмем следующую классификацию, представленную на рисунке 1.

Рис.1 Классификация терминов

Далее рассмотрим случаи перевода терминов, отсутствующих в словарях, а значит не имеющих регулярного соответствия, текстах по специальности:

«Hybridantriebe und alternative Antriebskonzepte: 7. Kolloquium Mobilhydraulik» и «Regeln für Betriebsführung über die Staatsgrenze (RfBS), AG «Deutschebahn» [7], [8].

Особенностью данных текстов является наличие определённого количества специальных терминов, которые не имеют эквивалента в русском языке, так как в словари обычно вносятся только общие понятия в обход узко специализированным терминам, входящих в узус определённой отрасли. Под узусом мы понимаем такие способы реализации языковой системы, которые пригодны для данных условий общения [4].

Итак, в тексте «Hybridantriebe und alternative Antriebskonzepte» основной трудностью при переводе были многокомпонентные термины. Особенностью строя немецкого языка является наличие большого числа многокомпонентных слов, состоящих из двух и более основ. Словообразовательные модели многокомпонентных слов представлены следующими формами: существительное + существительное (die Kolbenbewegung); прилагательное + существительное (der Hybridantrieb); глагол + существительное (der Brennraum) и числительное + существительное (der Zweitakt).

Для данного текста, как и для большинства текстов технической литературы, характерно наличие сложносоставных терминов – слов, полученных путем слияния двух или нескольких основ. При этом сложносоставное слово не всегда можно найти в словаре. Особую сложность представляли при переводе термины, состоящие из трех основ (около 30% от общего количества терминов). Стоит отметить, что рассматриваемые сложносоставные термины являются существительными, основной компонент у них, соответственно, – существительное. Причем, основной компонент терминов, состоящих из трех основ, может быть словом, состоящим из двух основ, например, *der Kraftstoffverbrauch* - *расход топлива*.

Итак, были выявлены следующие словообразовательные модели многокомпонентных терминов на немецком языке и способы их перевода на русский язык.

Таблица 1

Виды словообразовательных моделей, состоящих из трёх основ, в русском языке.

Пример	Словообразовательная модель в немецком языке	Перевод	Способ передачи в русском языке
Die Freikolbenmaschine	прил+сущ+сущ	Свободнопоршневая машина	Прил+сущ
Der Zweitaktverfahren	числ+сущ+сущ	Двухтактный способ	Прил+сущ
Die Fahrzeugtechnik	глаг+сущ+сущ	Автомобильная техника	Прил+сущ
Die Leistungsbereitstellung	сущ+прил+сущ	Подготовка мощности	Сущ+сущ в род.п.

Трудности при переводе второй статьи «Regeln für Betriebsführung über die Staatsgrenze (RfBS), AG «Deutschebahn» были представлены специальными терминами, отсутствующими в узусе переводящего языка.

Применительно к этому тексту все термины были классифицированы следующим образом:

1. термины, характеризующие техническое назначение устройств (*der Weichenerwärmer* - *стрелочный обогреватель*);
2. термины, дающие эксплуатационную характеристику устройств (*ortsfestes Signal* – *стационарный сигнал*);
3. термины, отражающие основной принцип работы устройства (*der Drehscheibensignal* – *сигнал с поворотным щитом круглой формы*);
4. термины, отображающие логическое назначение выполняемого процесса (*die Abdrückbewegung* – *надвиг, der Ablauf* - *послук*)

5. термины, отражающие внешние характеристики устройства (*Der Kreisschuppen – круглое (поворотное) локомотивное депо*)
6. термины, применимые к ситуативным устройствам или ситуациям (*Das Warnsignal - сигнал тревоги*).

В первых трех группах термины безэквивалентной лексики были представлены в большем количестве. Это связано как с различием в технологическом и техническом развитии железнодорожных (ЖД) отраслей РФ и Германии; так и словообразовательной моделью специальных терминов: немецкая техническая терминология зачастую основана не на внешнем сходстве устройства или процесса, а исходит из их специального назначения, и отсутствием полного соответствия терминологии в узусе исходного и переводящего языков.

Выше перечисленные факторы позволяют рассмотреть некоторые особенности передачи безэквивалентных терминов в узусе переводящего языка. Согласно классификации перевода терминов В.Н. Комиссарова и Г.С. Завгородней перевод терминов осуществляется на основании их сходства или соотносительности по определенному признаку [3;4]. Согласно данной классификации терминование нового научно-технического понятия этим способом всегда базируется на каких-то точках соприкосновения между этим понятием и словом-источником: перевод, основывающийся на том же самом образе (перенос значения предмета на другой на основе их сходства); перевод, основывающийся на ином схожем образе (перенос названия с одного предмета на другой на основе их смежности, соотносительности); дословный перевод; описательный перевод /«неметафорический перевод» (основа данного переноса заключается в переносе значения с части предмета на весь предмет).

Рассмотрим на конкретных примерах перевод некоторых специальных терминов безэквивалентной лексики, отсутствующие в узусе переводящего языка.

Термин «*Das Preßwasserhebelwerk*», отражающий техническое назначение устройства, был переведен в соответствии с двумя основаниями: перенос, основанный на том же самом образе (по функции) + дословный перенос, ввиду отсутствия подобной системы в инфраструктуре ЖД РФ. Для верного сохранения значения термина необходимо учесть инвариант каждого термина, здесь им является «*накачка, давление воды*» + «*рычаг*» + «*устройство, механизм*». Сумма этих инвариантов учтена в конечном переводе с учётом узуса ПЯ – *аппарат гидравлической централизации*.

Термин «*Die Ablaufgleisgruppe*», отображающий эксплуатационную характеристику устройства. Его перенос выполнен в соответствии с основанием, исходящем из иного схожего образа (пространственное соответствие). Инвариант, который необходимо сохранить в узусе ПЯ «*самостоятельное движение вниз*» + «*группа, часть общего или целого*». Результатом переноса является термин «*подгорочный парк*», который на сегодняшний день не применяется в ЖД отрасли РФ.

Таким образом, основной трудностью при переводе терминов в тексте по специальности составила группа слов, относящаяся к безэквивалентной лексике, отсутствующей в узусе переводящего языка. Для решения этой проблемы нужно изучить не только их словообразовательные модели и проанализировать новые технические понятия с точки зрения языковых норм, но и соотносить эти понятия с точки зрения адекватности и допустимости применения в данной ситуации при профессиональной коммуникации специалистов.

***

1. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: М.: Высшая школа, 1987. — 105 с.
2. Дементьева Т. М. Проблемы изучения немецкой юридической терминологии в неязыковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. С. 60-65
3. Завгородняя Г.С. Учебное пособие по технике перевода текстов по профилю факультета. Ростов-на-Дону, 2008. -88с.

4. Костомаров В.Г. Верещагин Е.М. Язык и культура, М.:1973. - 218 с.
5. Суперанская, А.В. Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – 6-е изд. - М.: Книжный дом «Либроком», 2012. - 248 с.
6. Frank Tasch «Regeln für Betriebsführung über die Staatsgrenze (RfBS), AG «Deutschebahn»/Berlin, April 2015, S 88 – 144./ .
7. «Hybridantriebe und alternative Antriebskonzepte: 7. Kolloquium Mobilhydraulik. – Karlsruhe, 2012. – S. 51-123 //http://www.kit.edu

Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К.

Развитие терминосистемы документационного обеспечения управления в современном осетинском языке

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-234

idsp: ljjournal-11-2019-234

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы пополнения лексического фонда современного осетинского языка, что имеет большое значение для его сохранения и развития, расширения функциональных и коммуникативных возможностей, адаптации в условиях унифицирования национальной идентичности. На примере иллюстративного материала масс-медиа показано генерирование и использование новых слов и выражений, последующее включение их в лексикографические издания.

Ключевые слова: осетинский язык, неологизм, лексика, лексикография, словарь.

Abstract

The article deals with the issues of replenishment of the lexical Fund of the modern Ossetian language, which is important for its preservation and development, expansion of its functional and communicative capabilities, its adaptation in the conditions of unification of national identity. The example of illustrative material of mass media shows the generation and use of new words and expressions, their subsequent inclusion in lexicographic publications.

Key words: Ossetian language, neologism, vocabulary, lexicography, dictionary.

Второе десятилетие XXI века в языковой политике российского государства характеризуется сворачиванием направлений, ориентированных на развитие всей богатой палитры языков многонационального народа Российской Федерации. С введением новых образовательных стандартов в учебных заведениях значительно сокращаются часы, отведенные на изучение родного языка и литературы, из учебных планов изъята и дисциплина «Традиционная культура осетин», хотя обеспеченностью учебниками и методическим сопровождением к ним педагогическая общественность Осетии занималась долгие годы. За этот период проделана огромная организационная и учебно-методическая работа, проведены эксперименты и апробации, потрачены финансовые средства на подготовку и издание учебно-методических комплектов по всем вариантам обучения.

Однако, языковая ситуация, которая в последнее время складывается в России из-за принятия нормативных актов о добровольном характере изучения родного языка, не может не тревожить не только активных граждан, переживающих за судьбы своих наций, одним их идентификаторов которых является язык, но и лингвистов, стремительно теряющих предмет своего изучения. А теряется он несомненно, так как условия, в которых оказываются теперь языки малочисленных народов, из плохих превратились в невозможные. В качестве аргумента приведем пример из ситуации,

сложившейся в Республике Северная Осетия-Алания: учащиеся, проживающие в Моздокском районе, отказались от уроков родного языка, выбрав вместо него дополнительно уроки русского. Не лучше обстоят дела и в Карачаево-Черкесской Республике, где пять языков имеют статус государственных, но родители выбирают из всех этих языков русский – наиболее значимый для успешного прохождения ГИА (государственной итоговой аттестации), к тому же одним из обязательных экзаменов на ОГЭ и ЕГЭ является экзамен по русскому языку. Мотивация в данном случае очевидна, и она сильнее призывов активистов-общественников, апеллирующих к патриотическим чувствам.

Оппонирующая сторона приводит и другой аргумент – ни в одной сфере деятельности, кроме как в быту, родной язык не функционирует, так как для обслуживания остальных областей коммуникации ресурсов этого языка недостаточно, не развиты терминосистемы, слабо пополняется лексический состав и за счет неологизмов, если они появляются в языке, то, в основном, это заимствования или кальки, собственные ресурсы языка не обеспечивают полноценного словопроизводства.

Конечно, если современная языковая политика, способствующая ассимиляции малочисленных народов, продолжится, сохранение их языков станет задачей невыполнимой. При более оптимистическом развитии активизировать процесс витализации языков возможно, если безотлагательно принять меры по совершенствованию системы образования в национальных республиках, поддерживать средства массовой информации, вещающие и пишущие на национальном языке, расширять сферы его функционирования.

В Республике Северная Осетия-Алания осетинский язык изучается во всех школах, а в Аланской гимназии он является еще и языком обучения. Такой принцип, несмотря на большую ответственность за качество обучения, избран не случайно. Еще Л.В. Щерба писал: «Ученики после всех объяснений учителя все же только тогда вполне понимают смысл, когда находят для него эквивалент в родном языке» [1, с. 62]. К таким же выводам пришли и эксперты, работавшие в 1950–1960 годы в различных странах мира и обобщившие свои наблюдения в докладе ЮНЕСКО «Использование родных языков в образовании» говорилось: «С педагогической точки зрения, бесспорно, что наилучшим средством обучения является родной язык ребенка, поскольку он позволяет ему быстрее усваивать материал» [2, с. 113].

В Республике Северная Осетия-Алания в рамках Концепции полилингвального образования на кафедре ЮНЕСКО в Северо-Осетинском государственном педагогическом университете создано несколько линеек учебников для обучения на осетинском языке (иронском и дигорском диалектах) с дифференцированием на владеющих и невладеющих. Кроме того, проводится работа по обновлению содержания учебников, изданных еще в советский период, до внедрения системы полилингвального образования.

Однако образование – это только одна часть единой системы поддержки и сохранения родного языка. На другие компоненты указывалось еще в решениях X и XII съездов РКП(б), когда была поставлена задача всемерного расширения функций местных национальных языков в таких сферах, как официальное делопроизводство, административное управление, публичные выступления, пресса, литература и искусство и т.д. [3, с. 603].

Именно тогда, в первой половине XX века, в республике была организована планомерная работа по формированию терминологии на осетинском языке, подготовке и изданию терминологических словарей, потому что было ясное понимание того, что для создания качественных учебников огромную роль играет терминосистема предметной области.

В последние годы работа по инвентаризации терминов значительно активизировалась. Программы по сохранению осетинского языка, обязательным

мероприятием содержат и составление словаря по делопроизводству, осознавая всю важность такого труда для документационного обеспечения управления. Без такой работы говорить о расширении функционирования осетинского языка бессмысленно. В 1937 году вышел первый терминологический словарь по делопроизводству [4], но в реалиях современного социума он не актуален, так как содержит терминологию эпохи, которая уже не существует. Государственной программой «Национально-культурное развитие осетинского народа» одним из важнейших мероприятий, осуществление которых необходимо для полноценного функционирования осетинского языка, является создание нового словаря по делопроизводству на осетинском языке, отвечающего требованиям современных стандартов [5] по этому виду деятельности.

Одним из основных в управленческой деятельности является термин документ. Существует множество определений этого термина, однако нет единства в его понимании и использовании в разных направлениях делопроизводственной деятельности.

Современные словари объясняют происхождение слова «документ» от лат. *documentum*, которое, в свою очередь, происходит от глагола *docere* – «учить, обучать». Начиная со средних веков до конца XIX в. слово «документ» использовали для обозначения любого «письменного свидетельства». Наиболее широко термин *документ* начали применять в юридических (правовых) отношениях в значении «официальный (или государственный) письменный акт, подтверждающий установление определенных отношений, касающихся возникновения, доказательства или исполнения прав». Такой документ (имеющий юридическое значение) может подтверждать определенное правовое положение человека, быть средством доказательства в суде, свидетельствовать об определенных обязательствах юридических лиц. В настоящее время значение данного термина значительно сузилось. *Документ* – это информация на материальном носителе, имеющая юридическую силу.

В осетинском языке используется заимствование *документ*. Лексема *gæxxætt* переводится как «бумага», употребляясь в значении «документ» неофициальной речи, как и в русском языке. Так как первое значение данного слова в узуальном употреблении «бумага», в настоящее время с внедрением информационно-коммуникационных технологий и развитием электронного документооборота это значение диссонирует с сутью данного понятия.

В терминосистему делопроизводства активно встраиваются новые сочетания, расширяя ее и меняя отношения между существующими терминами. Значительные трудности вызывают при переводе на осетинский и новые сочетания слов с термином «электронный документ». Представленные нами варианты таких сочетаний на осетинском языке впервые вводятся в лексический оборот:

- электронный документ – электрон документ,
- аутентичность электронного документа – электрон документты æмхуызонад;
- включение документа в систему электронного документооборота – документ электрон документты зилдухы системæмæ бакæнын;
- достоверность электронного документа – электрон документты æнæдызæрдыгдинад;
- целостность электронного документа – электрон документты æнахъæндзинад;
- пригодность для использования электронного документа – электрон документты бæззондзинад,
- конвертация электронных документов – электрон документты конвертаци;

- миграция электронных документов – электрон документты миграци.

Да и сам, собственно, термин *электронный документооборот* – *электрон документты зилдух*.

Термины, без которых невозможен современный документооборот в любой организации и ведомстве, представлены в новом стандарте и переведены нами в следующем виде:

- средства документирования – документаразæн фæрæзтæ,
- срок хранения документов – документты æвæрынады æмгъуыд,
- текстовый документ – текстон документ,
- типовой срок исполнения документа – документ æххæст кæныны арахаæмбæлгæ æмгъуыд,
- унифицированная форма документа – документты унификацигонд формæ,
- уничтожение документов – документты куынаæгад,
- управление документами – документты разамынд и др.

В упомянутый стандарт входит блок терминов, относящихся и к архивному делу, таких как:

- страховая копия архивного документа – архивон документты фæдзæхсæн халдих,
- страховой фонд архивных документов – архивон документты фæдзæхсæн фонд,
- тематический обзор архивных документов – архивон документтыл тематикон афæлгæст,
- уникальный документ – хидæгмæ иунæг документ,
- упорядочение архивных документов – архивон документты нывылкæнынад,
- учет архивных документов – архивон документты хыгъд,
- учетные документы (архива) – (архивы) хыгъдон документтæ,
- фондирование документов – документты фондаразт,
- хранение документов – документты æвæрынад и др.

Так как архивы – это не только обособленные самостоятельные организации, но и обязательный компонент любого управления, ведомства, предприятия и т.д., термины архивного дела для успешного ведения делопроизводства также необходимы.

Как видим, при переводе этих терминологических сочетаний широко используются заимствования и кальки, что должно негативно отражаться на введение их в оборот, так как и в русском языке они представлены заимствованиями.

Предлагаемые нами варианты перевода на осетинский язык этих и остальных терминов (всего 172), представленных в новом стандарте, лишь малая часть системной работы по инвентаризации терминологии управленческой отрасли, которую, несомненно, нужно продолжить.

***

1. Щерба Л. В. Языковая система и языковая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
2. L'emploi des langues vernaculaires dans l'enseignement: monographies sur l'éducation de base. – Paris: UNESCO, 1953. – № 8. – 153 p.
3. Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – 918 с.
4. Русско-осетинский терминологический словарь по делопроизводству. Орджоникидзе, 1935.
5. ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», утвержден приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст.

Гацалова Л.Б.

Лексика сферы управления в осетиноязычном медиапространстве

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И.
Абаева Владикавказского научного центра РАН
(Россия, Владикавказ)

doi: 10.18411/lj-11-2019-235

idsj: lj-11-2019-235

Аннотация

В современном осетинском языке до сих пор продолжается формирование лексики и терминологии, относящейся к сфере документационного обеспечения управления. В статье рассматриваются особенности функционирования такой лексики в медиапространстве, сходство и различие североосетинских и южноосетинских терминов управления.

Ключевые слова: терминология, отраслевая лексика, осетинский язык, документационное обеспечение управления, лексикология

Abstract

The modern Ossetian language is still developing vocabulary and terminology related to the field of documentation management. The article deals with the peculiarities of the functioning of such vocabulary in the media space, the similarity and difference of North and South Ossetian management terms.

Keywords: terminology, branch vocabulary, Ossetian language, management documentation, lexicology

Одним из основных мероприятий по расширению функциональных возможностей осетинского языка является развитие лексики управления и делопроизводства. Введение документооборота на осетинском языке важно не только для Республики Северная Осетия-Алания, являющегося субъектом Российской Федерации, но и для Республики Южная Осетия-Государство Алания – самостоятельного суверенного государства, имеющего в качестве государственных языков русский и осетинский. В этом отношении проблемы деловой коммуникации возникают при отсутствии обеспечения терминологическим аппаратом и необходимыми словарно-справочными изданиями, в которых бы лексика данной отрасли была упорядочена и систематизирована.

В осетинском языкознании терминология различных областей рассматривалась в трудах Ф.О. Абаевой [1, 2], З.А. Битарти [3], Н.Я. Габараева [4], Ю.А. Дзиццойты [7], М.Б. Кульчиевой [8], З.Н. Малиевой [10, 11] и др. Основные проблемы развития специальной лексики освещались в наших публикациях последних лет [12, 14, 15]. Терминологические словари осетинского языка пополняются новыми лексическими единицами, включая в себя не только существовавшую ранее и даже архаичную лексику, но и вводя в научный оборот новые слова и сочетания, актуальные для настоящего времени. Большой массив терминов по разным тематическим группам включен и в наши терминологические и переводные словари [5, 6, 13].

В настоящее время в современном осетинском языке при переводе лексики управленческой сферы возникают определенные трудности, связанные с различными особенностями, в том числе и экстралингвистическими.

Сравнивая язык масс-медиа двух Осетий, можно отчетливо увидеть многовариантность терминов и документационного обеспечения управления, и лексики, интегрированной с этой отраслью – юридической, общественно-политической и экономической.

Так, материал, касающийся описываемого лексического пласта, взятый нами с официальных сайтов республиканских газет «Рæстдзинад» (Северная Осетия) и «Хурзæрин» (Южная Осетия), разнообразен тематически и структурно. Проводя тематическую классификацию указанной терминологии и близкой к ней лексико-фразеологической группы, можно выделить следующие тематические кластеры:

- лексика сферы законотворческой деятельности;
- лексика сферы социальной работы;
- лексика сферы управления образованием;
- лексика сферы управления экономикой и финансами;
- канцеляризмы.

В области **законотворческой деятельности** в официальных СМИ употребляются лексемы, касающиеся деятельности парламента, например:

- *æркæсынмæ бавдисын* «вынести на обсуждение»,
- *бюджеты тыххæй закон фидар кæнгæйæ* «принимая закон о бюджете»,
- *ивддзинæдтимæ сразы уын* «одобрить поправки»,
- *æмхуызонæй схъалæс кæнын* «единогласно проголосовать»,
- *закъон йæ тыхы бацыд* «закон вступил в силу»,
- *æхсæзæм равзæрсты депутат* «депутат шестого созыва»,
- *фыццаг бакастæй райсын* «принять в первом чтении»,
- *закъонæвæрынадон хъæппæрис* «законодательная инициатива»,
- *барадон акт* «правовой акт»,
- *Парламенты æмбырд* «заседание (сессия) Парламента»,
- *дзыллон байхъуыстытæ* «общественные слушания»,
- *закъондæттынадон* «законодательный» и др.

Например: «Уыцы-иу рæстæг æндæр федералон закъон, уыцы куыст домгæйæ, бынæттон хиуынаффайады оргæнтæн æвæры æндæр æмгъуыдтæ æмæ фадæттæ дзыллон байхъуыстыты тыххæй» – «В то же время другой федеральный закон, требуя эту работу, ставит перед органами местного самоуправления другие сроки и условия для *общественных слушаний*» («Рæстдзинад», 13.03.2019).

Объективно средства массовой информации регионов затрагивают в своих публикациях множество проблем социальной сферы, поэтому оперирование терминами **социальной работы** предполагает введение этой терминологии в узуальное употребление. Пути терминообразования данной тематической группы, как и предыдущей, не новы – это в большинстве своем кальки и полукальки с русского языка:

- *сываллæтты хæдзар, сидæрты хæдзар* «детский дом»,
- *куыстхъом* «трудоспособный»,
- *фæцæрынаен чи хъæуы, æппынкъаддæры уыцы бæрц* «прожиточный минимум»,
- *социалон ахадындынадимæ объектæ* «социально значимые объекты»,
- *куысты бынæттæ аразын* «создание рабочих мест» и т.д.

Например: «Фæллой æмæ социалон рæзты министр Хъесаты Игорь æркæсынмæ бавдыста, 2018 азы II кварталæн РЦИ-Аланийы цæрджыты сæйраг социалон-демографион кьордтæн, фæцæрынаен чи хъæуы, æппынкъаддæры уыцы бæрц сфидар кæныны тыххæй фарста» – «Министр труда и социального развития Игорь Кесаев вынес на рассмотрение вопрос об утверждении величины прожиточного минимума для различных социально-демографических категорий граждан РСО-Алании на II квартал 2018 года» («Рæстдзинад», 22.08.2018).

Значительный объем в общем количестве терминов рассматриваемой отрасли занимают и лексические образования – слова и словосочетания, связанные со сферой **образования:**

- *уаеламхасен ахуырадон кусендон* «учреждение дополнительного образования»,
- *ахуырадон процесс* «учебный процесс»,
- *ахуырадон программа* «образовательная программа» и др.

Сфера **экономической и финансовой деятельности** представлена следующей терминологией:

- *финансон хæрдзтæ* «финансовые вложения»,
- *фыццаг фиддон* «первоначальный взнос»,
- *субсидитæ радих кæнын* «выделить субсидии» и т.д.

Введены в употребление и канцеляризмы, употребляющиеся в официально-деловом дискурсе:

- *федералон программæтæ æххæстгæнгæйæ* «во исполнение федеральной программы»,
- *æвæстиат уавæртимæ баст* «в связи с необходимостью»,
- *æххæстгонд æрцæудзысты* «будут исполнены»,
- *бадзырды домæнтæ* «условия договора»,
- *æмгуыстады бадзырд* «договор о сотрудничестве»,
- *майоны фæлгæты* «в рамках месячника»,
- *хорзæхджын кæныны церемони* «церемония награждения»,
- *паддзахадон хорзæх* «государственная награда»,
- *хыгъдон мадзал* «очередное (плановое) мероприятие»,
- *хыгъдон рæстæджы* «за отчетный период»,
- *дæлведомствотæ* «подведомства»,
- *æххæстгæнæг хицаууагад* «исполнительная власть» и др.
- *æддагон информацион политика* «внешняя информационная политика»,
- *уæлдæр хорзæхтæ* «высшие награды» и др.

Например: «Хорзæхджын кæныны церемони уагъд æрцыд РХИ-йы Президенты администрацийы» – «Церемонию награждения проведи в администрации Президента РЮО» («Хурзæрин», 22.11.2019).

Термины, касающиеся названий должностей, составляют основу терминосистемы ДОУ. Данная тематическая группа в медиапространстве обеих республик представлена большим количеством номенов, из которых мы приведем лишь несколько:

- - *хицауады уæнг* «член правительства»,
- - *Хицауады кабинеты уæнгтæ* «члены кабинета Правительства»,
- - *Парламенты Сæрдар* «Председатель Парламента»,
- - *Хицауады Сæрдар* «Председатель Правительства»,
- - *Уæрæсейы Федерацийы Федералон Æмбырды Сæрдар* «Председатель Федерального Собрания Российской Федерации»,
- - *фидауынгæнæн тархонгæнæг* «Мировой судья» и т.д.

Например: «Икътаты Русланæн ацы кадджын ном радтыны инициатор уыд Уæрæсейы Федерацийы Федералон Æмбырды Сæрдар Валентина Матвиенко» – «Инициатором присвоения Икоеву Руслану этого почетного звания выступила Председатель Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко» («Хурзæрин», 24.04.2017).

В русском языке терминология делопроизводства и документационного обеспечения управления находит отражение в государственных стандартах. Создание

таких стандартов для осетинской сферы управления – одна из главных задач на перспективу, для успешного выполнения которой необходимо провести большую предварительную работу по инвентаризации всей номенклатуры терминов указанной отрасли.

***

1. Абаева Ф.О. Об особенностях терминологии кожевенно-скоряжного ремесла в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2016. № 22 (61). С. 113-119.
2. Абаева Ф.О. Термины шорно-седельного промысла в осетинском языке // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2017. № 17. С. 124-129.
3. Битарти З.А. Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке. Цхинвал: Дом печати, 2011. – 96 с.
4. Габараев Н.Я. История становления осетинской лингвистической терминологии. Цхинвал: Дом печати, 2011. – 126 с.
5. Гацалова Л.Б. Русско-осетинский, осетинско-русский словарь лингвистических терминов. Владикавказ, 2007. – 145 с.
6. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 685 с.
7. Дзицойты Ю.А. Архаизмы в топонимике Осетии: названия пастбищ // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2018. Т. 14. № 1. С. 316-340.
8. Кульчиева М.Б. К вопросу о компьютерной терминологии в осетинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-1 (67). С. 136-138.
9. Малиева З.Н. Тезаурусный метод исследования терминов обычного права // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3-4. С. 54-58.
10. Малиева З.Н., Рубаева В.П. Тезаурус терминов, обозначающих оружие и орудия труда в осетинском языке // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 4 (21). С. 65-67.
11. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Влияние русского языка на формирование терминов в современном осетинском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-4. С. 55-57.
12. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Осетинско-русский, русско-осетинский словарь. Владикавказ: Респект, 2018. – 1297 с.
13. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Способы образования терминов в современном осетинском языке // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 57-60.
14. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Функционирование юридических терминов в осетинском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9-2. С. 62-64.
15. Чехоева З.Ц., Кайтукова С.И. Особенности развития и функционирования терминов родства (на материале французского и осетинского языков) // Бюллетень Владикавказского института управления. 2015. № 45. С. 444-461

Герасимова С.А.

Образные сравнения в мансийских фольклорных текстах (на примере эпоса)

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
(Россия, Ханты-Мансийск)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-236

idsp: ljjournal-11-2019-236

Аннотация

В самых первых исследованиях художественных особенностей фольклора сравнения служили примерами для демонстрации образности, выразительности, красочности языка народной поэзии. Наиболее ярко обнаруживается в сравнениях специфика образной системы языка, в которых отчётливо проступают национально и культурно обусловленные приметы текста, отражающиеся в образном мышлении данного человеческого коллектива. В статье среди множества художественных образных средств, употребляемых в героическом мансийском эпосе, мы рассмотрим

образное сравнение, поскольку оно является необходимым средством для описания представлений об эпическом герое, постараемся выявить ряд функций образного сравнения. Сравнение способствует образному описанию самых различных предметов и их признаков, качеств. Установлено, что использованные в эпических текстах сравнения реализуют текстообразующую и образную функции.

Ключевые слова: фольклор, образные сравнения, эпос, манси, песня, героический эпос, эпические произведения.

Abstract

In the very first studies of the artistic features of folklore, comparisons served as examples for demonstrating the imagery, expressiveness, and colorful language of folk poetry. The specificity of the figurative system of language is most clearly revealed in comparisons, in which nationally and culturally determined features of the text, reflected in the figurative thinking of this human collective, are clearly visible. In the article, among the many artistic figurative means used in the heroic Mansi epic, we will consider figurative comparison, since it is a necessary tool for describing ideas about the epic hero, we will try to identify a number of functions of figurative comparison. Comparison contributes to the imaginative description of a variety of objects and their signs, qualities. It is established that the comparisons used in epic texts realize text-forming and figurative functions.

Key words: folklore, figurative comparisons, epic, Mansi, song, heroic epic, epic works.

«Богатейшим источником истории и духовности народа» [3, с. 17] является героический эпос. По мнению Е. М. Мелетинского, «героическая песня, потому героическая, что всегда изображает и восхваляет героический идеал в соответствии с данной эпохой» [14].

Ранее считали, что героический эпос первоначально развивался на мифологической и сказочной основе. Но позднее этот жанр вступил во взаимодействие с произведениями не только устной, но и письменной словесности [2, с. 9]. В эпических произведениях описываются в реальные исторические события. Центральный персонаж имеет в качестве прототипа реально существовавшего человека. Например, герои мансийского эпоса – «это реальные личности доисторического времени, наделённые потомками сверхъестественной силой и почитаемые ими как покровители за их добрые дела, сделанные во имя своего народа в прошлом» [3, 18].

При создании художественного образа эпического героя используются практически все художественные средства, используемые в литературе: гипербола, сравнение, метафора, эпитет, олицетворение, метонимия, синекдоха и т.д. В эпосе важную роль играют эпитеты, с помощью которых описывается состояние человека и характеризуется предмет. Сравнение как художественное средство присуще всем фольклорным жанрам, но его удельный вес, состав и функции в каждом из них неодинаковы. В настоящей статье среди множества мы рассмотрим образные сравнения в эпических текстах народа манси.

Отличительными чертами образного сравнения, по В. М. Огольцеву [цит. по 10], являются следующие:

1. В образном сравнении сопоставляется не предмет с предметом и не понятие с понятием, как принято считать, а конкретный индивидуальный предмет с понятием.
2. В отличие от компонентов логического сравнения, члены образного сравнения всегда являются разнородными элементами.
3. В образном сравнении заданными элементами являются не компоненты сравнения с их общим признаком, а сравниваемое и его признак — основание сравнения.

4. Общий признак сравниваемого и сравнивающего в образном сравнении не является логически существенным для объекта сравнения, он актуален лишь в конкретном контексте.
5. Сопоставление сравниваемого и сравнивающего в образном сравнении носит характер не собственно сравнения, при котором выясняется сходство или различие предметов или явлений, а характер уподобления первого компонента второму.

«Сравнение в стилистике и поэтике – один из способов косвенной характеристики явления; сравнение предполагает уподобление одного предмета другому, в результате чего выявляется и усиливается некоторый общий признак» [Цит. по 7, с. 48].

В зависимости от того, сколько и какие признаки предмета или явления необходимо выделить используются: 1) сравнительный оборот; 2) несколько сравнительных оборотов; 3) развёрнутые сравнения. «Художественный образ, используемый для развёрнутого сравнения, придаёт описанию особую выразительность. Образ в таком случае максимально развернут, и каждый элемент подобного сравнения, сопоставляется с соответствующим элементом предмета сравнения, расширяя ассоциативное поле всего текста» [4, с. 36].

Основным героем в мансийском героическом эпосе (как и в эпосе других народов) является Отыр ‘богатырь’. *Мана намың отыр намум намаяве! Мана суиң отыр суюм суийяве!* ‘Вот какой я знаменитый богатырь, моё имя произносится! От какой я прославленный богатырь, молва обо мне разносится’. Эти, и подобные им, слова «подчёркивают нрав, силу и величие богатыря. <...> Герой является олицетворением непознанных сил природы, связанный с мифологией» [5, с. 51]

Через сравнения в эпосе представляется образ богатыря, его действия и поступки. Внешние качества *отыра* обычно в соматике, например: *Понсум сосыг китыг сам сунсынтәлэг ке...* [8, с. 37] ‘[Подобно] спелой смородине два моих глаза если присмотрятся...’. В героическом эпосе соматические сравнения употребляются в основном при описании глаз, в отличие от сказочного жанра, где сравнивается вся соматическая лексика (глаза, язык, шея и т. п.) [12, с. 75]. У богатыря острое зрение: *Хотты □р нупыл тув ке патты □гум: маныр вәрмал, маныр нак акв мұс нәңки* [8, с. 37] ‘В какую сторону я не бросил бы взгляд: Любые дела, любые происшествия мне заметны’.

Сравнения усиливают выразительность описания быстрого роста героя: *Ты хәтал бәңнә тәглә хот-арыгты / Холыт хәтал квәлы, мөт тәгыл масы, / □рыг хум, мөйт хум та кәмыл та яныгми* [9, с. 27] ‘Сегодня одеваемая одежда лишней становится. Назавтра, вставая, другую одежду надевает, песенный мужчина, сказочный мужчина так быстро растёт’.

Сюда же можно отнести сравнения, передающие физическую силу героя, прослеживающуюся в его действиях. Сила показана путём употребления при глаголах действия и описании сравнительного характера, например: *Авиң кол авим коны-пәлн / Кон-квәлсум, щәхныл рәтыяңум, / Мөтан юныгтгум: тгле рәгаты, / Мөтан юныгтгум: түвле рәгаты ....* [8, с. 39] ‘За двери моего дома с дверями / Я выхожу, кулаками всех их бью. / Одного ударю: сюда он падает, / Другого ударю: туда он падает...’

Сыраюм тыгле тотыгпәлум: / Ур пум, вөр пум хольт мир рәгпи, / Сыраюм түвле тотыгпәлум: / Ур пум, вөр пум хольт мир рәгпи [8, с. 45] ‘Саблей своей сюда поведу: / Словно горная трава, словно лесная трава, так люди подкашиваются, / Саблей своей туда поведу: / Словно горная трава, словно лесная трава, так люди падают’.

Посредством сравнения настоящему герою в эпическом тексте типичны характеристики быстроты *Молях патнә рақвсам, Молях патнә вәтсам Ты кол сәмна*

патквен! [3, с. 72] ‘[Подобно] быстро падающей капельке дождя, [подобно] быстро появляющемуся ветерку в этот священный угол дома являйся!’.

К сравнениям этой группы можно отнести и описание количества врага, где, как правило, используется гиперболизация, например: *Ос пун, лув пун ёмас л□лькве ёхты ныл, ... / Хис нāмпыр, с□й нāмпыр вāрикёнум.* [8, с. 69] ‘Если враг придёт в таком количестве, как шерсть овцы, как шерсть лошади... / Разрублю его на мелкие части, величиной с песчинку, величиной с пылинку’.

Особо в мансийском эпическом тексте описывается военное снаряжение героя, отмечается величина и острота оружия: *Мот нанк-нор йив сырай тактапалы, супыг та □ктаве...* [8, с. 117] ‘Только в одно листовничное бревно саблей прикоснётся, бревно надвое разрезается...’; *Тав вāt тал кёр тыныщан сōхтыстэ, рёпыгтасаге, ань уйг акв тэлыл патвесыг* [9, с. 43] ‘Он трёхсаженный железный тынзын собрал в руку, забросил, два зверя оба были заарканены’.

К следующей группе можно отнести сравнения, дающие образную характеристику различных действий героев:

– сравнения голоса/речи героя, звуков: *Кёли охсар турпа хум, / Сэмыл охсар турпа хум...* [8, с. 45] ‘С голосом красной лисицы / С голосом чёрной лисицы...’; *Хоталь минул лōмтэ товлыу уй турыл та луйги, / Хоталь минул лōмтэ лāгдыу уй турыл та луйги...* [8, с. 113] ‘Разлетающиеся куски, словно голосами крылатой птицы стонут, / Разлетающиеся щепки, словно голосами ногастого зверя стонут...’; *Няюра сяхыл кумрыу суил тав паттыглāлы* [8, с. 89] ‘[Словно] звук мощного раската грома [от пущенной стрелы лука] получается’; *... кāтан□н нюнситāлэг / Кāтан□н л□тгег□т / Пōлям нанк халталāве...* [8, с. 117] ‘... руки свои разминают, / Руки похрустывают, / [Словно] в морозы сосны трещат...’;

– описание зоркости, чуткого слуха и обоняния героев: *... китыг сам сунсынтāлэг ке: / Сāt тūr ултта сунс□г, / Сāt Ас мёсыг ултта сунс□г...* [8, с. 37] ‘Два моих глаза если присмотрятся: / Через семь озёр даль видят, / Через семь излучин Оби даль видят...’; *Уй кит паль кональ хумле хунтл□гум, / Хār кит паль кональ хумле хунт□гум, □ртакет кон матыр суй ты суйты* [9, с. 123] ‘[Словно] ушами зверя к улице прислушиваюсь, / [словно] ушами самца к улице прислушиваюсь, / Как будто на улице как-то звук слышится’; *Ань āрталанэ āртыу уй / Хумле āрталылум, / Кёмяланэ кёмыу уй ...* [9, с. 131] ‘И вот, [подобно] приняхавшемуся осторожному зверю / Что же я ощущаю, / [подобно] чувствительному осторожному зверю...’;

– описание сна героев: *Сыпа н□влинэ сāри улум / Тот ты хулыгмён, / Порха н□влинэ сāри улум / Тот ты хулыгмён* [8, с. 83] ‘Глубоким сном, что можно наши шеи рубить / Так мы спим, / Крепким сном, что можно наше тело рубить / Так мы спим’; *Осыу тārпа тārыу улум хуйнэн халт, / Осыу товпа товыу .....* [9, с. 81] ‘Во время твоего сна, крепкого, словно корни корневого дерева, /...толстого, словно ветви ветвистого дерева’.

К третьей группе можно причислить сравнения, которые описывают хозяйственно-бытовую сферу. Сравнения данной группы условно можно разделить на несколько подгрупп: 1) описание предметов хозяйственной сферы, 2) описание места проживания (обитания) богатыря.

К сравнениям, описывающим хозяйственную сферу, относятся:

– описание размера котла: *Сāt тārыс яныт щезури-патта... / Хōт тārыс яныт пūt / Нālваль ты тāгат□лтмён* [8, с. 77] ‘В семь саженей величиной каменный котёл... / В шесть саженей величиной котёл / Над огнём мы подвешиваем’. В таких сравнениях обычно используется идеализирующая гиперболизация;

– описание стола богатыря: *Лунт лāгыл талква пасан пōхан, / Вās лāгыт талква пасан пōхан / Акван ты унтсумён* [8, 93] ‘Словно с гусиными ножками, возле низенького столика, / Словно с утиными ножками, возле низенького столика, / Мы рядышком сели ...’;

– описание размера плота: Кит ййв олтум пōрат/ Тав ты натыглаве [9, с. 89, 93] ‘На плоту, длинной в два связанных бревна, / Он пускается’.

В героическом эпосе место обитания главного героя *отыра* является взору в виде бескрайних просторов, например: *Акв пāl витум сунсылум: / Тэпың Ас хара вит уңл□гум. / Хулың Ас хара вит уңл□гум* [8, с. 35] ‘Если другую сторону моих вод обозреваю взглядом: / Питательной Оби на обширных водах восседаю, / Рыбной Оби на бескрайних водах восседаю’; *С□мыл витуп т□пың Тāгт талихт, / Пасың витуп ялың тūr паттант / С□мыл ййвна ялың сāv котьлин* [9, с. 79] ‘В верховье темноводной питательной реки Сосьвы, / В конце священного озера со светлыми водами, / На середине священного бора с темными деревьями...’.

При описании места, где проживает отыр, большое значение уделяется и высоте города: *Хāйтнэ тул л□лит ускемн... / Миннэ тул л□лит ускемн / Ты ёхтыглāлмўв* [8, с. 83] ‘Высотой с бегущие облака – в мой городок... / Высотой с идущие облака – в мой городок / Мы наконец-то приехали’; *Пунгыт сып л□лит усарыщумт, / Тōрмыт сып л□лит усарыщумт* [9, с. 145] ‘В городке, возвышающемся до шеи духов-покровителей, / В городке, доходящей до шеи Торумов’. Город отыра в эпосе предстаёт высоким, большим, а вот его дом может быть и маленьким и большим: *Ам уңлыңэ мāнь вās яныт колкемна, / Ам уңлыңэ сām накпа накың колкемн* [8, с. 83] ‘В мой дом величиной с маленькую уточку, / В мой дом, имеющий семь комнат’; *Мāнь тūr яныт колна, / Мāнь щāрыщ яныт колнамен* [8, с. 77] ‘В дом величиной с маленькое озеро / В дом величиной с маленькое море’.

В текстах героического эпоса большая роль отводится описанию укрепления города: *Наң уңлыңэ консың л□ның хантāl усын, / Наң уңлыңэ пуңкың л□ның хантāl усын* [8, с. 39] ‘В твой город, в который не проберётся когтистая белка, / В твою крепость, в которую не проникнет зубастая белка’.

В мансийском героическом эпосе, в отличие от сказочного эпоса, в очень редких случаях имеет место сравнительная характеристика женщины, при этом в качестве эталона выступает солнце или луна: *Ман кит хōтал покапс, ман кит □нхуп покапс?! <...>ань маның н□кве нал-□манты* [8, с. 131] ‘Или это два солнца возшло, или это две луны возшли?! <...> это прекрасная женщина на берег спускается’. Через такие конструкции репрезентируется красота женщины, которая представляется лучезарной. В фольклоре народа ханты примечательность внешнего облика женщины также выражается с помощью сравнений с солнцем и луной [6, с. 87–88].

Структура эпических сравнений отличается от сравнений других жанров фольклора, например, сказок. В композиции эпоса некоторые структурные типы эпических сравнений играют важную роль, им присущи ритмическая организованность, компактность, формульность, тогда как в сказках сохраняется «большое количество лексических единиц, относящихся к материальной культуре народа манси, бытовавших в прошлом» [13, с. 139].

Согласимся с выводом М. А. Ахматовой, что «функция сравнения состоит не только в украшении речи, но и в познании через восприятие окружающей действительности» [1, с. 23].

Итак, в рассмотренных нами текстах мансийского героического эпоса нами было выявлено следующее:

– сравнения условно можно разделить на три группы: 1) описание внешней характеристики богатыря (сравнение глаз, быстрого роста, физической силы и военного снаряжения героя), а также описание врага (в основном – количества врага); 2) сравнения, дающие образную характеристику различных действий (голос/речь героя, зоркость, чуткий слух и обоняние героя, могучий сон); 3) образные сравнения, описывающие хозяйственно-бытовую сферу (описание различных бытовых предметов и характеристика места обитания героя;

– сравнения в героическом эпосе отличны от сравнений в малых жанрах фольклора, в том числе и в сказках;

– в мансийском эпосе в отличие от текстов эпоса других народов, очень редки случаи описания внешности/характеристики женщины, а, например, описание образа коня (лошади) в мансийском эпосе вообще отсутствует.

Сравнения – обязательный элемент всей мыслительной деятельности людей, без него «невозможен анализ свойств предмета и определения его места в окружающей действительности, это один из приёмов познания внешнего мира, в результате применения которого возникает новое знание о реалиях» [11, с. 6].

***

1. Ахматова М. А. Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 59. 2011. № 28 (243). С. 20–23.
2. Волкова З.Н. Эпос Франции: История и язык французских эпических сказаний. М. : Наука, 1984. 319 с.
3. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. 648 с.
4. Горобец А.Ф. Функции образного сравнения в текстах романов С. Моэма // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. № 4 (149). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/funktsii-obraznogo-sravneniya-v-tekstah-romanov-s-moema> (дата обращения 19.11.2018).
5. Динисламова С. С. Героический эпос манси как фактор духовно-нравственного развития личности // Современная финно-угорская филология: теория и практика: сб. матер. конф. XIV Югорские чтения. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С. 46–55.
6. Дядюн С. Д. Сказочные формулы в хантыйском детском фольклоре // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: матер. конф. IX Югорские чтения. Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2012. С. 83–91.
7. Егорова О.А. Характер сравнений и их роль в русских народных сказках // Современная филология: теория и практика : матер. конф. М.: Изд-во «Институт стратегических исследований», 2014. С. 48–53.
8. Именитые Богатыри Обского края. Книга 1. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ. 150 с.
9. Именитые Богатыри Обского края. Книга 2. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика. 2012. 171 с.
10. Камышова А.Е. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста: на материале прозы В. Брюсова: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 155 с.
11. Колесникова И.Г. Сравнение как дискурсивно-стилистическая фигура региональной когнитивной поэтики: монография. Белгород: ООО «Эпицентр», 2015. 140 с.
12. Кумаева М. В. Образные сравнения в мансийском фольклоре // Инновации в науке: матер.кон. М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2013. С. 73–81.
13. Кумаева М. В. Система выразительных средств в мансийском детском фольклоре: дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2014. 197 с.
14. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: монография. М., : Вост. лит., 2004. 462 с.

Глухова О.В., Гусакова А.И.

Особенности современных художественных текстов

*Ростовский Государственный Экономический Университет
(Россия, Ростов-на -Дону)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-237

idsp: ljjournal-11-2019-237

Аннотация

Данная статья посвящена анализу общих и лингвистических особенностей современных художественных произведений эпохи постмодернизма конца 20го начала 21го века. Научная новизна характеризуется тем, что в эпоху глобализации и культурного переворота литература приобрела абсолютно новые течения и направления. Материалом для исследования послужил интертекстуальный роман Стивена Фрая «Теннисные мячики небес» на английском языке. В статье описываются

характерные особенности текстов современной литературы, которые отличаются от классической литературы.

Ключевые слова: художественная литература, современные тексты, интертекстуальность, постмодернизм, образ автора, образ читателя

Abstract

This article is devoted to the analysis of the general and linguistic features of modern artistic texts of the postmodern era of the late 20th and early 21st centuries. Scientific novelty is characterized by the fact that in the era of globalization and cultural upheaval and literature acquired completely new trends and directions. The material for the study was the intertextual novel by Stephen Fry "Star's Tennis Balls". The article describes the characteristic features of texts of modern literature, which differ from classical literature.

Key words: fiction, modern texts, intertextuality, postmodernism, image of the author, image of the reader

Целью данной статьи является изучение проявлений современного литературного течения постмодернизма с точки зрения структурных и языковых особенностей современного английского художественного текста на материале романа Стивена Фрая «Теннисные мячики небес».

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что современные художественные тексты создаются в период «кризиса культуры» и всемирной глобализации, создается новая современная эстетика постмодернизма, все это влечет за собой появление новых, разнообразных культурных и лингвистических особенностей художественных текстов.

Прежде чем приступить к описанию особенностей характерных для современной литературы, следует уточнить, что такое художественный текст. Согласно словарному определению «художественный текст – это отдельное, индивидуальное произведение художественной речи, написанное определенным автором и на определенном языке, а так же целостная единица в системе подобных текстов». [6, с. 247]

В центре внимания данной статьи находятся тексты, которые относятся к периоду конца 20го начала 21го века, соответственно речь идет о текстах периода постмодернизма, которые имеют свои отличные от классической художественной литературы особенности.

«По своей сути постмодернизм является эстетическим переворотом. Это своего рода форма эстетического бунтарства, где цитирование известных образцов представлено в форме коллажа, а главной отличительной чертой является эклектика». «Характерной особенностью текстов эпохи постмодернизма стало объединение в рамках одного произведения стилей, образных мотивов и приемов, заимствованных в арсенале различных эпох, регионов и субкультур». [7, с.178-180]

Одной из основных особенностей современных художественных текстов является тот факт, что «способы передачи авторского смысла отличаются значительным разнообразием и сложностью. Авторские смыслы зачастую не представлены эксплицитно, завуалированы неконвенциональными способами их представления, и их экспликация требует интерпретаторского таланта, инференциального усилия, широты читательского тезауруса, читательской эмпатии. Многообразие и изощренность способов кодирования смысла создает потенциальные барьеры, препятствующие адекватному пониманию смысла текста. Одним из таких потенциальных барьеров на пути понимания смысла является его кодирование с помощью «чужого слова», то есть отсылки к прецедентному тексту». [4] Иными словами тексты современной литературы очень часто являются зачастую сложными для понимания, если читатель не обладает достаточными фоновыми знаниями.

«Интертекстуальность – это одна из современных черт художественных произведений постмодернизма. Данный термин подразумевает, что «включение одного произведения в другое неизбежно. В тексте «интертекстуальность» может проявляться и в цитировании других текстов различных эпох и в стилистике». [5, с.10] Иными словами «интертекстуальностью» можно назвать «связь между текстами». Это означает, что для современного художественного произведения характерно использование аллюзий и отсылок к другим произведениям. Характерной особенностью современных художественных текстов является высокая степень их «интертекстуальной плотности». Зачастую смысл текста становится доступным только при наличии у читателя богатого «интертекстуального тезауруса».

Примером интертекстуального текста современной художественной литературы может послужить произведение Стивена Фрая «Теннисные мячики небес». Данное произведение Стивена Фрая является современным переложением или же «интертекстом» всемирно известного романа Александра Дюма «Граф Монте-Кристо».

Еще одной характерной особенностью современных художественных текстов является «образ читателя». По мнению А. Ю. Большаковой «читатель больше не пассивная инстанция, на которую автор оказывает воздействие. «Образ читателя» понимается, как основная коммуникативная модель, реализующаяся в процессе восприятия». [2, с.24]

Неоспоримым является тот факт, что любой язык претерпевает изменения и развивается, из этого следует вывод о том, что в современных художественных текстах так или иначе можно наблюдать некоторые изменения, как в грамматическом, так и лексическом и синтаксическом строе.

Так, например, «в современных художественных произведениях усиливается тенденция к созданию в письменном тексте эффекта устного речевого акта. Согласно наблюдениям лингвистов, использование элементов разговорной речи в художественных текстах является продуктивным лингвистическим приёмом. Занимают значимое место в ряду средств стилизации разговорной речи синтаксические средства, поскольку с их помощью автор может передать интонацию живой, спонтанной речи. Одним из распространённых синтаксических средств стилизации разговорной речи является вставная конструкция». [3] Примером употребления разговорной речи в современном художественном произведении могут послужить отрывки из романа Стивена Фрая.

“That’s what the row today was about, in fact. Your dad was on *Weekend World* at lunchtime, you prolly saw him.”

‘Where *do* they find them?’

‘Find who?’ I said coldly, gearing up for a fight.

‘*Whom,*’ said Hillary.

‘These tweed-jacketed throwbacks,’ said Pete. [8, с.4]

В данном отрывке можно заметить употребление сокращений *prolly*, вместо *probably*, а также некорректные формы вопросов ‘Find who?’ вместо ‘*Whom,*’.

Еще одной характерной особенностью данного художественного произведения является употребление ненормативной лексики в разговорной речи подростков. Например:

“I think he was pretty horrid to her”.

“Pete returned to the bloody TV..” [8, с. 5]

Если говорить об особенностях разговорной речи в современных английских художественных произведениях то, можно отметить отсутствие сложных видовременных конструкций, что позволяет нам судить об упрощении речи. Помимо этого в современных художественных текстах наблюдается тенденция к сохранению прямого порядка слов в вопросительных предложениях, что совсем не характерно для классической литературы и тенденция к употреблению фразовых глаголов вместо односложных лексических единиц.

Например, использование фразовых глаголов можно найти, в предложениях:

“They’re cutting back on unemployment benefit. In real terms it’s gone down by five per cent in just two years”. [8, с.4]

“You let them go on and on about private education”. [8, с.4]

“But you never let on”. [8, с.4]

Также следует отметить, что в современных художественных текстах наблюдается «сочетаемость слов с различной стилистической окраской, большое количество вводных слов, эллипсис, компрессии». [1, с. 287]

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что в современных художественных текстах можно наблюдать свои особенности, которые отличают их от классической литературы. Безусловно, как и в любом художественном произведении в современных текстах эпохи постмодернизма можно наблюдать и культурные особенности, и обильное использование стилистических средств выразительности. Однако, помимо этого, можно отметить разнообразную сочетаемость стилей и жанров, изменения в языке, такие как упрощенные конструкции, компрессия, эллипсис, широкое употребление разговорной речи.

***

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Большакова, А.Ю. Образ читателя как литературоведческая категория // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2003 год. Т 62, № 2. – С.17-26.
3. Коршунов, П.Г. Вставные конструкции как средство стилизации разговорной речи в художественном тексте // Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, 2018 С. 360-363
4. Кремнева, А. В. Интертекстуальные включения как один из барьеров на пути интерпретации смысла текста // Филология и человек. 2019. С. 46-57
5. Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. 317 с.
6. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин – М.: Наука, 2003. – 318 с.
7. Чотчаева, М. Ю. Сосновский В.Т. Постмодернизм в культуре и литературе современности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Филология и искусствоведение». Майкоп: изд-во АГУ, 2017. Вып. 2. С. 177-182.
8. Stephen Fry, The Stars Tennis Balls / UK: ARROW books Ltd, 2004 – 169 p.

Исянгулова Г.А., Елкибаева Р.И.

О категории степени сравнения в башкирском языке

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-238

idsp: ljjournal-11-2019-238

Аннотация

В данной статье рассматриваются степени сравнения имен прилагательных и способы их образования в современном башкирском языке. Источниками фактического материала послужили словари башкирского языка, образцы из художественной литературы.

Ключевые слова: башкирский язык, часть речи, имя прилагательное, семантика, степени сравнения.

Absrtact

This article discusses the degree of comparison of adjectives and ways of their formation in the modern Bashkir language. The sources of factual material were dictionaries of the Bashkir language, samples from fiction.

Keywords: Bashkir language, part of speech, adjective, semantics, degrees of comparison.

Имена прилагательные – одна из наименее изученных частей речи в тюркском, в том числе в башкирском, языкознании. Исследования по грамматике башкирского языка показывают, что имя прилагательное по сравнению с другими частями речи не получило достаточно основательного изучения в научно-теоретическом плане. В башкирском языкознании рассматривались лишь отдельные аспекты этой проблемы.

По своей природе имена прилагательные очень многоплановы, в тюркских языках имена прилагательные могут выступать и как имена существительные, и как наречия. Все это обуславливается количественными и качественными изменениями.

По лексико-грамматическому значению имена прилагательные подразделяются на качественные и относительные. Качественные прилагательные имеют степени сравнения, относительные прилагательные этой категорией не обладают.

Категория степени качества в тюркологии рассматриваются в работах Ф. Г. Исхакова [10], С. А. Салахова [16], А. Хаметовой [18], Б. Т. Созаева [17], Г. М. Матчановой [15], З. М. Чамсутдиновой [19], З. З. Абсалямова [3], В. А. Костенко [14] и др.

Чаще всего исследователями отмечаются три степени: а) положительная, уменьшительная, превосходная; б) положительная, сравнительная, превосходная; в) обычная, сравнительная, превосходная; г) положительная, уменьшительная, увеличительная [10; 6; 13]. Некоторые авторы указывают на четыре степени: а) положительную, сравнительную, превосходную, уменьшительную; б) положительную, уменьшительную, увеличительную, усилительную [17].

Нередко выделяется пять степеней качества прилагательных: а) положительная, усилительная, сравнительная, интенсивная, превосходная; б) положительная, сравнительная, превосходная, уменьшительная, увеличительная; в) положительная, уменьшительная, увеличительная, усилительная, превосходная [5].

Степени сравнения имен прилагательных показывают различия в полноте проявления одного и того же признака в разных предметах и выражаются специальными грамматическими показателями. В современном башкирском языке выделяют 4 степени сравнения имен прилагательных: основная, сравнительная, превосходная, наименьшая.

Основная, нулевая, или исходная форма прилагательного, выражает качество, признак безотносительно к свойству других предметов. Примеры: Йәшел үлән өстөндә турғайзар никерешә (М. Кәрим). Мөйөштә һәйбәт һауыт-һаба шкафы, комод өстөндә радио, стенала матур келәм, изәндәрәнә лә эргәләре кызыл менән каймалы йәшел юллама йәйелгән (Н. Мусин). Мозафарзың ясы каштары емерелде (Н. Мусин). Был бәләкәй мәсьәлә түгел, иптәш председатель (Н. Мусин). Председатель етди төс алды, артындағы стенаны кағып, бухгалтерзы сақырзы (Н. Мусин). Шәп тә, хөрт тә кеше был Фәтих ағай (Н. Мусин).

Сравнительная степень выражает признак предмета большей или меньшей интенсивности, чем признак другого предмета. Данная форма образуется при помощи аффиксов -рак, -рәк, -ырак, -ерәк, -орак, -өрәк. Примеры: Ишәктә төпөшөрәк кәүзәле, түп-түңәрәк битле, ясы кара кашлы берәү күренде (Н. Мусин). Кинонан сыккас, оло юлға төшкәнсе бергә барзылар. Был үткер телле, шаталағырак кыздан тиз генә айырылып киткәһе килмәһә лә, уны кыздар озатып йөрөргә килмәгәнһең бит бында тигән “акыллы” тойғо еңде (Н. Мусин).

Превосходная степень (форма выражения усиления признака) имен прилагательных образуется путем редупликации первого слова прилагательного с вставкой структурной морфемы -п, в единичных случаях – -м. Примеры: Әлеге ап-ақ куляулығы менән танау осон йәһәт кенә тызып алды (Н. Мусин). Уның йорт түбәһен

шунда ук ап-ак кар капланы (М. Кәрим). Икенән үрелгән озон сәстәрен башына килешле итеп урап куйған кыздың кап-кара күззәренән, бит остары ғына алһыуланьп янған түңәрәк йөзөнән һәр сак яғымлы бер нур бөркөлөп торған төслө. Уның һөйләшеүе лә йомшак, бөтә торош-һынышы менән һөймәлекле кыз (Н. Мусин). Зәп-зәңгәр булып туңып, катып калған күкте күрәм (М.Кәрим). Ғәзәттәге яп-ябай бер бәндә (Н. Мусин). Урамы йәм-йәшел сизәмгә күмелгән кескәй ауылға карап, уйға сумды (Н. Мусин). Юл тәүзә тип-тигез яландар аша тартыла. Баһыузарзағы ап-арук буй ебәргән йәм-йәшел ужымдарзы кара бәрхәттәй булып яткан пар ерзәрзе алмаштыра, унан, тау-урманлы районда сәсеү һуңлабырак үткәрелгәнлектән, күгәрәп сығып кына килгән язғы һабан ашлыктарының баһыузары башлана (Н. Мусин). Шуның аръяғында Урал тигән бейек тау бар, тау түбәһендә эзәм үтмәслек кара урман, урман эсендә түп-түңәрәк аклан, түп-түңәрәк аклан эсендә түп-түңәрәк күл булыр (М.Кәрим).

Особую форму в превосходной степени образуют прилагательные *яңы* и *яңғыз*. Примеры: Уның өр-яңы йәшел салбар кешәләренә мин тәүзә көнбағышты, унан һуң кипкән муйылды үз устарым менән шатлана-шатлана ташыным (М. Кәрим). Япа-яңғыз калды картайған көнөндә (Н. Мусин).

Превосходная степень прилагательных также может образоваться способом повторения имен прилагательных. Примеры: Тик бында, ауылында, һылыу-һылыу кыззарзы, гонаһһыз сабызарзы, батыр, тоғро узамандарзы берәм-берәм йотоп яткан «Аслык» тигән ун ике башлы аждаһаға осраны... (З. Биишева). Тәрилкәләргә эре-эре киҫәк иттәр бүлеп һалынған (Н. Мусин).

Превосходная степень имен прилагательных также может образоваться при помощи усилительных частиц *иң*, *бик*, *гәжәп*, *угата*, *үтә*, *харап*, *ғәләмәт*. Примеры: Төҫкә-башка бик күркәм, һиммәтле кеше (Н. Мусин). Ләкин унда иң алдыңғы колхозсыларзың, бигерәк тә малсыларзың балалары ғына алына ине (Н. Мусин). Бына бөгөн клубта бик шәп кисә булырға тейеш (Н. Мусин). Хатта арабызза иң йыуаш, иң тыйнаклы иҫәпләнгән Аркыры баш Хәмитйән дә тел-теш күрһәтә башланы (М. Кәрим). Үтә бер катлы кеше икән был, тип уйлаһаң уйларһың, эммә бер фекеремдә әйтмәй сарам юк (Н. Мусин). Харап ирмәк кеше ул Шәһизулла ағайым (М. Кәрим). Тик бына ошо сакта ғына ул Мәликәнәң үзе өсөн бик-бик кәзерле кешегә әйләнәүен тойзо (Н. Мусин). Ошондай иң тапкыр, иң дәрәс, иң ғәзел яуап табылғас, малайзар хәстәрзән бушап, иркәнәйеп калды (М. Кәрим). Минәң тынғыһыз һәм дыуамал башым өсөн ул иң ышаныслы, иң мәрхәмәтле төйәк буласак (М. Кәрим). Мизхәттән ике йәшкә өлкән Нәзифә үтә баһалкы, өндәшмәс бер кыз ине (Н. Мусин). Тыуасак Хәбибулла ла минәң күз алдыма алтын сәсле, көмөш тырнаклы ғәләмәт зур бәһләүән булып килеп баһа (М. Кәрим).

Хотя З. Г. Ураксин считает, что “аналитические конструкции *бик һәйбәт* (кеше), *гәжәп зур* (пароход) и т.п. представляют собой скорее лексико-синтаксическое явление” [8, с. 196].

Форма наименьшей степени образуется только от прилагательных, которые обозначают цвет, вкус и физическое состояние. В башкирском языке форма выражения ослабления признака оформляется следующими аффиксами:

1. -кылт, -келт, -ғылт, -гелт. При присоединении данных аффиксов отбрасывается конечный слог слова или его часть. Примеры: Ул кара цигейка яғалы, йока тышлы йәшкелт пальто кейгән, аяғында кышкы ботинка, куян йөнөнән бәйләнгән карзан да ак башлығы уның былай за ак йөзөн тағы ла нығырак ағарткан һымак (Н. Мусин). Һәр кемдәң алдында – каса менән әлегә әскелтем айран (Н. Мусин). Әйтерһең, анау бөгәрләһәп-бөгәрләһәп яткан нәмә хәзер һарғылт йүкә бау түгел, ә ошо ямак кешенәң ике күзенән атылып сыккан нур тасмаһы (М. Кәрим). Ысынлап та, эле батып барған қояш яктыһында ялтырап ятқан алтын-һарғылт бау нәк ун ете йылдан һуң ак толпарзың муйынына ураласак (М. Кәрим).

2. -һыл, -һел, -һыу, -һеу. Примеры: Өле күзе лә асылмаған кып-кызыл йән эйәһенең ирендәре алһыу имсәккә тейеү була, әсәһең акһыл йонсоу маңлайы капыл балкып яктырып китә (М. Кәрим). Мин уның бары төшөнкө журындарын һәм арык акһыл йөзөн генә күрәм (М. Кәрим). Караһа, Рәшизәһең алһыу бите буйлап йәштәр тәгәрләй (Н.Мусин).

3. -са, -сә. Пример: Йәнә уның эйәк өстөндәге озонса ғына аркыры йөйзө шәйләнем (М. Кәрим).

4. Некоторые аффиксы, выражающие ослабление качества, присоединяются лишь к одному или двум прилагательным: *аг-ыл-йым, күг-ел-йем, кара-ғус-кыл* и т.д. Примеры: Һоло баһыуҙары ла йәшкелт күгелйем төскә ингән (Н.Мусин). Мәликә уның һылыулығына тәүге тапкыр игтибар итте; ул кыйылып торған кара каш, ул карағускыл һылыу йөз (Н. Мусин).

Хотя некоторые языковеды аффиксы наименьшей степени прилагательных рассматривают в разделе словообразования имен прилагательных, считая, что эти формы и по семантике, и по функционированию тяготеют больше грамматическому уровню, нежели словообразовательному, хотя они могут присоединяться не ко всем прилагательным [10, с. 147].

Таким образом, имя прилагательное – знаменательная часть речи, объединяющая слова, которые обозначают относительно постоянные, статичные признаки, качества, свойства, присущие предмету или предполагаемые у него. Они противопоставлены с одной стороны наречиям, которые выражают признак действия или признак признака, с другой – существительным, которые обозначают сам предмет.

***

1. Абдуллина Г.Р. Категория степени качества в башкирском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2009, № 6 (2). С. 188-191.
2. Абдуллина Г.Р. Грамматическая система башкирского языка: формообразование и словоизменение: Учебное пособие. Уфа: Гилем, 2011. 294 с.
3. Абсалямов З.З. Наречие в современном башкирском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974. 21 с.
4. Асанова З.А. Категория степени качества имен прилагательных в крымскотатарском языке // Симферополь: Культура народов Причерноморья. Вопросы духовной культуры – Филологические науки. 2011. № 198. С. 68-70.
5. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Ч.1. Части речи и словообразование. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 542 с.
6. Гаджиева Н.З., Серебрянников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1986. 302 с.
7. Гарипов Т.М. Именное словообразование в башкирском языке. Уфа: БФ АН СССР, 1959. 224 с.
8. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.
9. Зәйнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. Өфө, 2002. 387 бит.
10. Исхаков Ф.Г. Имя прилагательное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М., 1956. С. 143-175.
11. Ишбаев К.Ф. Башкорт теленең һүзьяһалышы / Филми мөхәррире Э.Ф.Ишбирзин, Ф.Ф.Каһарманов. – Өфө: РФА Өфө филми үзәге, 1994. – 284 бит.
12. Ишбаев К.Г., Ишбаева Ф.Р. Имя прилагательное в башкирском языке. – Уфа: Гилем, 2011. – 146 с.
13. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
14. Костенко В.А. Имена прилагательные в современном татарском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 24 с.
15. Матчанова Г.М. Грамматические особенности степеней сравнения имён прилагательных в узбекском языке и способы выражения их в русском: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1975. 22 с.
16. Салахов С.А. Степени прилагательных в тюркских языках юго-западной группы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1984. 23 с.
17. Созаев Б.Т. Имя прилагательное в современном карачаево-балкарском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1970. 21 с.

18. Хаметова А. Превосходная и преувеличительная степени имён прилагательных в тюркских языках (на материале современных узбекского, уйгурского, казахского и туркменского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969. 19 с.
19. Чамсутдинова З.М. Морфолого-синтаксическая и деривационная характеристика прилагательных в кумыкском языке: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 187 с.
20. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1977. 191 с.
21. Эхтэмов М.Х. Хэзерге башкорт теле. Нүзьяһалыш. – Өфө: Гилем, 2000. – 153 бит.
22. Юнусова Ф.Р. Морфемная структура и словообразование имен прилагательных в башкирском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 21 с.

Козлова Е.Ю., Тыранова С.В.

**Учение о художественном тексте на современном этапе на примере романа
И.С.Тургенева «Отцы и дети» как воплощение теоретических представлений о
художественном тексте**

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского»
(Россия, Брянск)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-239

idsp: ljjournal-11-2019-239

Аннотация

Определение художественного текста затруднительно в научной сфере, поскольку вокруг данного вопроса большое количество мнений и споров. Рассматривая работы Ю. М. Лотмана, мы попытались раскрыть художественное многообразие романа Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети» и проанализировать его с лингвистической и литературоведческой позиции, существенно переосмысливая лингвистическое понимание текста и понимание литературоведческое, сместив акценты в сторону культурологической трактовки понятия.

Ключевые слова: художественный текст, лингвосемиотическая специфика, функции текста, события.

Abstract

The definition of an artistic text is difficult in the scientific field, since there are a lot of opinions and disputes around this issue. Considering the works of Yu. M. Lotman, we tried to uncover the artistic diversity of the novel by Sergey Sergeevich Turgenev “Fathers and Sons” and analyze it from the linguistic and literary position, substantially rethinking the linguistic understanding of the text and literary understanding, shifting the emphasis towards the cultural interpretation of the concept.

Keywords: fiction text, linguosemiotic specificity, text functions, events.

Текст – неоспоримый объект филологии. Круг задач современной филологии касательно изучения текста значительно изменился в сравнении с задачами и восприятием текста в прошлых столетиях. Теперь в центре внимания – задача постижения жизни текста. Текст рассматривается в его отношении к человеку, к действительности, другим текстам, – словом, в среде его существования. На современном этапе общественного развития текст окружает нас ежечасно. Текст – электронные носители, книги, Интернет, СМИ, в сферах управления и деловой жизни. Многообразие мира текстов очевидно: научные труды, классическая литература, исторические документы, публицистика, художественные и мемуарные интерпретации исторических событий. В современном мире текст отличается многофункциональностью. В современной культуре текст предстает как источник, памятник, произведение, сообщение. Изобилие мира текстов и отношений между ними повышает значимость текста как объекта филологии, создает предпосылки для

складывания в филологии ряда направлений, изучающих разные типы, виды текстов в их отношениях. Все составляющие филологию науки имеют дело с текстом как источником. Исследование и в лингвистике, и в литературоведении предполагает обращение к тексту.

Говоря о художественном тексте важно отметить, что художественный текст неизменно вызывает огромный интерес у исследователей, его изучению с различных позиций посвящено большое количество работ. В ходе нашего исследования мы обратились к статье И.В. Щербаковой «Художественный текст как предмет исследования». Большую историю имеют способы определения текста в широком смысле слова и его специфические особенности. И. В. Щербакова говорит об известных трудностях в исследовании художественного текста, поскольку определяет текст как многогранный объект. «Текст по своей специфике безграничен. Происходя, скажем так, из одной отрасли науки, он одновременно разными своими сторонами обращен к другим наукам» [3, с. 207].

Безграничность текста, упоминаемая автором, приводит к большому количеству его определений. Автор обозначает, что вопрос о расширении границ изучения текста за пределами лингвистических теорий беспокоит некоторых лингвистов, для которых художественный текст предстает функционально не обусловленным, его лингвосомиотическая специфика не описана и «лежит в каком-то ином плане» [3, с. 208]. Для того, чтобы её отыскать, необходимо точно выяснить, в чём именно состоит предмет лингвистического исследования художественного текста. Поэтому, когда отсутствует формулировка дефиниции текста вообще, нельзя уверенно утверждать, какие конкретно вопросы может и должен рассматривать лингвист в художественном тексте, а что оставлять за пределами такого анализа.

Определение художественного текста также затруднительно в научной сфере, поскольку вокруг данного вопроса большое количество мнений и споров. Рассмотрим основные из них. Прежде всего, художественный текст – вторичная моделирующая система, содержащая авторский вымысел, придуманный мир, закрытость и независимость от окружающей действительности. Художественный текст отражает индивидуальность автора, особенности его мировосприятия. Текст выступает носителем эстетической, художественной информации и является образной системой.

Щербакова И.В. в своей статье приписывает художественному тексту функциональную неопределенность и многозначность, указывает на уникальность авторского замысла и идентичность самого художественного текста, связывая всё со свободой автора в выборе средств выражения и содержания. Важно отметить, что к определяющему компоненту художественного текста автор статьи относит функциональную неопределенность текста, которая не передает никаких конкретных черт его получателя, а необходимость читателя идёт вровень с предсказуемостью, стремясь предугадать которую, автор ставит себя на место получателя и подчиняет функции художественного текста, но управлять ими по причине неопределенности и многозначности он не может. Одновременно художественный текст является и сообщением, и воспроизведением этого же сообщения.

Художественный текст всегда был и остаётся объектом изучения нескольких наук: литературоведения, лингвистики, семиотики и психологии. Безусловно, это лишь подтверждает междисциплинарный статус текста. В большой масштабности вопросами текста, в том числе и художественным, занимался выдающийся советский и российский литературовед Юрий Михайлович Лотман. Рассматривая его работы, мы попытались раскрыть художественное многообразие романа Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети» и проанализировать его с лингвистической и литературоведческой позиции.

Ю. М. Лотман существенно переосмыслил лингвистическое понимание текста и расширил понимание литературоведческое, сместив акценты в сторону

культурологической трактовки понятия. Стоит отметить, что лотмановская интерпретация понятия позволяет называть текстом образования самого разного плана — от человеческой личности и художественного произведения до текста жизни и текста культуры в целом.

Юрий Михайлович Лотман понимал текст в свете структурно-семиотического подхода, который подразумевает взгляд на любое явление культуры как на знаковое или имеющее потенциально знаковый характер.

Отдельная личность, в свою очередь, трактуется Ю. М. Лотманом как иерархически организованная система индивидуализированных социальных кодов. Поэтому, чтобы понять, например, автора художественного произведения, т. е. максимально приблизиться к его адекватному пониманию, необходимо реконструировать, во-первых, систему индивидуальных кодов художника, а во-вторых, систему значимых кодов культуры, к которой принадлежал автор [1]. Произведение «Отцы и дети» наглядно нам это демонстрирует. В романе подробно представлены главные герои – Евгений Базаров, Аркадий Кирсанов, Анна Сергеевна Одинцова. Описание внешности, образа жизни и предпочтений выявляют персонажей, которым автор импонирует в большей или меньшей степени. Обозначенная дата начала развития действий – май 1859 года, позволяют судить об эпохе, представить перемены социального и экономически-политического устройства страны. Узнать не только о спорящих «отцах и детях», но и о враждующих либералах с революционными демократами. Тем самым, следуя Ю. М. Лотману, раскрывая индивидуальные коды художника и значимые коды культуры мы лучше понимаем самого Ивана Сергеевича Тургенева и его отношение к происходящему в стране.

Значимость любого текста, прежде всего, определяется наличием информации, характер которой зависит от конкретной функции текста в системе культуры.

Лотман обозначил и выделил три основные функции текста:

Первая функция — это передача константной информации. При этом смысл текста неизменен при любом анализе текста, информационное содержание не меняется ни в количестве, ни в качестве.

Вторая функция текста — выработка новых смыслов. Ей Ю. М. Лотман уделяет основное внимание в своих трудах. Именно смыслопорождение и его механизмы выступают средством развития культуры и ее двигателем. В этом аспекте текст перестает быть лишь пассивным звеном передачи некоторой константной информации. Он превращается в источник новых смыслов, из чего следует, что главным его свойством становится активность. В процессе движения текста от передающего к принимающему происходит нетривиальный сдвиг значения, результатом которого становится образование нового сообщения. Обозначим, что не выявлено тождественное соответствие между кодировкой исходного текста и кодировкой перевода, что ставит под вопрос саму возможность идентичного перевода. Перевод в этом случае будет носить характер условной эквивалентности. А это значит, что текст, получающийся в результате перевода, можно в определенном отношении легко предсказать, но вместе с тем он был и остаётся непредсказуемым. Таким образом, тем самым исключается возможность получить исходный текст посредством обратного перевода, что при дальнейшем функционировании текста ведет к нарастанию смыслов.

Текст, осуществляющий функцию порождения новых смыслов, отличается полиструктурностью, многоязычностью, внутренней неоднородностью [1].

Художественные тексты — это концентрированное и вместе с тем высшее выражение текста культуры как такового. Эта разновидность текста рассмотрена исследователем на заключительном этапе эволюции текстов. Ю. М. Лотман определяет художественное произведение как «... многоязычное устройство со сложными и нетривиальными отношениями между субтекстами (структурными аспектами, которые

высвечиваются на фоне какого-либо одного из языков) [1]. Подобный текст не способен функционировать, если вырвать его из коммуникационных связей. Но стоит включить его в коммуникационную структуру, начать пропускать через него внешние сообщения, и он начинает активно работать как генератор новых сообщений и текстов.

Выполнение текстом эстетической функции в данном культурном сообществе обуславливает ряд существенных его особенностей. В художественном тексте все без исключения элементы, а также отказ от того или иного элемента, вводятся в сферу значимого. То есть любой элемент может оказаться значимым. Используя для расшифровки художественного произведения, целую иерархию дополнительных кодов — жанровых, стилистических, общеэпохальных, индивидуальных, — можно получить самые разнообразные наборы значимых элементов и, следовательно, широкий спектр интерпретаций данного текста.

Третья функция текста — функция памяти. Подразумевает то, что текст является не только смыслопорождающим, но конденсатором культурной памяти. Более того, текст, в первую очередь наиболее сложные его образцы, обладает способностью сохранять память о своих контекстах. Если бы этой способности не было, текст оставался бы в сознании воспринимающего сознания только самим собой, и прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязных отрывков. Но для воспринимающего текст — всегда часть реконструируемого целостного значения. Сумма контекстов, в которых определен текст приобретает осмысленность и которые определенным образом заложены в его смысловом потенциале, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство, семиосфера, которая является подвижным образованием, меняющимся в зависимости от того, какие культурные коды актуальны на данном историческом этапе [1]. Взаимодействие текста с культурной традицией актуализирует его смысл в рамках некоторого инварианта, позволяющего говорить, что текст в контексте новой эпохи сохраняет при всей вариативности истолкований идентичность самому себе.

Анализируя отдельные события романа «Отцы и дети» и роман в целом мы обнаружили реализацию каждого принципа. Первый принцип передачи константной информации с сохранением смысла реализуется в словах не только главных героев, но и второстепенных. Эпоха фоном подчеркивает достоверность сложившихся мыслей, разговоров и споров персонажей.

Второй принцип-выработка новых смыслов. Это может быть восприятие одежды Николая Кирсанова, манера общения Павла Петровича, действия Ситникова и Кукшиной – всё может различаться в восприятии передающего и принимающего. Однозначного соответствия мы не получим, что лишь подтверждает полиструктурность и многоязычность текста романа «Отцы и дети».

Третий принцип – функции памяти реализуется через общение с людьми разных возрастов. Например, подросток помнит смысловое пространство романа, взрослый вспомнит значение философской позиции нигилизма, а кто-то способен воссоздать в памяти диалоги и рассуждения Евгения Базарова, раскрывающие его взгляды на жизнь. Сумма контекстов, в ходе воспоминаний способствуют воссозданию целостной картинки романа, поскольку смысловой потенциал романа «Отцы и дети» весомый и значим, как в психологическом, так и в историческом рассмотрении.

***

1. Лотман. Ю.М. Художественный текст по общему развитию. (интернет-источник: http://ec-dejavu.ru/1-2/Yuri_Lotman_text.html)
2. Тургенев И.С. Отцы и дети. Дрофа. М., 2007. С. 196 – 380.
3. Щербакова И.В. Художественный текст как предмет исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-2. С. 207-208

Моргоева Л.Б.**Парные слова в осетинском языке и тексте***СОИГСИ ВНЦ РАН РСО-Алания
(Россия, Владикавказ)**doi: 10.18411/lj-11-2019-240**idsp: ljjournal-11-2019-240***Аннотация**

В статье рассматриваются парные слова как один из способов номинаций в осетинском языке. Затрагивается ряд актуальных вопросов, связанных с проблемой терминологического обозначения, их системной классификацией, способами лексикографического описания и определением их языкового статуса. Выявляются основные отличительные признаки парных слов от редупликативных форм и описываются формально-семантические особенности их образования. В качестве самостоятельных единиц признаются сложные лексические образования синтаксического типа с равноправными компонентами, вступающими в синонимические или антонимические отношения друг с другом, а также парные обозначения на основе ассоциативных представлений. Опираясь на результаты проведенного анализа языкового материала в разряд парных слов не включены редупликативные формы слов, компоненты которых не обладают семантической самостоятельностью и имеют иные структурно-грамматические модели построения.

Ключевые слова: лексика, парные слова, словообразование, контекстная семантика, осетинский язык.

Abstract

The article considers paired words as one of the methods of nominations in the Ossetian language. It raises a number of topical issues related to the problem of terminological notation, their systematic classification, ways of lexicographic description and determination of their language status. The main distinguishing features of paired words from reduplicative forms are revealed and formal-semantic features of their formation are described. Complex lexical formations of a syntactic type with peer components entering into synonymous or antonymic relations with each other, as well as pair designations based on associative representations, are recognized as independent units. Based on the results of the analysis of linguistic material, the category of pair words does not include reduplicative forms of words whose components do not have semantic independence and have other structural-grammatical models of construction.

Keywords: vocabulary, paired words, word formation, contextual semantics, Ossetian language.

Слова, оформленные как парные лексические единицы, довольно частое явление в осетинском языке. Привлекательность их состоит не только в образности и выразительности выражаемого смысла, но и в языковом статусе как самостоятельной единицы. Зачастую ученые склонны их рассматривать как потенциальный материал лексикографирования, поскольку «в основе подобных выражений лежит общий принцип удвоения на уровне формы и значения, который является источником редупликации» [1, с. 359].

Как явление, присущее многим языкам с разным типом системной организации, парные слова являются результатом уникальной способности человеческого мышления, о которой говорится в работах М.Ф. Алиевой, Ф.Р. Минлос, Б. Вэхли и других исследователей. Однако формирование и функционирование парных слов в различных языках происходит по-разному.

Большинство ученых усматривают в парных словах признаки редупликации и включают в это понятие редупликативные формы, которые характеризуются как лексические образования при помощи полного или частичного повтора слова или его частей, в том числе и варианты с однотипным изменением начальных звуков [2, с.143], часто приводящим к полной потере смыслового значения во второй части; с чередованием превербов [3; 4], изменяющем грамматический статус лексической единицы, с адаптированными заимствованиями редупликативных форм из других языков [5; 6] и другие виды редупликаций.

Очевидно, что модель редупликаций, заимствованная из тюркских языков, получила достаточно широкое распространение и давно вышла за рамки повторов с формальным изменением морфонологического состава редупликантов. Существующие типы классификаций редупликативных форм дают нам основание вычленять парные слова в отдельный тип лексических единиц, образованных, тем не менее, на основе редупликации.

Объем лексических заимствований, присутствующих в современном осетинском языке, позволяет утверждать, что эта редупликативная модель проникла в осетинский язык напрямую без посредства третьего языка. Востребованность и продуктивность данных лексических образований диктуют необходимость проведения специальных исследований и требуют определения собственного терминологического обозначения.

Разносторонний анализ парных лексем, представленных в разных языках дает многообразие терминологических обозначений, сообщающих о позиции и взглядах авторов на этот феномен в языке. Термины *дванда* и *биномы* вполне понятны и абсолютно синонимичны с термином *парные слова* (ПС), используемым в русскоязычных исследованиях. Наряду с этим используются термины *парные именования*, *формулы-синтагмы* (В.В.Колесов), *тождествовая* (А.А.Потебня), *тавтологические фразеологизмы* и *рифмованные фразеологические единицы* (В.М.Мокиенко), *репрезентативные пары* (А.Т.Хроленко), *редупликации* (Ф.Р.Минлос)» и др. [1, с. 359].

Характеризующие признаки редупликации в известной степени определены. Что касается остальных предлагаемых терминов, то каждый из них характеризует парные слова с какой-либо одной стороны, и, бесспорно, может быть использован как альтернативный термин-обозначение при рассмотрении ПС в определенном лингвистическом аспекте. Однако формульность и отношение к фразеологии могут быть весьма условными, поскольку компонентная устойчивость парных слов и их цельнооформленность относится не ко всем образованиям, поэтому не может учитываться в качестве определяющего признака ПС. Основным отличительным признаком ПС является тесная семантическая и морфологическая связь компонентов между собой. Их определяют, как «композиции с формальной сочинительной связью между компонентами» [7, с. 115], образованные на основе синонимических, антонимических и ассоциативных отношений. В некоторых работах предлагается включать в разряд ПС слова с редупликацией, поскольку «существуют как формальных, так и семантические мотивы для их объединения» [8, с96].

С другой стороны, явный признак воспроизводимости связан с узнаваемостью ПС, которая обеспечивается близостью с народной поэзией [9, с. 554] и являются типичными для народной речи и языка фольклора [10, с. 4]. ПС не являются готовыми языковыми единицами, а формируются каждый раз в соответствии с речевой ситуацией, с соблюдением коммуникативных целей и жанровой прагматики и норм стилового оформления.

Структурное оформление ПС одинаковое для всех типов и выстраивается по модели «основа+основа», которая не предполагает использование интерфиксальных морфем, усеченных форм в какой-либо части композита, и требует фиксированного словорасположения. Но для осетинского языка эта особенность не может выступать в

качестве определяющего признака, поскольку композитное словообразование в нем не имеет соединительных морфем, что усложняет выявление ПС как лексических образований.

Сочинительная связь, характерная для сложных слов рассматриваемого типа, строится на основе синонимического сближения, где один из компонентов является выразителем общего понятия, а второй имеет частный характер или отличаться стилистической окраской: *Бурафарныгаен ахгад уйд галуан-гараен йа дьргъдоны алыварс саджы сыкъатей,..* (11:1, с. 26) — «Замок-крепость Бурафарныга была огоржена вокруг сада рогами оленя»; *Се гасей фаस्ता ба цау-бодзо цаеuida.* (11:1, с. 197) — «За всеми в конце шел козел-вожак»; *Ацу, <...> ссарут (сызгъарин пурти), ноджыдар ай йа астэуыл афадут ама дзы мидагаей рахаудзен судзга-уырауга тымбылаг.* (11:5, с. 150) — «Иди, <...> найдите (волшебный шар), еще рассеките его по центру и оттуда изнутри выпадет горящий-обжигающий шарик»; *Знон Ерта Нарты бацыдысты ама Къармагоны ныцъыцел-ныммур кодтой.* (11:, с. 187) — «Вчера Три Нарта зашли и Кармагона раздавили-покрошили»; *Уахтаенег ама йа раесугъд ус Ацырухс алы бон дар сырды фыдаей цал-минас кодтой...* (11:1, с. 25) — «Уахтанаг и его красивая жена Ацырухс каждый день пировали-угощались мясом дичи...».

Пары могут формироваться и на основе причинно-следственной связи обоих компонентов, когда второй компонент является следствием первого или же значение одного компонента напрямую связано со значением второго:

Пр.: *Иу чызг йа хуыссены улы катыйл сси. Анна дьууа чызджы каугайа кердга-хуыйга кеныны.* (11:1, с. 43) — «Одна девушка в своей кровати затревожилась. Две другие рыдая кроят-шьют»; *Батырадз раздахт сахима. Уайыг дар, йа фазыл быргайа тыхтсей-амелттай уу афон фахаецца йа бастам.* (11:3, с. 121) — «Батрадз вернулся домой. Уаиг тоже силами-стараниями добрался до своей страны»; *Тыххай-фыдаей амбисбонма ныххаецца ис лептума.* (11:1, с. 278) — «С тяжким трудом (букв. «насильно-зло») к середине дня добрался до мальчика» и др.

Антонимические отношения между компонентами в ПС выражают часто временное значение, его границы, условность, приблизительность временных рамок, протяженность или иные значимые особенности конкретного текста. Причем вариативность грамматических форм позиционных частей зачастую существенно может изменить общий смысл парного образования. Скажем, образование *ахсавей-боней* «ночно-денно», «и ночью, и днем» имеет значение «весь день и всю ночь», тогда как вариант *ахсав-бонма* означает «с ночи до утра», «всю ночь». Компоненты ПС могут вступать в сочинительную связь с другими единицами, образуя новые понятийные смыслы: *бон-изарма* «весь день до вечера»; *бон-сауизарма* «весь день до позднего вечера»; *абон-райсом* «сегодня-завтра», «скоро»; *абоней-иннабонма* «сегодня до следующего сегодня», «всю неделю»; *райсом-иннабон* «завтра-послезавтра», *уабоней-иннабонма* «от одного сегодня до следующего сегодня». В данном случае можно говорить о серьезном концептуальном значении самих компонентов как самостоятельных лексических единиц, которые способны вступать в семантико-синтаксические отношения для выражения сложные пространственно-временных понятий.

Другие парные образования на основе антонимии могут выражать: а) динамику движения: *Уырызмаг куы старсти, уад аеддама-мидама бырын байдыдта...* (11:1, с. 202) — «Когда Урузмаг испугался, то начал ползать внутри-наружу»; *уалама-далама* «вверх-вниз»; *разма-фаस्ताма* «вперед-назад»; б) поперменную смену положения: *Бах удау разма куы фагагайы. Фарсма-цахгарма йыл куы ахъазы (дымга), ой!* (11:5, с. 358) — «Лошадь мчится вперед. Вдоль-поперек на нем играет (ветер)»; *уархма-даргама* «вширь-вкось»; *уаларм-даларм* означает «скрещенные на груди руки»; *ууырдам-иннардам*; в) указание на начальный и конечный компонент

«позиционного» ряда с общим значением «все компоненты данного порядка». Иногда «они могут состоять из семантических компонентов, соотносящихся друг с другом в качестве видовых понятий, объединяемых в более общие родовые понятия» [12, с.50-51]: *Нэй, аз цалынма къахэй-къухма да дарас ыцайтта кенон, суанг саргъма, уалынма мын аерхуыссен нэй.* (11:3, с. 44) — «Нет, пока я не подготовлю твою одежду полностью (букв. от «ноги до руки»), вплоть до седла, до тех пор мне не прилечь»; *серай-къатэм* «с головы до ног»; *зерондай-ногай* «И стар и млад», букв. «старью-новью»; *стырай-чысылай* «от мала до велика», букв. «большим-малым»; *хионэй-сецагелонэй* «от своего до постороннего», букв. «своим-чужим»; *хаестагай-дардай* «от близкого до далекого», букв. «близким-далеким» и под. г) для обозначения перечисления условного и малозначимого: *Сырдон, ныр къухы ныхта-едта та кед факаныны?* (11:4, с. 230) — «Сырдон, а ногти-прочее когда срезают?»; *Анафоны йыл саргъ бавсердта, йа къахтэм-йедтэм ын куы азылди, уед иуырдаем-иннардаем азылдыта кодта ама йа бахус кодта.* (11:5, с. 182) — «Позднее положил на него седло, и когда привел в порядок его ноги-прочее, то повертел в одну-другую сторону и высушил»; *куыздай-хаерагай* «от собаки до лошади», «собака-лошадь» и под.

Надо сказать, что особенности грамматического строя осетинского языка не всегда позволяют в полной мере представить адекватные соответствия ПС в русском языке. Зачастую расхождения в парадигмах склонения осетинского и русского языков требуют передачи значения ПС наиболее близким по форме сочетанием с предлогами.

Отметим, что при наличии явной антонимии в парных образованиях каждый компонент наделен самостоятельным логико-смысловым значением, и очень часто не одним, а несколькими. Скажем слово *хион*, в зависимости от контекста, может толковаться как «свой», «близкий», «родственник» в широком и узком понимании. Такая же многозначность наблюдается в других ПС. Лексема, состоящая в сочинительной связи с таким словом, выполняет в некотором роде функцию уточнения.

Варьирование грамматических форм в ПС могут дать образование с совершенно новым значением. Корневое сходство при этом не является достаточным основанием для того, чтобы воспринимать некий вариант как грамматическую форму одного и того же лексического образования. Так, ранее приведенный пример *еддама-мидама* «внутри-наружу» не тождественны с *еддаг-мидаг* «друг в друга», «переплетения, сплетения». Сравним: *Дæу тыххэй Нарт еддаг-мидаг систы, тæргай кæй ралыгъдта, уый тыххэй.* (11:2, с. 164) — Из-за тебя Нарты столкнулись друг с другом (букв. «перемешались»), потому что убежала». и : *Æз ам ма уарзоны тыххэй куы даен, ды та мын йа къах-къухта ахсыныс?* (11:1, с. 212) — «Я же тут ради своей любимой, а ты у меня пальцы ног грызешь?»; *къах-къухтыл кафт* «танец на носках».

В отдельную группу вычленяются ПС ассоциативного плана. В них чаще всего объединены неотделимые друг от друга понятия. Семантическая связь при этом может быть, как предметной, так и понятийной. Предметная связь обнаруживает более явные признаки, поскольку легко находит объяснения в виду своей очевидности: *Æма та йыл ныккалдта хъæд-дур, // Æма та ныддаевдаг сты, загъы, // Уыдон хъызт тъанджы майы.* (11:4, с. 133) — «И опять забросал его бревнами-камнями, // И опять затвердели, говорит, // Они в суровый трескучий месяц»; *Фат ама 'рдынаей хъазынхъом куы фесты, уед рацыдысты Къутуганен бон Донбеттырты калачы фат-ардынаей хъазга.* (11:1, с. 66) — «Когда стали способны играть стрелами-луком, то явились они в праздник Кутуганан в городе Донбеттыров стрелой-луком играя»; *хъуын-хъис* «пух-перо» и под.

Ассоциативная связь на понятийной основе обладает некоторой долей субъективности и может быть представлена условными семантическими параллелями. Их синонимические отношения основаны на сочетании семантически объемных единиц: «...са физонаеджы хъармыс-адджын тæф сын дымга дардма аскъæфта. (11:1, с. 25) — «...Тепловато-вкусный запах их шашлыка ветер уносил в даль»; *Уертæ тахга бараг-балцион, <...> ингаен скъах, баныгаен са ама, маенаей цы хærзиуаг курай,*

гъе уый дын ратдзынаен. (11:1, с. 33) — «Стремительный всадник-путник, вскопай могилу, похорони их и благо, какое будешь просишь у меня, таким и вознагражу»; *Æма ахæм бæхы Нарты бын уæрмы дар, уый туг-тæригъæд нау?* (11:4, с. 165) — «И такого коня держать в погребѣ Нартов, это ли не смертный грех (букв. кровь-грех)?».

Важной разновидностью ассоциативных ПС, мотивированных культурными представлениями осетинского народа, можно обособить в самостоятельную подгруппу. Компоненты в таких парах представлены важными кодовыми носителями культуры, которые могут синонимичны или полярно противоположны:

Пр.: *Ацу, мæ хур, уæларвон зæдтæ-дауджытæ дын Алагаты ахсарæй гыццыл хай бакæнаент!* (11:5, с. 187) — «Иди, солнце мое, пусть небесные ангелы-покровители наделят тебя немного доблестью Алаговых»; *Дис мæм кæсы, сымах кæрæдзийæн хистæры бар кæй нæ дæттут, уый! Авд стут æмæ хистæр-кæстæр куы нæ зонут...* (11: 4, с. 57) — «Меня удивляет, что вы не даете друг другу право старшего! Вас семеро, и вы не знаете старший-младший...» и под. Компоненты таких образований объединены общими фоновыми знаниями, без понимания которых восприятие глубинных смыслов парных сочетаний данной группы значительно усложняется. Скажем, без глубинных знаний и понимания важности роли старшего в осетинском обществе и традиционных этико-поведенческих норм младшего, невозможно правильное толкование парного слова *хистæр-кæстæр* «старший-младший», так же, как и адекватное толкование лексических образований *фыдæй-фыртмæ* «от отца к сыну», *цæргæ-цæрæнбонтæ* «всю жизнь, всегда (букв. живя+жизненные+дни)» и т.д.

Редупликативные формы, которые в ряде работ относят к одной из разновидностей парных слов, имеют свои структурные особенности и словообразовательные приемы [4; 13; 14]. Отличительной особенностью является то, что «каждый редупликатор «привязан» лишь к одному редупликанту, при этом повтор строится не произвольно, а в соответствии с определенными закономерностями» [12, с. 79]. Поэтому следует с осторожностью относиться к включению в состав ПС какие-либо редупликативные формы, поскольку они представлены редупликативными формами, построенными по определенным принципам, отличными от механизмов образования представленных в данной работе сложных слов. Так, варианты *рагъæу-багъæу* «табун, стадо», *хæлиу-мæлиу* «вразвалку, разбросано (от первого компонента разбросано)», *хъентæ-ментæ* «неравномерно, беспорядочно (от первого компонента стоймя)», *сонт-монты* «неожиданно, вдруг (от первого компонента взбалмошный)», *цъындаг-мындаг* «зажмуривший, вслепую (от первого компонента закрытый)» и другие являются лексическими образованиями, семантика которых определяется по первому компоненту-редупликанту, а редупликатор при этом, будучи в подчинении, представлен асемантизированной формой редупликанта.

Некоторые семантические расхождения и новые смысловые оттенки, несомненно, появляются при такой немотивированной редупликации. Более того, многие из них снабжены самостоятельными лексикографическими описаниями [15] и подвержены грамматическому изменению как полнозначные лексические единицы. Однако, сходство их с ПС ограничивается компонентным, двучастным оформлением. В отличие от компонентов в ПС, где каждая часть имеет самостоятельное логико-смысловое значения, редупликаторы не употребляются в речи в качестве самостоятельных единиц.

Сомнительно отнесение к ПС и соединения с явно просматриваемой подчинительной связью, при которой один компонент является определительным уточнением другого компонента с по типу изафетной конструкции: *Нартæ лæг-хуыздæр, лæг-разагъдæрæй цыдысты балцы.* (11:4, с. 125) — «Нарты лучшие из лучших (букв. мужчина-лучший, мужчина-почетнейший) ходили в поход»; ...*Инна майрæмбонæ Бæрæг обаума чи нæ æрцауа, уый чызг-уацайраг æмæ чызг-хъалон ивар кæндзынаен...* (11:5, с. 327) — «... Кто не придет в следующую пятницу к Известному холму, того буду штрафовать девушкой-пленницей и девушкой-налогом...». Обратный

порядок расположения компонентов освобождает такие образования от дефисного написания и демонстрирует их подчинительную связь, характерную для свободных словосочетаний.

Таким образом, ПС отличаются множеством семантических и формальных закономерностей [5, с. 13], характерных лексическим единицам, включая их общую для обоих компонентов синтаксическую роль в высказывании. Вместе с тем, благодаря лексической самостоятельности каждого компонента, они легко могут трансформироваться в синтаксические конструкции по типу повтора с сохранением сочинительной связи.

Возможное разложение ПС на синтаксические конструкции допускает и обратный процесс сложения формально равнозначных и семантически оправданных компонентов. Это усложняет определение источника-основы, особенно, когда компоненты ПС бытуют в малых фольклорных жанрах и кратких предложениях в виде повторных синтаксических конструкций наравне с их лексикализованными формами осетинского языка. Вместе с тем, этот факт обеспечивает их узнаваемость и воспроизводимость.

Таким образом, ПС представляют собой сложные лексические образования, компоненты которых являются самостоятельными лексическими единицами языка. Объединение их происходит на основе семантического схождения, ассоциативных смыслов или антонимичных значений, исходя из которых формируется семантически и грамматически сложная единица с новой смысловой нагрузкой. Имея отдельные категориальные признаки устойчивых оборотов, ПС, тем не менее, остаются лексическими единицами, требующими специальных исследований для определения их места в лексической системе языка, поскольку общее значение полностью выводимо из семантики каждого из компонентов.

***

1. Адрианова Д.В. Парные словосочетания в славянских языках (как потенциальный материал лексикографирования). Межкультурная коммуникация, 2009. С. 359-364.
2. Николаев С.В. Что такое хухры-мухры. // Русская речь. 1985, № 4. С.140-144.
3. Абаев В.И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. Труды Института языкознания. М., 1956, Т.6, С. 409-427.
4. Моргоева Л.Б. Структурно-семантические особенности звукоизобразительных единиц в языке и тексте. Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып. 22. С.78-86.
5. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. Дис. канд.филог.наук / Ин-т славяноведения РАН. М., 2004. 20с.
6. Бекташ Локман «Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках», дисс... канд. фил. наук. Душанбе, 2015. 198 с.
7. Фомин Э.В. Парные слова в русском языке. // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам XIV междунар. науч.-практ. конф. — № 3(14). — М., Изд. «МЦНО», 2018. — С. 114-118.
8. Минлос Ф.Р. Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1. С. 96–115.
9. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., Просвещение. 1968. 549 с.
10. Колесов В.В. Принцип парного соединения близкочуждых слов в древнерусских литературных текстах // Исследования по истории и диалектологии русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – АлмаАта: Издво КазПИ, 1990. – С. 3–11.
11. Нарты кадджытæ (Нартовские сказания). Владикавказ, 2003. Кн. I. 2004. Кн. 2; 2005. Кн. 3; 2007. Кн. 4; 2011. Кн. 5. (на осет. яз.).
12. Семенова Г.Н. Композитообразование в чувашском языке и его национальная специфика. М.: Прометей, 2005. 317 с.
13. Моргоева Контекстное варьирование внутренней семантики глагольных номинаций в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 33(72). С. 63-72.
14. Ерина Т.Н., Фомин Э.В. Жили-были... К проблеме парных слов русского языка. // Вестник Чувашского университета 2016, №4. С. 190-195.
15. Осетинско-русский словарь /под ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.

Назарова Н.А., Назаров С.В.

Понятие «концепт» как единица междисциплинарных лингвистических исследований

*Омский государственный педагогический университет
(Россия, Омск)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-241

idsp: ljournal-11-2019-241

Аннотация

В статье рассматривается понятие «концепт» как единица междисциплинарных исследований. Описываются различные подходы к определению концепта, и акцентируется внимание на его роли в построении картины мира человека и его характеристиках в рамках лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований. Приведены примеры классификации лингвокультурных концептов.

Ключевые слова: концепт, ментальная единица, лингвокогнитология, лингвокультурология, междисциплинарность, классификация.

Abstract

The article is devoted to analyze the term “concept” as a unit of interdisciplinary researches. Different approaches to the definition of a concept are described and the emphasis is made on the role of a concept in a person’s worldbuilding and its characteristics in cognitive linguistics and linguocultural studies. The examples of linguocultural concepts classifications are given.

Keywords: concept, mental unit, cognitive linguistics, linguocultural studies, interdisciplinary, classification.

В современном мире процессы глобализации способствуют укреплению политических и экономических связей между странами, интенсивному расширению языковых контактов, порождают интерес к изучению культурных понятий изучаемых стран и взаимодействию лингвокультурных сообществ. Все это объясняет повышенное внимание исследователей и ученых к понятию «концепт», поскольку он является междисциплинарным образованием и находит широкое применение в целом комплексе наук, включая различные области лингвистической науки.

Современная лингвистическая наука характеризуется полипарадигматизмом, то есть в настоящее время в языкознании существует несколько научных парадигм, не только не отрицающих друг друга, но сопряженных друг с другом и позволяющих рассматривать лингвистические явления более полно и объемно. Обогащение научного знания на современном этапе развития лингвистики происходит за счет экспансии в смежные дисциплины. Одним из факторов, объясняющих необходимость интегрирования нескольких научных парадигм в современной лингвистике, является «выявление огромного неоднородного фонда конкретных пограничных явлений и фактов, которые ранее не привлекали к себе пристального внимания, в то же время являлись свидетельством высокой степени сложности и многогранности анализируемого языкового материала, не вписывающегося в традиционную лингвистическую парадигму». [4]

Примером такого явления выступает термин «концепт», который широко используется в целом комплексе наук (философии, логике, психологии, культурологии и т.д.), включая различные области лингвистики, и характеризуется размытостью границ и смешением с близкими по значению терминами. Являясь междисциплинарным образованием и представляя собой мыслительную, ненаблюдательную категорию, содержание понятия «концепт» существенно варьируется в разных научных направлениях.

В настоящее время оформилось несколько подходов к определению понятия «концепт» в научной литературе: психологический, логический, философский, интегративный и лингвистический.

В рамках логического подхода концепт рассматривается как понятие практической философии, возникающее в результате взаимодействия таких факторов, как жизненный опыт, религия, национальная традиция, ощущения в системе ценностей и т.д. [1] Сторонники философского подхода под концептом понимают то, что определяет выбор словесного знака и направляет мысль, в то время как сама философия отражает национальную ментальность, представленную в структуре языка. [6]

Психологический подход трактует концепт как некое мыслительное образование, которое выполняет заместительную функцию; то есть концепт замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, что позволяет преодолевать несущественные различия в понимании слов и облегчает процесс общения. [2; 9] Представители психолингвистических исследований представляют концепты как «комплексные дискретивные единицы сознания, при помощи которых осуществляется процесс человеческого мышления. Концепты выступают как единицы хранения человеческого знания» [10].

Таким образом, ученые разных научных направлений размышляют о концепте, что подчеркивает его многоаспектность, междисциплинарный характер и его интегрирующую роль в науке в целом. Интегративный подход делает акцент на том, что концепт – это «многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, в качестве конститuentов которого выступают эмоциональный, рациональный, абстрактный и конкретный компоненты». [7] Так, в рамках интегративного подхода Г.Г. Слышкин рассматривает концепт как принадлежащий сознанию, детерминируемый культурой и опредмечиваемый в языке.

В современной лингвистической науке на данный момент выделилось два основных подхода к исследованию понятия «концепт»: лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Общим для данных подходов является связь языка и культуры, а различие обусловлено разным видением роли языка в формировании концепта, то есть, с одной стороны, концепт – это то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, так называемый «сгусток культуры в сознании человека» [11]. С другой стороны, концепт – это то, с помощью чего человек сам входит в культуру и может влиять на нее, потому что средством материализации и объективизации концепта является язык.

Использование понятия «концепт» в двух современных парадигмах языкознания: лингвокогнитологии и лингвокультурологии подчеркивает междисциплинарный характер этого понятия и актуальность его изучения.

Понятие «концепт» становится основным в современной когнитивной лингвистике. Оно пришло из когнитологии и сразу стало предметом внимания лингвистов, исследующих проблемы языка через призму когнитивности. Под когнитивностью понимается познавательная деятельность человека, сопряженная с необходимостью различать и отождествлять объекты и предметы. Такие операции возможны только при наличии концептов, мыслительных образов, обозначаемых языковыми знаками. Из концептов составляется семантическое пространство, по которому можно судить о структурах знаний в их национальном преломлении.

Представители лингвокогнитологии (Бабушкин А.П., Болдырев Н.А., Кубрякова Е.С., Стернин И.А. и др.) трактуют концепты как когнитивные единицы, выполняющие функции переработки, накопления и систематизации информации, с помощью которых происходит категоризация мира. Отражая результаты деятельности человека, его опыт, концепты, как определенные «кванты» знаний, сводятся к разным образам определенными формами индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей.

Лингвокогнитология, исследовавшая языковые механизмы и рассматривающая проявления структуризации знаний, также затрагивает вопросы включенности концепта в культуру, что является, в свою очередь, объектом изучения лингвокультурологии. Теоретико-методологическая база лингвокультурологии находится на стадии становления, поскольку она выступает сравнительно новым направлением в системе современного знания. Принято считать, что лингвокогнитология предоставляет лингвокультурологии обширный аналитический инструментарий, позволяющий раскрыть этносемантическую специфику языковых структур.

Лингвокультурология изучает взаимодействие языка, культуры и человека, который создает культуру посредством языка. Являясь одним из стержневых понятий лингвокультурологии, концепт имеет множество определений и интерпретаций.

Сторонники лингвокультурологического подхода (А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов и др.) рассматривают концепт как сложное социальное и психическое образование, имеющее сложную структуру, состоящую из понятийного, образного и ценностного компонентов. Понятийный компонент сохраняется в сознании в вербальной форме и воспроизводится непосредственно в речи. Образный компонент является невербальным, то есть его можно только описать. Центром лингвокультурного концепта является ценность, поскольку именно ценностный компонент позволяет отличить лингвокультурный концепт от других ментальных единиц, а именно когнитивный концепт, образ, фрейм, понятие, архетип и т.д. Многие лингвокультурные концепты национально маркированы и позволяют выявить отличия в разных языках и лингвокультурах, отражающихся в менталитете различных народов, что способствует осуществлению продуктивной межкультурной коммуникации.

В настоящее время внимание лингвистов привлекают вопросы типологии и классификации лингвокультурных концептов. Классифицировать концепты можно по разным основаниям. Например, лингвокультурные концепты могут быть дискурсивными и делиться на группы на основании признака отношения к тому дискурсу, в котором он вербализуется. Так, принято выделять научные лингвокультурные концепты, общественно-политические, экономические, религиозные, медицинские и т.д. Лингвокультурные концепты могут также типологизироваться социологически, то есть их принято подразделять на универсальные, этнические, групповые и индивидуальные. Ученые выделяют также эмоциональные лингвокультурные концепты, аксиологические концепты, ценностно-символические литературные, идеологические и т.д.

Анализ литературы также позволяет выделить две такие группы лингвокультурных концептов, как автохтонные концепты, то есть исторически сформировавшиеся и регулярно воспроизводимые в рамках определенного дискурса; и заимствованные концепты, то есть перенесенные в другой дискурс с какой-либо целью. Очевидно, что четких границ между лингвокультурологическими концептами не существует, поскольку они характеризуются гибкостью и подвижностью, и один и тот же концепт может рассматриваться в рамках различных классификаций.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемые выше подходы к понятию «концепт» не только не являются взаимоисключающими, но и помогают получить наиболее полную картину исследуемого явления. На основе разных определений понятия «концепт» можно выделить следующие его характеристики:

- концепт – это понятие междисциплинарных исследований;
- концепт является комплексной единицей человеческого мышления;
- концепт выступает как минимальная единица человеческого опыта, вербализующаяся с помощью языка и имеющая полевую структуру;
- концепты гибкие и имеют подвижные границы;
- концепты выполняют определенные функции;

- концепт является социальным и психическим образованием;
- концепт выступает основной единицей хранения, обработки и передачи информации о мире;
- концепт проявляется как основная ячейка культуры.

***

1. Арутюнова, Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия, М.: Наука, 1993. – С. 3-7.
2. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под рук. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – С. 276-279.
3. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. – С. 50-53.
4. Голякова, Л.А. Текст. Контекст. Подтекст. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. – 232 с.
5. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. – С. 3-16.
6. Колесов, В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
7. Кошкина, Е.Г. Понятие и сущность концепта как многомерного смыслового образования в коллективном сознании. [Электронный ресурс] / Е.Г. Кошкина. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/64596973>
8. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград, 2001. – С. 40-59
9. Лихачев, Д.С. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под рук. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
10. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Понятие концепта в лингвистических исследованиях // З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 30 с.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры // Опыт исследования. М., 1997. – С. 40-43.

Папсуева О.Г.

Трансформация фиктивных посланий в XX веке

*Калужский государственный университет имени К.Э.Циолковского
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-242

idsp: ljjournal-11-2019-242

Аннотация

В данной статье рассмотрена проблема трансформации фиктивных посланий в XX веке. Дана классификация фиктивных посланий по нескольким аспектам. Проанализированы характерные особенности фиктивного послания XX века. На основе проведенного исследования автор выделяет три основных аспекта, по которым происходит трансформация фиктивных посланий в XX веке.

Ключевые слова: фиктивные послания, русская литература, XX век, трансформация, адресат, адресант, коммуникация.

Abstract

This article discusses the problem of the transformation of fictitious messages in the twentieth century. There is the classification of fictitious messages in several aspects. We have analyzed the characteristic features of the fictitious message of the twentieth century. The author has identified three main aspects by which the transformation of fictitious messages takes place in the twentieth century.

Keywords: fictitious messages, Russian literature, twentieth century, transformation, addressee, addresser, communication.

Жанр послания является одним из древнейших в литературе, и логично, что в течение длительного своего развития он проходит через ряд изменений. В частности, в

посланиях меняется адресат. На наш взгляд, формируются три основные группы посланий – в основу классификации положена специфика адресата:

- 1) послания к конкретному адресату (самые частотные – как в классицизме, так и в XX веке),
- 2) к обобщенному (в XX веке их количество резко возрастает; возможно, это связано с тем, что советская поэзия стремится к большей риторичности, испытывает своеобразную необходимость в просвещении)
- 3) к фиктивному адресату (количество таких посланий тоже резко увеличивается в XX веке, видимо, в связи с осознанием экзистенциального кризиса и невозможности разговора с «другим», хотя при этом необходимость диалога усиливается) (Данная классификация представлена по: Артёмов С. Ю. Лирическое послание в литературе XX века: Поэтика жанра. <https://www.dissercat.com/content/liricheskoe-poslanie-v-literature-xx-veka-poetika-zhanra>)

В данной статье нас будут интересовать фиктивные послания, которые нуждаются в описании и типологии. Предлагаем свою классификацию, в основе которой специфика адресата:

- 1) послания к античным богам и библейским персонажам (Например, «Афине» В. Ходасевича, «Агасферу морей» И. Северянина, «Зачем?» К. Бальмонта);
- 2) послания к персонажам из художественных произведений и мифологии («Офелия – Гамлету», «Эвридика – Орфею», «Сивилла – младенцу» М. Цветаевой, «Кассандре» О. Мандельштама);
- 3) послания к известным, уже умершим личностям («К Овидию» А. Пушкина);
- 4) послания к странам и городам (стихотворения «К Москве», «Германии» М. Цветаевой; «Городу Пушкина» А. Ахматовой; «Франции» Н. Гумилёва; «Парижу» М. Волошина; «К Армении» В. Брюсова);
- 5) послания к музе, лире («К лире» В. Раевского, «К Музе» В. Ходасевича, «Музе» А. Ахматовой);
- 6) послания непосредственно к абстрактным явлениям, таким как жизнь, смерть, душа («Жизни» М. Цветаевой, «К Ней», «Тоске Времен» З. Гиппиус, «К Психее» В. Ходасевича);
- 7) послания к объектам внешнего мира («Сырнику», «Цветку Ивановой ночи», «Милому другу», «Звезде», «Портрету в черной раме» В. Ходасевича; «Моим пенатам» В. Раевского; «Городу», «К Арарату» В. Брюсова; «К вам, кавказские ущелья...» Н. Гумилёва; «Луна – лунатику» М. Цветаевой).

Особняком в этой классификации стоят так называемые «автокоммуникативные послания» (термин Артёмовой С.Ю), т.е. послания самому себе (Артёмов С.Ю. О смещении жанров лирики XX века // Парадигмы: Сб. статей молодых ученых. Тверь, 2003. С. 5–12.) (Например, «Послание – Сапгиру» Сапгира). Можно ли их в полной мере считать фиктивным посланием, остаётся вопросом. На наш взгляд, эта форма письма наиболее приближена к дневниковым записям.

Артёмов С.Ю. пишет, что специфика адресанта может выражаться в ролевой лирике, где автор послания скрывается под маской героя (Артёмов, С.Ю. Лирическое послание в литературе XX века: Поэтика жанра. <https://www.dissercat.com/content/liricheskoe-poslanie-v-literature-xx-veka-poetika-zhanra>), то есть адресант тоже может быть фиктивным:

- 1) может быть просто изменен пол (З. Гиппиус «К Ней»);

- 2) выступать в роли литературного персонажа («Офелия – Гамлету» М.Цветаевой);
- 3) быть объектом внешнего мира («Луна – лунатику» М.Цветаевой).

Кроме формальных признаков, меняется содержательный компонент фиктивных посланий XX века.

Идеальность коммуникации, присущая посланиям XIX века и не свойственная посланиям XX века, по мнению Артёмовой С.Ю., проявляется в абсолютном взаимопонимании адресата и пишущего, поэтому адресат противопоставляется всей остальной аудитории (Артёмова С.Ю. О смещении жанров лирики XX века // Парадигмы: Сб. статей молодых ученых. Тверь, 2003. С. 5-12. <https://cyberleninka.ru/article/v/kommunikatsiya-vopreki-o-transformatsii-zhanra-liricheskogo-poslaniya>). Мы не можем в полной мере согласиться с утверждением Артёмовой С.Ю., что в посланиях XIX века коммуникация более «идеальная», нежели в посланиях XX века – именно в отношении фиктивных посланий.

Как в XX веке меняется отношение к фиктивному адресату?

Первым отличием будет являться то, что раньше адресат был условностью, предлогом для выражения мыслей и чувств поэта (лирического героя). Теперь адресат воспринимается реальным. Т.е. лирический герой относится к адресату не как к «стене», а как к действительному участнику коммуникации.

Сравним «К моей чернильнице» А. Пушкина и «Москве» М. Цветаевой. В стихотворении А. Пушкина герой называет чернильницу своей подругой и наперсницей, однако говорит он лишь о своих переживаниях, не строя диалога со своим адресатом.

К моей чернильнице

*Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой век разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал*

<...>

*Беспечный сын природы,
Пока златые годы
В забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя.*

<...>

(отрывок из стих. А.Пушкина «К моей чернильнице»)

(здесь и далее курсив мой. – О.П.)

Всячески подчеркивается пассивная роль собеседника (чернильницы). Когда речь идет о чернильнице – «...Мой век разнообразный / Тобой украсил я...», творительный падеж местоимения «ты» говорит о страдательном залоге; кроме того, подчеркивается принадлежность (т.е. «вещность») чернильницы – «...Со мною неразлучно / Живи...». На протяжении всего послания активным действующим лицом является только отправитель. От жанра послания здесь лишь заглавие, интимный характер содержания и непосредственные обращения к адресату.

В противовес этому посланию в стихотворении М. Цветаевой «Москве» мы видим настоящий диалог, вопросно-ответную форму композиции. Столица предстаёт в образе бедной девушки. Лирический герой обращается к ней «голубка».

Москве

Гришка-Вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? – Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? – Далече.

- Голубочки где твои? – Нет корму.
- Кто унес его? – Да ворон черный.
- Где кресты твои святые? – Сбиты.
- Где сыны твои, Москва? – Убиты.
1917

Город видится и ощущается как реальный собеседник со своей историей и переживаниями. В данном случае мы видим уже чувства не только адресанта, но и адресата.

Другим примером является стихотворение В.Раевского «К моим пенатам». Адресат вымышленный, и так же, как в послании А. Пушкина, он (адресат) необходим только как немой слушатель излияний лирического героя. Тот просит защиты у родных пенат, как они это делали раньше.

В стихотворении К. Батюшкова «К стихам моим» мы снова видим пассивную роль адресата. В этом довольно большом по объему стихотворении лирический герой обращается к «стихам» всего два раза: в начале и в конце (используется 2-е лицо местоимений).

Послание к стихам моим

Стихи мои! опять за вас я принимаюсь!
С тех пор как с Музами к несчастью, обращаюсь
Покою ни на час... О, мой враждебный рок!
Во сне и наяву Кастальский льется ток
Но с страстию писать не я один родился.
Чуть стопы размерять кто только научился
За славою бежит — и бедный рифмотвор
В награду обретет не славу, но позор.
Куда ни погляжу, везде стихи марают.
Под кровлей песенки и оды сочиняют.

<...>

Но нет... *Стихи мои, без вас нельзя мне жить,*
И дня без рифм, без стоп не можно проводить!
К несчастью моему, мне надобно признаться,
Стихи, как женщины: нам с ними ли расстаться?..

<...>

(отрывок «К стихам моим» К.Н.Батюшкова 1804–1805)

В центральной части – его рассуждения о нерадивых стихотворцах и самих стихотворениях (т.е. о самом адресате, а это значит, что он говорит о них уже в 3-м лице – «... нам с ними ли растаться?..»). Из чего можно предположить, что стихотворение было начато как послание, но потом автор «забыл» об этой своей цели и «вспомнил» лишь под конец.

К. Батюшков в примечании к этим стихам писал, что это сатира на стихотворцев (Благой. Комментарии: Батюшков. Сочинения. – 1934, с.551) Т.е. это всё-таки послание, но вместо действительного адресата (стихотворцев) К. Батюшков указывает фиктивного – стихи. И для своей сатиры он выбрал форму послания, однако не вполне

придерживался её. Не было взаимодействия между адресатом и адресантом, лирический герой пишет о своём адресате в 3-м лице как о ком-то постороннем.

В этом, на наш взгляд, состоит главное отличие фиктивных посланий XX века от посланий XIX века. Все вымышленные адресаты наделяются личными характеристиками, а иногда даже биографией («Москве» М. Цветаевой и др.) Они уже выступают не в роли пассивного слушателя, а становятся полноправным участником коммуникации.

Второе важное отличие будет также связано с ситуацией идеальной коммуникации. Для нее характерно разграничение между собеседником и остальной аудиторией. Здесь может быть несколько вариантов. В одних стихотворениях мы как раз можем видеть выделение адресата на фоне остального мира (например, в стихотворении В.Ходасевича «Сырнику»).

Сырнику

Милый, верный Сырник, друг *незаменимый*,
 Гость, всегда желанный в домике моем!
 Томно веют весны, долго длятся зимы, -
 Вечно я тоскую по тебе *одном*.

<...>

Друг и покровитель, честный собеседник,
Стереди мой домик до рассвета дня...
 Дорогой учитель, мудрый проповедник,
 Обождатель сыра, – не оставь меня!
 Осень 1913

Курсивом мы выделили слова, говорящие о том, насколько близок отправителю адресат. Стихотворение очень близко по духу к дружеским посланиям. В нём мы находим характерный для дружеских посланий мотив дома и приюта для поэта, только эту защиту от внешнего мира даруют уже не родные пенаты, а... сырник.

Встречаются послания, где адресат противопоставлен всему остальному миру, но не полностью, т.е. он не уникален в своем роде, есть кто-то или что-то похожее. Такой пример мы видим в стихотворении Цветаевой «Луна – лунатику».

Луна – лунатику

У лунатика и гения
Нет друзей.
 В час последнего прозрения
 Не прозрей.
 (отрывок Цветаевой 20 июня 1923)

Курсивом показали неединичность адресата. Он поставлен в однородный ряд с гением.

Третьей особенностью становится появление в посланиях новых авторских интенций в отношении адресата. Своеобразное «нападение» на адресата, только оно уже не сатирическое («Тоске Времен» З.Гиппиус; «Жизни» М.Цветаевой).

Тоске Времен

Пришли – и стали тени ночи...
 Полонский

Ты, уныльница, меня не сторожи,
Ты хитра – и я хитер, не обморочишь.

<...>

Я рабом твоим, запутчица, не стану.
 Ты завяжешь, – я разрежу, разделю,

Не поддамся надоевшему обману.

Буду весел я и прост, – пока живу...

Если в сердце, в самом сердце, петлю стянешь, –

Я и этот страшный узел разорву...

Не поймаешь, не обманешь, не обманешь...

(отрывок З.Гиппиус 1907)

В этом послании мы видим настоящую злость, направленную на адресата. Но в ней нет желания высмеять оппонента, тут настоящая борьба, которая будет вестись до самой смерти, если это понадобится.

Таким образом, мы видим, что фиктивные послания были в литературе и до XX века, но именно в поэзии Серебряного века они существенно меняются в плане содержания. Меняется как отправитель и адресат, так и авторские интенции. Сильнее всего изменения коснулись именно адресата и отношения к нему лирического героя.

***

1. Артёмова С.Ю. Лирическое послание в литературе XX века: Поэтика жанра. <https://www.dissercat.com/content/liricheskoe-poslanie-v-literature-xx-veka-poetika-zhanra>
2. Артёмова С.Ю. О смещении жанров лирики XX века // Парадигмы: Сб. статей молодых ученых. Тверь, 2003. С. 5–12.
3. Благой Д.Д. Комментарии: Батюшков. Сочинения. – 1934, с.551
4. Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории// Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т.1. Таллин, 1992. С.161-166. http://www.historicus.ru/tekst_i_struktura_auditorii/

Саньярова Р.Р.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в башкирском и английском языках

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-243

idsp: ljjournal-11-2019-243

Аннотация

Статья посвящается проблеме изучения устойчивых словосочетаний с компонентом-зоонимом в английском и башкирском языках. Особенности устойчивых словосочетаний взаимосвязаны народным фольклором и повседневной жизнью народа. Актуальность данного исследования определяется необходимостью комплексного изучения устойчивых словосочетаний с компонентом-зоонимом в башкирском и английском языках с целью выявления общих и специфических признаков, присущих данной языковой культуре.

Ключевые слова: башкирский язык, английский язык, фразеологические единицы, зооним, паремиологическая картина мира.

Abstract

The Article is devoted to the problem of studying stable word combinations with the component-zoonym in the English and Bashkir languages. This topic covers a wide range of issues in the world of science. The relevance of this study is determined by the need for a comprehensive study of stable phrases with the component-zoonym in the Bashkir and English languages in order to identify common and specific features inherent in this language culture.

Key words: Bashkir language, English language, phraseological units, zoonym, paremiological picture of the world.

Фразеологические сочетания создаются народом, поэтому они связаны с повседневными заботами простых людей. Еще с древних веков существует взаимосвязь между людьми и животными, которая нашла отражение и во фразеологии. В этом разделе языкознания под зоонимом понимается существительное, которое в своем первичном значении обозначает какое-либо животное. Зооним является одним из самых древних пластов лексики во всех языках мира [4].

Люди испокон веков вспоминают тех или иных животных, когда говорят о человеческих качествах. Ведь человек всегда стремился к сравнению с тем, что всегда его окружало, было ближе всего и похоже на него самого, будь то характеристика своего состояния или внешности, поведения или чувства и характера. В связи с этим в языках разных народов мы находим большое количество фразеологизмов, которые включают в свой состав наименования животных [1]. Одну из самых многочисленных групп фразеологического фонда составляют именно фразеологизмы с семами-зоонимами.

Зоонимы представляют собой сложные языковые единицы, для которых характерен многозначительный информационный потенциал, так как они могут охарактеризовать человека с абсолютно разных сторон:

1) выражать умственные способности: «as pring chicken» – неопытный человек, юнец, совсем зелёный; «follow smb. like sheep» – следовать за стадом баранов, бездумно повторять за кем-либо; «as stupid as a donkey» – глупый как осел;

2) описывать внешний вид: «a dolly bird» – хорошенькая девушка, куколка, цыпочка; «as red as turkey-cock» – красный как рак; «strut like a turkey-cock» – напыщенный как индюк;

3) давать оценку поступкам: «a little bird told» – сорока на хвосте принесла; «see how the cat jumps» – ждать откуда ветер подует; «one must howl with the wolves» – с волками жить, по-волчьи выть;

4) указывать на поведение: «bull at a gate» – неистово, яростно, бешено; «the cat among the pigeons» – лиса в курятнике, источник переполоха; «eat like a bird» – есть как птичка; «has the cat got your tongue» – вы что язык проглотили;

5) раскрывать характер: «birds of a feather» – люди одного склада ума, два сапога пара; «a rare bird» – редкая птица; «a lone bird / wolf» – волк одиночка. Например: «былтыр үлгән ябалакты быйыл атын алдыңмы» – онотолған нәмәне һуңлап белеп, яңылыкка һанаған кешегә карата әйтелә. ...Ул иске сараларзы яңы Америка аскан кеше кеүек газета сәхиғәләренә язып ятыуығызға аптырайым. Шулай ук һезҙән кеүектәргә безҙән башкорттар «былтыр үлгән ябалакты быйыл атып алдыңмы» тизәр (Ш. Хозайбирзин);

«ике бызауға кәбәк айыра белмәү (алмау)» – бик ябай ғына нәмәне лә аңлай алмау. «Ике бызауға кәбәк айырып бирә алмай, үзе казый буламы, ти» (Һ. Дәүләтшина);

«ике тәкә башы бер қазанға һыймау» – килешеп йәшәй алмау, һыйышмау (түрәлектә бүләшә алмай ызғышыу). «Императрица – акыллы бисә, бер қазанға ике тәкә башы һыймағанды аңламай тиһеңме ни...» (Б. Асылғужа);

«кәзәнә кәбестә қарауылларға қуйыу» – Урлай, эш боза торған кешегә ышанып, низелер һақларға қушыу; русская версия: «пустить козла стеречь капусту»;

«кәзәһе артынан қалмай» (эргәһендә йөрөй, төкөй) һөйл. – үсексән. «Кеше булғас, һөйләшә лә бел. Кәзән төкөгән кеүек қиләһең» («Сов. Башк.»). син.: тәртәһе ерек;

«кабык һуғып бесәй өркөтөү» – юктан бәлә һалып, һөрәнләп йөрөү;

«қызғанғаның қызыл эткә» – мал-мөлкәттә, үтә йәлләп, бушқа қиткәндә, юкка сыққанда әйтелә;

«қызыл эт ашаһын» – һарам малға йәки үтә һаран кешенәң нәмәһенә қарата әйтелә. «Үзәнә язған мал булмаһын, урлағанын қызыл эт ашаһын» (Һөйл.);

«өйрәнмәгән тай кеүек» – бер зә ипкә, яйға килмәгән кешегә карата әйтелә. «Еңгә, өйрәнмәгән тай һымак, терт-мерт иткән булды» (Б. Бикбай);

«өс бызауға кәбәк айыра белмәү» – ябай ғына нәмәне лә аңлай, төшөнә алмау, үтә тун булыу; «әнә ашаған (йоткан) эт һымак» (шикелле, кеүек) (һөйл.) – бик ябык, хәлһез. «Солтанғәле: «Энә йоткан эт шикелле, бетенде койоп, ас йөрөйһөн» (Я. Хамматов). Син.: төртһәң коларға тора;

«эт күзе төтөн белмәс» – оялыу, тартыныузы белмәгән, һөмһөз кешегә карата әйтелә. Син.: эт тиреһен битенә каплаған; «бүре ауыз» (һөйл.) – 1. Зур ауызлы кешегә карата мысқыллау һүзе. 2. Күп илаған баланы әрләү һүзе. 3. Яман хәбәр һөйләгән кешегә карата әйтелә. Кит, бүре ауыз, юкты һөйләп ултыраһың (һөйл.) һ.б.;

«һыу һөлөгөндәй» (һөлөгө кеүек, һымак, шикелле) – бик матур, һылыу, бар ере лә килгән. «Баштарак атын карарға, кайышын кысып быуырға яратмай ине, хәзер күрәһен, һыу һөлөгө кеүек егет булып китте» (М. Кәрим).

Обращение к зоонимам естественно, так как животные похожи на людей тем, что обладают собственными привычками, повадками. У каждого свой образ жизни и тип поведения. Многие наименования животных стали устойчивыми метафорами [3]. Например: заяц – трусливый, лиса – хитрая, овца – глупая, и так далее.

В башкирском языке, например, заяц – трусливое животное, за которого в башкирских сказках даже заступаются.

1. Куркак куян. Үтә куркып, калтырап кына торған кешегә карата мысқыллап әйтелә. Син.: үз шәүләһенән курка, куян йөрәкле. Ант.: батыр йөрәкле, арыслан йөрәкле.

2. Куян йөрәк(ле). Бик куркак, дерелдәп торған кешегә карата әйтелә. «Әминә: “Куркак һанайһыңмы? Хата уйың! Бар һулышыменән һөйә белгән катын куян йөрәкле түгел. Барамын!» (Б. Бикбай). Син.: куркак куян.

Примеры из английского языка: «timed as a hare» – «труслив как заяц». Другим примером может послужить: «hares may pull dead lions by the bread», что значит – «даже заяц может дёргать мёртвого льва за бороду». Но когда речь идет о фразеологизмах с семей-зоонимом, нельзя не брать во внимание специфику страны и культуру, так, например, фразеологизм, содержащий в себе зооним «корова» (a cow) в башкирском языке может выражать неуклюжесть «һыйыр һымак йөрәй», а в английском языке корова может выражать мошенничество. Например: «the cow with the iron tale» – «корова с железным хвостом». Данное выражение означает аппарат для фальсификации молока. Или же «a fair cow» – «негодяй, прощельга».

Фразеологизмы могут отражать национальную культуру народа следующим образом:

1. Комплексно, т. е. своим идиоматическим значением, всеми компонентами вместе. Но корректно расшифровать и трактовать представления, заложенные в основу фразеологизма, сможет только носитель языка, опираясь на знание национальной культуры, а для иностранца, который изучает язык, сделать это не всегда просто. Например: «get on the high horse» – держаться высокомерно. Фразеологизм возник в связи с тем, что феодалы отбывали военную службу на лучших лошадях в качестве кавалеристов, которые смотрели свысока на пехотинцев-простолюдинов. «Асыл кош аяғынан эләгә» – Үзен эре тоткан кешегә ауыр хәлгә калғанда үлсәп әйтелә. «Мирас менән күрешеп йөрөгән квартираһына алып килгәйне Ғәйфулланы катын».

2. Расчлененно, т.е. элементами своего состава. Обычно так проявляются фоновые схемы тех фразеологизмов, стержневой компонент которых содержит экзотизм для иностранной аудитории. Например: «one can not run with the hare and run with the hound». Эта фраза несет в себе следующий смысл: «нельзя в одно и то же время убегать вместе с зайцем и гнаться за ним с гончими собаками». Здесь просматривается многовековая любовь аристократов к охоте и породистым собакам. «Эт башына эркет түгелгән» [заман] – Муллык, байлык бик күп булған вақыт.

3. Прототипно, т. е. фразеологизмы отражают народную культуру своими прототипами (свободными словосочетаниями, описывающими исторические обычаи, культуру, праздники в жизни народа и др.). Именно к этой группе относится большинство анималистических фразеологизмов, рассказывающих о представителях животного мира. Например: английский фразеологизм «as a hog on ice» и башкирский «һыйыр һымак йөрөй».

Таким образом, фразеологические единицы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки. Важно не только знать перевод фразеологизма с семей-зоонимом, но и его интерпретацию на другие языки во избежание недопонимания.

Можно выделить фразеологизмы с компонентом-зоонимом, которые обозначают трусость и смелость.

Животными, упоминая которых, говорят о трусости, в английском языке выступают: кошки, собаки, крысы, а в башкирском языке зайцы и мышки, например:

«yellow dog» – подлый, трусливый человек;

«as timid as a hare» – труслив как заяц – пугливый, робкий человек; «Dumb dog» – молчаливый, трусливый парень;

«like a cat in a strange garret» – как кошка в чужой коморке. В русском языке говорят – «чувствовать себя не в своей тарелке»;

«like a cat on hot bricks» – как кошка на раскаленных кирпичках; «куркак куян» – үтә куркып, калтырап кына торған кешегә карата мыссыллап әйтелә. Син.: үз шәүләһенән курка, куян йөрәкле. Ант.: батыр йөрәкле, арыслан йөрәкле; «куян йөрәк(ле)» – бик куркак, дерелдәп торған кешегә карата әйтелә. «Әминә: Куркак һанайһыңмы? Хата уйың! Бар һулышы менән һөйә белгән катын куян йөрәкле түгел. Барамын!» (Б. Бикбай.). Син.: куркак куян; «сыскан кеүек куркак» – куркак кешене әйтәләр.

Прототипами смелости в английском языке являются такие животные, как бык, заяц, лев, петух, птица. В башкирском языке лев, лошадь, бык.

Можно привести следующее примеры: «to beard the lion in his den» – напасть на льва в его же логове;

«as brave as lion» – храбрый как лев – описывает бесстрашного человека; «коня на скоку остановит» – обозначает смелость и храбрость, а именно смелость русской женщины;

«take the bull by the horns» – брать быка за рога – решиться, осмелиться сделать что-либо очень быстро, чем быстрее, тем лучше. В русском языке данный фразеологизм с зоонимом имеет тот же самый смысл; «as game as a cockerel» – смелый, как бойцовый петух, человек, который бесстрашно начинает спорить или действовать решительно в той или иной ситуации, с надеждой быть первым, победить;

«he that will steal an egg will steal an ox» – украл яйцо, украдёшь и быка. Данное выражение является скорее не фразеологизмом, а поговоркой;

«bring on your bears» – «зовите своих медведей». Интерпретация на русский язык – делайте, что хотите; «a cat may look a taking» – на короля может смотреть и кошка. На русский язык данный фразеологизм может переводиться в виде «за глаза царя ругают»;

«ат башы тиклем (хәтле, зурлығы)»: «Минәң алға ат башы зурлығы тип әйтерлек хәрәфтәр менән басылған китап килеп ятты» (М. Кәрим);

«ат дағалағанда бака (тәлмәрийән) ботон кыстырған» (һөйл.) – Мөһим эш башкарғанда кысылып маташкан кешегә карата мыссыллап әйтелә. – «Ат дағалағанда тәлмәрийән ботон кыстырған, – тине Шәмсетдин. – Ана самауырыңды кара» (Р. Низамов);

«ат күзендәй (ат күзе тиклем)». 1. Зур нәмәнә бәләкәй итеп күрһәткәндә әйтелә. Ат күзендәй сынаяк. 2. Бәләкәй нәмәнә зур итеп күрһәткәндә әйтелә;

«ат(ка) менгэндэй (атланғандай) булыу» – зур шатлык кисереу, нык кыуаныу. «Мин, атка атланғандай шатланып, башта ул кағыз, кәләмгә һокланып бөтә алманым» (Ғ.Ғүмәр.). Син.: түбә (баш) күккә тейеу, ауыз колакка етеу. Ант.: балта һыуға төшкән кеүек булыу, кикерек төшөү, шөмтөр койолоу;

«ат колонлатып (йөрөү, һөйләү...)» – озон-озакка һузып, озакладып (эш башкарыу, һөйләү һ. б.). «Бигерәк тә күп лығырлаусы Шакир булды: ул кыззарға безҙең төнгө сәйәхәтте ат колонлатып һөйләй ине» (Н. Изелбай);

«үгез мөгөзөнә элерлек тә (нәмәһе юк)» – «өй эсендә йыһаз-каралтыһы, кейем-һалымы бөтөнләй булмаған, үтә ярлы кешегә карата әйтелә. Егет менән кыз инһәләр, өй эсе шундай котһоз, үгез мөгөзөнә элөп сығырлык сепрәк-сапрак заты юк, ти» (Әкиәттән);

«үгез үлһә – ит, арба ватылһа – утын» – эш, тормоштон етешһезлегенә боша белмәгән, үтә ғәмһез кешегә карата әйтелә;

«арыслан йөрәк(ле)» – куркызуын ни икәнән белмәгән, бик кыйыу. «Аһ, Буранша, Буранша! Бөркөт күзле, арыслан йөрәкле Буранша!..» (З. Бишева). «Ғафури Тукай тураһында: Арыслан йөрәкле кеше был, – тип уйланы» (С. Кудаш). «Хөрмәтле әфәнде, һине үз өйөмә сақырам. Һинен кеүек арыслан йөрәкле иргә урын түрзән...» (Я. Хамматов). Син.: куш йөрәк(ле). Ант.: куян йөрәк(ле).

Таким образом, рассматривая и анализируя фразеологизмы с компонентом-зоонимом, которые показывают характер человека, мы можем сделать вывод, что существуют такие фразеологизмы, которые не имеют аналогов либо в английском, либо в башкирском языке. Как мы выяснили, все зависит от культурной специфики той или иной страны и этнической маркированности элементами языкового сознания. Так, в состав одного и того же по смыслу фразеологизма входят абсолютно разные названия животных.

***

1. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Филологические исследования. – М.; Л.: Наука, 1990. – 468 с.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1984. – 944 с.
3. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М.: Изда-тельство «Международные отношения», 1972. – 289 с.
4. Сакаева Л.Р. Фразеологизмы с компонентами зоонимами // Вестник Набережночелнинского филиала Казанского государственного педагогического университета. – №1. – 2004. – С. 44-50.
5. Ураксин З.Ғ. Башкорт теленең фразеологик һүзлеге. Яңырылған, 2-се басма. – Өфө: Китап, 2006. – 344 б.
6. Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. – М., 1975. – 192 с.

Сатцаев Э.Б.

Дардские и иранские языки: сравнительно-сопоставительный анализ

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра ВНИЦ РАН
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-244

idsp: ljjournal-11-2019-244

Аннотация

Дардские языки объединяются в отдельную группу индоиранских языков. Исходя из грамматических особенностей часть этих языков сближается с иранскими, часть с индоарийскими. Они сохранили много архаизмов. Для иранистов наиболее значительный интерес представляют западно-дардские языки (нуристанские), которые многими учеными выделяются в качестве отдельной группы среди индоевропейских языков. Близость нуристанских и дардских языков с наиболее близким к ним иранским

языком – пушту охватывает в основном фонетику и лексику, что связано с историей и спецификой генезиса этого языка. Дардские и нуристанские языки лишь выборочно можно использовать для исследования генезиса осетинского языка.

Ключевые слова: дардские языки, иранские языки, индоарийские языки, пушту, белуджский, нуристанский, осетинский язык, фонетика, морфология, имена, категория рода, категории падежа и генезис.

Abstract

Dardic languages are combined into a separate group of Indo-Iranian languages. Based on grammatical peculiarities, a part of these languages comes close to Iranian, and a part to Indo-Ariyan. They have saved many archaisms. For Iranian scholars, the West Dardic languages (Nouristan) are of most interest, which are distinguished by many scholars as a separate group among Indo-European languages. The proximity of the Nuristan and Dard languages with the closest Iranian language to them - Pashto covers mainly phonetics and vocabulary, which is connected with the history and specificity of the genesis of this language. Dardian and Nuristan languages can only selectively be used to study the genesis of the Ossetian language.

Key words: Dardic languages, Iranian languages, Indo-Ariyan languages, Pashto, Baluchi, Nuristan, Ossetian, phonetics, morphology, names, gender category, case categories and genesis.

На дардских языках разговаривает население северо-восточных горных районов Афганистана, северного Пакистана и северо-западной Индии. [1, 254]

Эти языки не входят в состав ни иранских, ни индоарийских языков и объединяются в отдельную группу индоиранских языков. [1, 254]

Количество носителей этих языков составляет более пяти миллионов человек [1, 257].

Дардские языки подразделяются на пять подгрупп:

а) восточная подгруппа – входят пять языков (кашмири, шина, пхалура, кохистани и другие);

б) кунарская подгруппа – гавар, бати, шумашти, глангали и другие;

в) пашаи;

г) кховар и калаша;

д) дамели.

По мнению некоторых ученых, к дардским языкам относится и нуристанский язык (кафирский) [1, 255-257].

Однако нуристанский язык во многих случаях отличается от большинства дардских языков, и многие филологи выделяют его в отдельную группу арийских языков.

Мнения исследователей о генетической принадлежности дардских языков различны. Крупнейшим исследователем дардских языков был Г. Моргенштерне. По его мнению, из вышеназванных языков только нуристанский (кафирский) является обособленной подгруппой, а остальные относятся к индоарийским языкам. Он считал, что эти языки, кроме нуристанского, являются результатом языкового смешения. Несмотря на разногласия большинство филологов пишут о дардских языках как о определенной группе внутри индоиранской семьи [1, 255].

По мнению ученых, дардским языкам присущи определенные фонетические и морфологические черты.

В настоящий период можно считать, что дардские языки развились из древних диалектов общего индоиранского (арийского) языка. Располагаясь на ограниченных обособленных горных территориях, эти языки сохранили много архаизмов, а

инновации присущи только определенным языкам, которые не распространились на соседние территории [1, 254-255].

Часть дардских языков может смыкаться с иранскими языками, часть - с индорийскими.

Для иранистов наибольший интерес представляют западнодардские языки. В число этих языков входят следующие: кати, вайгали, ашкун, прасун и дамели.

История носителей дардских языков изучена слабо. Они оказались на современных территориях распространения примерно в начале второго тысячелетия до нашей эры. Видимо они рано обособились от других индоиранских племен [2, 41-49]. Еще древнеиндийские источники упоминают о них и указывают, что народы северо-западной Индии разговаривают на искаженном языке [1, 257].

Дардские народы не имели самостоятельной государственности, кроме кашмирцев. Кашмир известен с глубокой древности.

Научное исследование дардских языков началось во второй половине девятнадцатого века, когда филологи начали использовать материал в сравнительном плане. Наиболее известными учеными по дардским языкам являются Д.А. Грильсон, Д.О. Брайен, Г.С. Робертсон, Г. Моргенштерне и другие.

Большой вклад в их исследование внесли и ученые Советского Союза: Дворянков Н.А., Грюнберг А.Л., Покальчук Ю.В., Эдельман Д.И. и другие.

Дардские языки не имеют памятников древней письменности, поэтому трудно определить – именно какие индоиранские языки являлись предками современных дардских языков.

Из всех дардских языков относительно старую письменную традицию имеет только язык кашмири.

Сами дардские языки имеют большое количество диалектов, и зачастую носители данных языков не понимают друг друга. Некоторые диалекты могут считаться языками. Взаимоотношения между многими дардскими языками и диалектами не совсем установлены.

Дардские языки - в основном языки аналитического и агглютинативного строя. Однако в них отмечаются и флективные формы [1, 275].

Фонетические особенности дардских языков слабо изучены. Почти во всех дардских языках наблюдается противополжение гласных переднего и заднего рядов. Отмечается наличие долгих и кратких гласных. Характерной чертой гласных дардских языков является назализация.

Консонантизм дардских языков существенно отличается от иранских и индоарийских языков. Во всех дардских языках наблюдается оппозиция глухих и звонких звуков [1, 261-274].

Общее распространение имеет также оппозиция церебральных и нецеребральных звуков, что присуще и индоарийским языкам.

Среди иранских языков церебральные звуки свойственны лишь пушту, белуджскому и отчасти некоторым памирским языкам [1, 204-205; 3, 14-21].

Доказано, что глоттогенез пушту и белуджского языков исторически происходил под субстратным влиянием дардских и дравидийских языков.

Дардские языки различают три большие грамматические группы: имя, глагол, и служебные элементы.

Существительные в дардских языках характеризуются грамматическими категориями рода, числа, падежа, а также категориями определенности и неопределенности и одушевленности и неодушевленности.

Противопоставляются существительные мужского и женского родов, однако это противопоставление прослеживается синтаксически и лишь в некоторых случаях можно видеть и морфологическое противопоставление.

Выражение рода выявляется и в словообразовании ряда существительных.

Категория числа в дардских языках связана с категорией падежа. Падежные показатели существительных различаются в зависимости от единственного и множественного чисел. Более того, в ряде дардских языков наблюдаются различия в количестве падежей между существительными единственного и множественного чисел. В зависимости от единственного и множественного числа и находится число падежей [1, 278-281].

Категория падежа существительных тесно связана с развитой системой послелога. По существу, такая же особенность свойственна и иранским языкам, что сближает их между собой [3, 586-588].

Часть существительных оформляет синтаксические отношения служебными элементами.

Падежные показатели разнообразны по происхождению. Часть падежей восходит к древним формам, часть образована послелогами. Такие же особенности можно наблюдать и в осетинском языке [4, 335-339].

Существительным присуща категория определенности и неопределенности, которая проявляется в различных формах.

В некоторых дардских языках наблюдается категория одушевленности и неодушевленности.

Категория рода отмечается в именах прилагательных. Именам прилагательным свойственно также категория числа и падежа, однако эти категории не свойственны всем дардским языкам.

Имена прилагательные в дардских языках не имеют морфологического выражения степени сравнения.

Имена числительные в дардских языках не имеют большого разнообразия. Порядковые и разделительные имена числительные прослеживаются не во всех дардских языках.

Количественные числительные делятся на простые и составные. Порядок компонентов составных числительных различен в разных дардских языках. В большинстве этих языков на первом месте ставятся десятки, на втором – единицы. Но в некоторых дардских языках этот порядок обратный. Есть дардские языки, где отмечаются оба построения.

В большинстве дардских языков числительные от тридцати и больше строятся по вигезимальной (двадцатиричной) системе [1, 283-288].

Имена числительные, обозначающие числа, оканчивающиеся на «9», в некоторых дардских языках строятся по типу «один меньше столько-то» [1, 284].

Из грамматических категорий в именах числительных прослежена только категория падежа.

Порядковые числительные прослежены не во всех дардских языках. Порядковое числительное «первый» образуется обычно не от количественного «один», а от других основ.

В дардских языках слабо представлены разделительные и краткие формы имен числительных.

Существительные с сочетанием числительных ставятся в некоторых дардских языках в единственном числе, в некоторых – во множественном. Подобное явление прослеживается и в иранских языках.

В дардских языках выделяются следующие разряды местоимений:

- а) личные;
- б) указательные;
- в) вопросительные;
- г) определительные;
- д) относительные;
- е) возвратные и др.

Эти разряды весьма отдаленно напоминают иранские местоимения.

Личные местоимения отмечаются для I и II-го лица. Вместо местоимений III-го лица используются указательные местоимения.

Категория рода в личных местоимениях не прослеживается.

Категория же падежа отмечается во всех дардских языках [1, 288-294].

Указательные местоимения дардских языках выражают разные степени нахождения предметов (ближняя ступень и дальняя ступень).

В некоторых дардских языках отмечается до пяти и более ступеней удаленности, чего нет в иранских языках (исключение составляют памирские языки) [3, 513-517].

Категория рода в указательных местоимениях зафиксирована в ряде дардских языков. Эта особенность наблюдается и в пушту.

В общем же между дардскими и иранскими языками в плане разрядов местоимений существенных аналогий не наблюдается.

Система глагола в дардских языках не имеет особых сходств с иранскими языками.

В дардских языках не наблюдается четко выделенных основ настоящего и прошедшего времени. Они присущи лишь части глаголов в некоторых дардских языках.

Одно из сходств с иранскими языками - это сохранение древней причастной форме на *ta*.

Личные окончания глагола в дардских языках не обнаруживают явных аналогий в иранских языках.

Особое место занимает глагольное отрицание, которое выражается отрицательной частицей *na*, *po*, *ni* и т.п. Она стоит перед глаголом. Такая же частица используется в иранских языках. Однако эта аналогия может восходить к индоевропейскому праязыку [1, 233; 3, 621-622].

В дардских языках очень часто используются причастные и деепричастные формы. Среди причастий прослеживаются древние формы, например, *-ta*, *-ka*, *-ant*.

В большинстве дардских языков не отмечается четкого противопоставления глагольных форм по видовому признаку.

По поводу категории времени среди дардских языков обнаруживается заметное многообразие. При этом особых аналогий между дардскими и иранскими языками не наблюдается.

В дардских языках предлоги и послелогои являются одним из основных средств выражения синтаксических отношений имен. Они используются наряду с падежной системой. А там, где падежная система бедна и не охватывает все категории имен, предлоги и особенно послелогои занимают ведущее место.

Предлогов в дардских языках очень мало. Система же послелогов сильно развита.

Ряд падежных форм существительных во многих дардских языках являются по происхождению послеложными сочетаниями.

Таким образом, послелогои являются базой становления новой падежной системы агглютинативного типа. Подобная особенность наблюдается и в осетинском языке, где падежная система богата, а также в ряде других иранских языков [4, 328-339].

Генетическое родство между индоарийскими, иранскими и дардскими языками филологической наукой давно доказано - все эти языки восходят к арийской языковой общности, которая восходит к индоевропейскому праязыку [5, 55-57].

Выделение иранских языков из арийской языковой общности произошло примерно в начале II тысячелетия до нашей эры.

История застаёт племена и народности, говорившие на индоарийских языках, в долине Инда, а племена и народности говорившие на иранских языках - на Иранском нагорье, в Юго-восточной Европе и Средней и Центральной Азии.

Иранские языки исследованы достаточно глубоко и их близкое родство доказано давно и бесспорно [5].

Обстоятельно и подробно доказано и близкое родство индоарийских языков.

Что касается дардских языков, то их место в индоарийской языковой общности окончательно не определено [5, 47-50].

До сих пор стоит вопрос – считать дардские языки отдельной группой среди индоарийских языков или отдельной языковой группой, хотя близкородственной индоарийским?

Среди дардских языков особняком стоят нуристанские языки, близкое родство которых с дардскими языками спорно. Поверхностное сравнение нуристанских языков показывает, что они далеки и от иранских и индоарийских языков [5, 48].

Нуристанские языки можно выделить в качестве отдельной группы среди индоевропейских языков [6, 8-28].

В антропологическом плане носители дардских языков относятся к индоевропеоидной расе. Примесь монголоидной и южно-индийской рас среди них незначительна.

Европеоидность дардских племен настолько очевидна, что это способствовало возникновению легенд об их происхождении от греческих отрядов, которые якобы попали в эти места во времена Александра Македонского, и остались там, смешавшись с местным населением [7, 14-24].

Нуристанские языки обнаруживают некоторые фонетические и лексические сходства с ближайшим соседним иранским языком – пушту.

Научно доказано, что на фонетику и лексику пушту дардские и нуристанские языки оказали большое влияние. В области же морфологии это влияние не существенно. Пушту – яркий представитель восточной подгруппы иранских языков, и в плане морфологии он гораздо ближе, например, к осетинскому языку, чем к соседним дардским и нуристанским. [8]

Генетическая близость пушту и осетинского языков обнаруживается легко и не требует глубоких филологических знаний. При этом расстояние между регионами распространения пушту и осетинского языков составляет более 2-х тысяч километров [8].

Некоторые фонетические и лексические сходства между пушту и дардскими языками связаны с тем, что они долгое время взаимовлияли, или же дардские языки являются древним субстратом пушту.

В свою очередь фонетическим субстратом дардских языков явились, вероятнее всего, дравидийские языки. Наличие церебральных звуков в дардских, нуристанских, пушту, белуджском и индоарийских языках является дравидийским наследием [8, 26-28; 9, 178-183].

По мнению многих специалистов-филологов, нуристанские языки могут быть выделены в качестве отдельной группы среди индоевропейских языков. [5, 48]

Что касается дардских языков, то их место среди индоевропейских языков остается спорным. В этих языках обнаруживается много элементов, которые роднят их с индоарийскими языками [5, 48].

Есть много элементов, которые не присущи всем дардским языкам.

С другой стороны, среди дардских языков наблюдаются заметные сходства, которые не присущи индоарийским языкам. Часть ученых-филологов считает дардские языки особой ветвью индоарийских языков [1, 311-314].

Многие ученые-филологи полагают, что арийский язык не был однородным и дардские и нуристанские языки могут быть наследниками разных диалектов арийского языка. В дардских и нуристанских языках обнаруживается много архаизмов, которые не свойственны ни иранским, ни индоарийским языкам [7, 195-200].

Эти архаизмы, а также географическая дислокация этих языков делают возможным предположение, что предки дардских и нуристанских племен рано откололись от основной массы ариев и поселились в северной части Индии до вторжения индоариев [10, 156-158].

Предки дардов и нуристанцев частью ассимилировали аборигенное население, частью вытеснили его в менее удобные для жизни районы. Дарды и нуристанцы долгое время жили в относительной изоляции, что дало возможность сохранить донные присущие им языковые особенности [6, 15].

В дардских и нуристанских языках сохранились многие реликтовые черты. Со временем дарды и нуристанцы разделились, и в настоящее время их можно считать отдельными языковыми подгруппами [10, 156].

В горных долинах предки дардов и нуристанцев застали аборигенное население, родственное народу «бурушаски», а также дравидов [10, 157].

Язык «бурушаски» считается изолированным языком и не имеет родственных связей с другими языками [7, 204].

Следовательно, дардский и нуристанские этносы и их культура сформировались в результате смешения с аборигенами, от которых были заимствованы многие элементы материальной культуры, адаптированные к условиям горных долин [10, 157].

Хронологически предки дардов и нуристанцев выделились из арийских племен в первой половине второго тысячелетия до н.э.

Дарды и нуристанцы в расовом плане относятся к индосредиземноморской большой европеоидной расе. Среди некоторых представителей дардских племен наблюдаются и южно-индийские черты (пашаи).

Материал по дардским и нуристанским языкам можно использовать для исследования глоттогенеза осетинского языка, преимущественно как представителей индоиранских языков. При этом нуристанские языки более близки к осетинскому по сравнению с дардскими языками. Дардский и нуристанские языки использовал и В.И.Абаев в своем историко-этимологическом словаре осетинского языка. [10, 25-60]

Для исследования генезиса осетинского языка значительно большую ценность представляют древнеиндийские языки (ведийский, санскрит). Новоиндийские языки (хиндустани, бенгали, пенджаби, синдхи и др.) сформировались на базе санскрита и ведийского языков и значительно отошли от них. [11, 36-58]

Дардский, нуристанские языки не являются потомками санскрита и ведийского языков, хотя последние и влияли на историю их развития, особенно на дардские языки.

Дардский и нуристанские народы сохранили весьма архаичные верования и обычаи, которые могут восходить к глубокой древности, к индоиранскому периоду.

Благодаря изолированному проживанию дардов и нуристанцев эти верования сохранились донные и в 19 веке оказались в поле зрения европейских ученых. Удивительная этническая и языковая пестрота сопровождалась здесь большим разнообразием религиозных верований. [7]

На основании приведенных данных можно сделать следующие выводы:

1. дардские и нуристанские (кафирские) языки – группа индоиранских языков;
2. дардские и нуристанские языки сближаются типологическими признаками;
3. дардские языки могут считаться особой отдаленной ветвью индоарийских языков;
4. нуристанские языки не являются ни индоарийскими, ни иранскими, но могут считаться самостоятельной группой наряду с индоарийскими и иранскими языками;
5. родство нуристанских и дардских языков с иранскими прослеживается в основном на уровне индоевропейского родства;

6. некоторое родство нуристанского и дардского - с наиболее близким к ним иранским языком – пушту охватывает в основном фонетику и лексику, что связано с историей и спецификой генезиса пушту;
7. нуристанские и дардские языки выборочно можно использовать для исследования генезиса осетинского языка.

***

1. Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки: иранские языки, дардские языки. Дравидийские языки. П. М., 1978. 440 с.
2. Гордон Чайли. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., «Центрполиграф», 2007г. 207с.
3. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. Москва, «Наука», 1987. 720с.
4. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, «Ир», 2006г. 463с.
5. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988г. 392с.
6. Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша. Язык Кати. М., «Наука», 1980г. 296с.
7. Религии Гиндукуша. М., «Наука», 1986г. 524с.
8. Сатцаев Э.Б. Осетинский и афганский языки: сравнительно- сопоставительный анализ. Владикавказ, 2013г. 134с.
9. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: фонология. М., 1986г. 232с.
10. Кузьмина Е.Е. Арии - путь на юг. М.: Летний сад, 2008г. 558с.
11. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. Составители: Сченснович Е.Н., Лушникова А.В., Додыхудоева Л.Р., М., 1995г. 448 с.

Седых Н.Д.

Анализ фразеологизмов английского языка с компонентом цветообозначения

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ
«БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-245

idsp: ljjournal-11-2019-245

Аннотация

В статье рассмотрено понятие фразеологизма, проанализированы фразеологические единицы с компонентом цветообозначения, их значение, эмоциональная окрашенность.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, компонент, цвет, цветообозначение.

Abstract

This paper deals with the notion of the phraseological unit, analyzes phraseological units containing color, their meaning, emotional coloring.

Keywords: phraseology, phraseological unit, component, colour, colouring.

Фразеология (от греч. phrasis, «выражение» и logos «учение») – это раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии. Объектом изучения фразеологии являются фразеологические единицы, т. е. устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде и целостные по значению.

Фразеологическая единица – «этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое ... образование, ... включающее в себя, помимо понятия, образ, оценку, культурную ценность и функционально замещающее человеку ... одно-порядковые предметы, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [7].

Значение фразеологизма определяется не отдельными, входящими в него словами, а складывается из всех значений слов, его составляющих. Компоненты фразеологизма обычно нельзя поменять местами, заменить на другие. И только в целом фразеологическая единица имеет свой смысл.

Современный английский язык наполнен разнообразными фразеологизмами и речевыми оборотами. Значительную часть этих оборотов занимают фразеологизмы с компонентом цветообозначения. Данные фразеологические единицы несут не только свое прямое значение, но и также передают дополнительную информацию с помощью использования цвета.

Определенный цвет формирует определенные чувства: радость и злость, волнение, спокойствие, безразличие, ощущение холода или тепла. То есть каждый цвет имеет свое уникальное значение. Один английский фразеологизм отлично передает значение и роль цвета в нашей жизни: “to see someone in their true colours” – предстать в истинном свете, сбросить маску.

Каждая культура имеет свой особый набор наиболее распространенных цветов. В европейской культуре основными цветами являются белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый и фиолетовый [6].

Таким образом, изучая фразеологизмы языка, можно получить наиболее полное представление о носителях этого языка, ведь именно во фразеологизмах отражается история народа, быт и мировоззрение.

Мы провели детальный анализ и описание фразеологических единиц с компонентом цветового обозначения на основе одного из авторитетных англо-русских фразеологических словарей (Collins COBUILD Dictionary of Idioms). Методом сплошной выборки мы отобрали 65 фразеологических единиц английского языка, содержащих компонент-цвет, и составили характеристику значений выражений с каждым цветом.

Белый цвет в большинстве случаев несет положительную коннотацию. Он символизирует счастье, красоту, чистоту, доблесть, непорочность, честность: “a white lie” – ложь во спасение; “whiter than white” – кристально чистый.

Нижеприведенные фразы свидетельствуют о том, что фразеологизмы с цветовым компонентом встречаются в современной англоязычной литературе: “The woman’s hair was **white as snow**, her skin was wrinkled, and one eye was blind.” (Волосы женщины были **белее снега**, морщинистая кожа свисала складками, а вместо одного глаза блестело бельмо) [1]; She was **as white as the sheet** and notwithstanding his tan his cheeks were pale too. (Она была **белее простыни**, и сам он побледнел под загаром) [4].

Белый – цвет спокойствия и мира: “to show the white flag” – сдаваться; показывать добрые намерения. Это цвет великодушия, достоинства, благородства. Об этом свидетельствуют символы государственности, включающие в себя этот цвет: “The White House” – правительство США и его резиденция.

Отрицательное значение белого также существует. Это болезнь, испуг, беспокойство, одиночество. К примеру, “white as a ghost” – бледный как смерть; бледный как полотно.

Голубой (синий) цвет ассоциируется с властью и высоким положением: “blue blood” – королевская семья или люди благородного происхождения. Голубой цвет обозначает верность, постоянство, строгость: “blue to principles” – верный принципам.

В следующих выражениях голубой имеет значение чего-то неожиданного, странного, неопределенного: “out of the blue” – совершенно неожиданно; как снег на голову; “once in a blue moon” – в кои-то веки; по большим праздникам; “out of a clear blue sky” – ни с того ни с сего.

Одновременно это цвет грусти и неуверенности: “blue devils” – уныние; “to cry the blues” – прибедняться, “to be in the blues” – сбиваться с пути; терпеть неудачу; “a bolt from the blue” – неожиданная неприятность; “It fair **turned** my ears **blue**, it did.” (Ей-

богу, у меня **уши в трубочку сворачивались**) [1]; “I would be **black and blue** all over for days at a time.” (В такие дни я ходила вся в **синяках и кровоподтеках**) [3]; “I’ve been thinking of the past and I’m as **blue as the devil**.” (Я думала о прошлом, и у меня теперь **страшная хандра**) [2].

В найденных выражениях красный цвет чаще всего означает войну, кровь, пламя, опасность: “to catch someone red-handed” – поймать с поличным; “a red flag” – предупреждение об опасности. Красный цвет так же ассоциировался с чувством злости: “red as a beet(root)” – красный до корней волос; “a red rag to a bull” – красная тряпка для быка; “to see red” – прийти в ярость; “He never let **red tape** interfere with him.” (Презирает **волокиту**) [4]; “And how, then, will you recognise merit?” asked Dirk, **red in the face** with anger.” (А как вы в таком случае определяете, кто его достоин? – спросил Дирк, **красный от гнева**) [3].

Следующие фразеологизмы, вероятно, появились из-за обыкновения записывать долги и кредиты красным цветом: “to bleed red ink” – испытывать серьезные денежные затруднения; “to be in the red” – иметь долги; “not a red cent” – ни копейки.

Черный цвет всегда скрывает в себе то, что несет, то есть он загадочен, неясен: “a black box” – «черный ящик», что-то непостижимое. Этот цвет имеет такие значения как «секретный», «злой», «нелегальный»: “black money” – грязные деньги; “blackmail” – шантаж; “a black look” – недобрый, угрюмый, не предвещающий ничего хорошего взгляд; “I may not have to leave the service, but there always be a **black mark** against me.” (Со службы меня, возможно, и не выгонят, но и продвинуться не дадут – **репутация-то подмочена**) [4].

Зеленый цвет приносит спокойствие и умиротворенность, помогает в концентрации и принятии решений: “give the green light” – давать зеленый свет; одобрять (план, проект); “the grass is always greener on the other side of the fence” – на соседней лужайке всегда трава зеленее; “greener pastures” – лучшие условия.

Прилагательное “green” считается символом молодости, неопытности, а так же зависти: “as green as grass” – молодой, неопытный, «зеленый»; “green-eyed” – ревнивый; “green with envy” – позеленевший от зависти. В негативном аспекте это цвет безнадежности. Также данный цвет может вызывать скуку, передавать значение болезни: “green around the gills” – выглядеть больным.

В найденных фразеологизмах зеленый цвет также появляется при обозначении природы, садоводства: “have a green thumb” – иметь успех в садоводстве; “have green fingers” – уметь выращивать растения, иметь талант садовода.

Приведем пример использования фразеологизма с компонентом цветообозначения в художественной литературе: “I know that you’re not terribly rich and I knew you’d spent a lot on **green fees**.” (Я знаю, что ты не так уж богат и потратил кучу денег на **чаевые**, когда играл в гольф) [2].

Цвет “grey” ассоциируется с возрастом, мудростью и благородством: “grey hairs” – старость; “to turn grey” – поседеть; “the men in grey suits” – начальство, власти. Также серый ассоциируется с чем-то неясным, странным, подозрительным: “a grey area” – дело темное [8].

При анализе выбранных единиц мы определили, какой компонент цвета в английских фразеологизмах встречается чаще. Это красный (22%), голубой (20%) и черный (17%).

Нам удалось выявить не только типичные значения для каждого цвета, но и его эмоциональную окрашенность. Проанализировав все отобранные выражения, мы подсчитали количество фразеологических единиц с положительным, нейтральным и отрицательным значением. Выяснилось, что большая часть фразеологизмов имеет отрицательное значение, а количество положительных и нейтральных значений одинаково.

Рассмотрев отдельно данные по каждому цвету, мы заметили, что отрицательное значение преобладает среди фразеологизмов с черным и красным цветовыми компонентами. Сравнив полученную информацию с переводом фразеологических единиц, мы удостоверились, что часто передают отрицательное значение именно выражения, имеющие в составе слова “black” или “red”. Также было выявлено, что зеленый цвет в большинстве случаев имеет положительное значение. Он приносит спокойствие и умиротворенность, обозначает природу, является символом молодости.

В ходе выполнения данной работы было установлено, что фразеологические единицы с компонентом цветообозначения несут в себе не только свое прямое значение, но и также передают дополнительную информацию с помощью цвета.

Фразеология является носителем богатейшей информации о представителях английской культуры, о культурно-этническом колорите, поскольку именно во фразеологизмах отражается история народа, быт и мировоззрение.

***

1. Gaiman N. Stardust. – William Morrow, 2016. – 272 с.
2. Maugham W.S. Theatre. – Random House, 2016. – 242 с.
3. Maugham W.S. The Moon and Sixpence. – Капо, 2013. – 384 с.
4. Maugham W.S. The Painted Veil. – Капо, 2014. – 256 с.
5. Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний = Collins COBUILD Dictionary of Idioms. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 752 с.
6. Базыма Б.А. Цвет и психика. Монография. – Х.: ХГАК, 2001. – 172 с.
7. Красавский Н.А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – 90-94 с.
8. Люшер М. Магия цвета / М. Люшер. – Харьков, 1996. – 432 с.

Седых Н.Д.

Особенности перевода фразеологизмов в произведениях современной англоязычной литературы

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-246

idsp: ljjournal-11-2019-246

Аннотация

В статье рассмотрено понятие фразеологизма, его основные признаки, способы и приёмы перевода фразеологизмов с исходного языка на язык перевода. Подчёркнуто значение личности переводчика при выполнении перевода.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, фразеологический перевод, нефразеологический перевод, исходный язык, язык перевода, переводчик

Abstract

This paper deals with the notion of the phraseological unit, the main means and ways of the translation of phraseological units from the source language to the target language. The significance of the translator's personality is emphasized.

Keywords: phraseology, phraseological unit, phraseological translation, non-phraseological translation, source language, target language, translator.

Фразеология (от греч. phrasis, «выражение» и logos «учение») – это раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии. Объектом изучения фразеологии являются фразеологические

единицы, т. е. устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде и целостные по значению. Например: грудная клетка, бить баклуши, смотать удочки.

Вопрос о фразеологии как лингвистической дисциплине был впервые поставлен выдающимся советским лингвистом Е.Д. Поливановым. Поливанов считал, что фразеология «займет обособленную и устойчивую позицию, подобно фонетике и морфологии, в лингвистической литературе будущего — когда в последовательной постановке разнообразных проблем наша наука лишена будет случайных пробелов» [6].

В лингвистической литературе используются различные термины, называющие объект фразеологии: фразеологизм, фразеологическая единица, идиома, устойчивое сочетание, фразеосочетание. Это связано с тем, что словосочетания, которые разными исследователями включаются в состав фразеологии, чрезвычайно разнообразны: от составных наименований (железная дорога) до непереводаемых оборотов (не видно ни зги), пословиц и поговорок (Лес рубят — щепки летят).

Словарь С.И. Ожегова определяет фразеологизм как устойчивое выражение с самостоятельным значением, близким к идиоматическому [5].

По определению Н.А. Красавского, фразеологическая единица – «этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое интегративное, ментальное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя, помимо понятия, образ, оценку, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации одно-порядковые предметы, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [4].

Фразеологизм складывается из всех значений слов, его составляющих. Компоненты фразеологизма обычно нельзя поменять местами, заменить на другие. И только в целом фразеологическая единица имеет свой смысл. Следовательно, по использованию в речи фразеологизмы подобны слову.

Фразеологизм эквивалентен слову не только по значению, но и по синтаксической роли: он всегда является одним членом предложения (Твой совет гроша медного не стоит – сказуемое; Он привык жить на широкую ногу — обстоятельство).

Итак, фразеологизм отличается от свободного сочетания слов постоянством состава и единым значением, является одним членом предложения, воспроизводится «в готовом виде», а не создается в речи.

Фразеологическая единица обладает рядом признаков, отличающих ее от слова и свободного сочетания: устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность, структурная расчленённость или раздельнооформленность, постоянство компонентного состава, семантическая эквивалентность слову [3].

Фразеологию можно считать сокровищницей языка. Именно фразеологические единицы отражают историю народа, особенности его культуры. Донося до читателя фразеологизмы языка-оригинала, переводчик оставляет произведение настоящим, он помогает читателю максимально точно понять мысли иностранного автора. При чтении должно произойти полное погружение и знакомство с культурой другого народа.

На переводчика возлагается большая ответственность: постараться не исказить творение писателя, равно как и не добавить лишнего. Используя все свои способности и углубленное знание обоих языков, ему необходимо передать содержание, сохранить стиль и настроение.

Переводчик при работе с художественным произведением постоянно сталкивается с трудностями перевода фразеологических единиц. Ведь некоторые устойчивые словосочетания языка оригинала вообще не имеют аналогов в языке перевода. Таким образом, фразеологические единицы можно разделить на следующие группы:

- фразеологизмы, имеющие в языке перевода полное соответствие;

- фразеологизмы, которые можно передать на языке перевода соответствующими выражениями, но с некоторыми незначительными изменениями;
- фразеологизмы, не имеющие аналогов в языке перевода.

То есть, в двух первых случаях переводчик ищет фразеологический эквивалент, равноценный переводимой единице, или неполный фразеологический эквивалент, максимально соответствующий оригинальному выражению, а при работе с фразеологизмами третьей группы получает сложную языковую задачу и решает ее при помощи лексических средств языка перевода. Это называется нефразеологическим переводом.

Нами был проведен анализ и описание особенностей перевода фразеологических единиц на материале художественного произведения британского писателя Нила Геймана «Звездная пыль» (перевод Дубининой Анастасии А., Мельниченко Марии А.). Используя вышеописанную классификацию, мы разделили фразеологизмы художественного произведения, полученные методом сплошной выборки, на три категории.

Рассмотрим первую категорию, к которой была отнесена большая часть фразеологизмов. При работе с ними переводчики использовали русский эквивалент, учитывающий стиль и колорит, абсолютно точно передающий содержание фразеологизма на языке оригинала: *“to sleep like a dead man”* («засынал как убитый»); *“to soak to the bone”* («промокла до костей»); *“to stop dead”* («остановился как вкопанный»); *“to the depths of soul”* («до самой глубины души»); *“to freeze blood in veins”* («кровь застыла в жилах») и др. Данные фразеологизмы являются общеупотребительными в русском языке, они точно передают смысл фразеологических единиц английского языка, то есть являются их полными эквивалентами.

К следующей категории были отнесены английские выражения, переведенные соответствующими по значению, но не полностью соответствующими по составу фразеологизмами. То есть, в данных примерах произошла замена конструкции, части речи или слова. Нижеприведенные фразеологизмы в переводе представлены в более привычном и подходящем виде для читающих на русском языке: *“not to have the heart to”* («не хватило духа»); *“as dry as dust”* («сухими как порошок»); *“to turn ears blue”* («уши в трубочку сворачивались»). При переводе фразеологизма *“at the dead of night”* был выбран вариант «под покровом ночи», вместо более похожего «глубокой ночью». Выбранный фразеологизм кажется более таинственным, интригующим, что необходимо для художественного произведения жанра фэнтези. В следующем случае переводчики отходят от конкретных слов фразеологизма для того, чтобы усилить значение, максимально точно передать атмосферу, погодные условия: *“to soak to the skin”* – «промокшая до костей». Примеры данной категории свидетельствуют о том, что в некоторых случаях фразеологизмы могут быть успешно переведены с некоторыми изменениями, не критично влияющими на смысл оригинала.

В последнюю группу вошли фразеологизмы, переведенные нефразеологическим способом, то есть при помощи лексических средств языка перевода. Нижеприведенные примеры не имеют аналогов в языке перевода, поэтому переводчик передает смысл простым языком: *“apples in smb’s cheeks”* – «отличалась прекрасным цветом лица»; *“that’s the ticket”* – «вот что нам нужно»; *“neither here nor there”* – «не имеет никакого значения».

В ходе анализа особенностей перевода фразеологических единиц нами была выделена еще одна подгруппа, в которую попали фразеологизмы, имеющие эквиваленты в русском языке, но переведенные нефразеологическим способом. Например, *“keep an eye on”* – «приглядывай за ним хорошенько» (вместо «не

спускать глаз с»); “*shift from foot to foot*” – «с некоторой неловкостью топтались» (вместо «переступить с ноги на ногу»); “*from the bottom of heart*” – «со всем пылом» (вместо «от всего сердца»). Можно предположить, что трудности, возникающие при переводе полного предложения, несочетаемость фразеологизма с контекстом, заставляют переводчиков передать фразеологическую единицу при помощи лексических средств языка. Также были найдены примеры перевода фразеологизма одним словом: “*chilled to the bone*” – «**похолодел**» (вместо «продрогший до костей»); “*walk back and forth*” – «суетилось» (вместо «ходить взад-вперед»); “*keep tight*” – «помалкивай» (вместо «держат язык за зубами»).

В некоторых случаях вместо использования похожего русского фразеологизма переводчики отдают предпочтение передаче полного содержания оригинала: “*his heart in his mouth*” – «**сердце бьется у него где-то в горле**» (вместо «душа ушла в пятки»); “*as black as jet*” – «**черного, как гагат**» (вместо «черный как смоль», «хоть глаз выколи»).

Из этих примеров видно, что использование нефразеологического перевода имеет две причины: отсутствие фразеологического эквивалента в языке перевода и выбор переводчика не использовать фразеологизм в конкретном предложении.

Итак, мы рассмотрели фразеологию как лингвистическую дисциплину, понятие фразеологизма, его основные признаки. Кроме этого, на примере одного выбранного художественного произведения современной англоязычной литературы нами был проведен анализ и описание особенностей перевода фразеологических единиц. Основная роль при выборе способа принадлежит самому переводчику. Он погружается во всю громадную совокупность реалий чужой культуры, и старается изложить чужие мысли так же ясно и свежо, как они были высказаны, используя при этом всё могущество и богатство языка перевода.

***

1. Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний = Collins COBUILD Dictionary of Idioms. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. – 752 с.
2. Гейман Н. Звездная пыль. – АСТ, 2017. – 256 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. 396 с.
4. Красавский Н.А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – 90-94 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Москва, 2000.
6. Поливанов Е.Д. Введение в языковедение для востоковедных вузов. — Л., 1958. – 348 с.
7. Gaiman N. Stardust. – William Morrow, 2016. – 272 с.

Султанбаева Х.В.

Загадка как текст в башкирском языке

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-247

idsp: ljjournal-11-2019-247

Аннотация

В данной статье рассматривается категориальная сущность загадки, которая по своим лингвистическим свойствам по праву может претендовать на статус текста. Раскрываются специфические структурные и языковые особенности башкирских загадок.

Ключевые слова: башкирский язык, фольклор, паремический жанр, загадка, текст.

Abstract

In this article is considered the categorical nature of the riddle, which by its linguistic characteristics, can rightly claim to have the status of a text. Specific structural and language features of the Bashkir riddle are disclosed.

Keywords: Bashkir language, folklore. paremic genre, riddle, text.

Проблема определения категориальной сущности загадки в условиях «язык – речь – произведение» отмечается многими исследователями данного паремического жанра. В работах Г. Л. Пермякова, В. Н. Топорова, В. А. Лукина, М. М. Бахтина, С. Я. Сендеровича и др. мы обнаруживаем аргументы в пользу того положения, что большинство разновидностей загадок могут претендовать на статус текста. При этом отмечаются их: 1) формальная специфика; 2) диалогическая форма; 3) воспроизводимость; 4) гиперорганизация; 5) двухчастность; 6) описательный характер и другие.

Традиционно загадку относят к малым жанрам фольклора. Её специфика состоит в текстовой двухчастности, т.е. загадка включает вопрос, собственно загадку, и ответ (отгадку). Поэтому загадка, даже в древнейших из доступных нам в реконструкции форм, представляет собой двучленную конструкцию. Лингвисты вслед за Аристотелем считают основой загадки метафору: «идея загадки та, что, говоря о действительно существующем, соединяют вместе с тем совершенно невозможное». Далее Аристотель продолжает свою мысль: «Посредством связи общеупотребительных слов достичь этого нельзя, а посредством метафоры возможно». Однако природа переноса по сходству в загадке опирается на устойчивые языковые закономерности, а создается в тексте.

Загадку принято считать текстом «минимальным», а потому удобным для выяснения того, что есть текст вообще. Одним из первых в деле изучения загадки как текста был Р. О. Якобсон.

Ю. И. Левин в качестве характерной формальной особенности этого жанра считал обязательное преобразование описываемой ситуации (в вопросе-загадке), а основой внутренней структуры двухчастного текста – неожиданное замещение двойного плана: а) внутри текста загадки-вопроса и б) при переходе от загадки к отгадке [2, с. 291]. А. Н. Журинский видел в подобных переходах изоморфные и неизоморфные преобразования [1, с. 52].

Произведение – это такой этап интерпретации текста, который характеризуется относительной законченностью и активизацией обратных связей ТЕКСТ <— ИНТЕРПРЕТАЦИЯ [3, с. 441]. Эксплицитным ключевым знаком интерпретации всякой загадки, если ее рассматривать с позиций загадчика-исполнителя и наблюдателя, является отгадка. Отсюда следует:

а) текст управляет произведением;
б) тексту загадки принадлежит столько произведений, сколько у нее имеется отгадок. Текстом же управляет традиция, которой равно подчинены исполнитель-загадчик и получатель-отгадчик.

Поскольку текст загадки – создание коллективной традиции, загадка как произведение – результат коллективной герменевтики, и результат этот фиксируется отгадкой как ключевым знаком загадки-текста. Автор текста и произведения один и тот же – коллективная традиция.

Важным кажется и положение о сложном текстовом статусе, обоснованное В. А. Лукиным, который полагает, что далеко не все загадки могут претендовать на статус текста, поскольку вопросная часть одних обладает текстовой семантикой и поддается интерпретации, что и позволяет создать произведение (получить отгадку), а иные загадки не обладают текстовой семантикой вовсе, поскольку их вопросная часть не может быть логически интерпретирована.

Если, основываясь на вопросной части, все множество загадок расположить на воображаемой шкале, то крайние положения на ней займут два рода загадок.

Вопросная часть одних (1) обладает текстовой семантикой, поэтому (2) поддается интерпретации, которая (3) позволяет получить отгадку и таким образом (4) создать произведение [3, с. 443].

Бабай кат-кат тун кейгән, / Сисендерһән, иларһың (һуган).

Вопросная часть загадок, противоположных приведенным, (1) не обладает текстовой семантикой, поэтому (2) не может быть проинтерпретирована, но (3) имеет отгадку, но мотивированную вопросной частью; при этом раз нет интерпретации, то (4) нет и произведения. Нет произведения, следовательно, нет текста, а есть его «речевая маска» (Ц. Тодоров). Это асемантические загадки («учат» не думать – по крайней мере современного отгадчика)

Другими словами, не всякая загадка – текст. Между текстовыми и нетекстовыми загадками расположено неопределенно большое множество промежуточных случаев. Значительная их часть – это загадки, вопросная часть которых, казалось бы, понятна, но отгадка совершенно не ясна, отсутствует «общетекстовая мотивировка» (Г. Л. Пермяков) вопросной части; попытки интерпретации вопросной части не бессмысленны и не бесполезны, но безрезультатны:

Дөбөр-дөбөр дүртәү, төймә казай икәү, Ғәббәс коза япа-яңгыз. (Ғыйыр)

Кытыр-кытыр тукмас баҫа, Йомабикә яланда. (Пулемет)

Ары ла сут, бире лә сут, иһи зә, миһи зә. (Ғандугас)

Подобные загадки «можно сравнить с общим высказыванием, содержащим только тему, тема – это отгадка, которую мы находим в системе стереотипов (картине мира или модели мира)» [5, с. 195]. Загадка, дополненная ключевым знаком-отгадкой, уже поддается интерпретации (ретроспективной), приобретает свойства текста. Загадка без отгадки если и может рассматриваться в качестве текста, то только тематически недостаточного. Это значит, что адекватная интерпретация вопросной части требует за пределы ее знаковой последовательности.

Нетекстовые загадки в отличие от тематически недостаточных не поддаются ретроспективной интерпретации, не приобретают семантической самодостаточности в случае знания отгадки. Подобные встречаются, например, в русском языке:

Что в избе за бус? (Брус);

Что в избе гадко? (Кадка).

В. В. Митрофанова вслед за В. П. Аникиным считает, что такие загадки обязаны своим происхождением тайной речи, как и те, что основаны на фонетической игре (*Кутька, да лайка, да тупупочек. – Кутник, лавка, приступочек*). С утратой получателями-отгадчиками знания кода тайной речи они сближаются, по существу, с пустоговорками, сохраняя иногда «неопределенно выраженную семантику» [4, с. 195].

В конечном счете, это свидетельствует о том, что отгадки нетекстовых загадок не выполняют функцию ключевых знаков (точнее говоря, перестали ее выполнять).

Существенно, что для значительного числа загадок ключевые знаки-отгадки не уникальны относительно вопросной части:

Тауға менер лурт-лурт, таузан төшөр лурт-лурт, өйөнә кайтыр, йокларга ятыр, уны белгәндең гилеме артыр. (Бурһык)

Вопросные части, относящиеся к одному общему знаку-отгадке, как правило, вариативны [3, с. 446].

Ботакһыз урман, ул кайзан булган? (Сәс)

Кара урман, һары урман, урман эсен кем урган? (Сәс)

В конечном счете, множество отношений между загадками как текстами на сегодняшний день не описаны как система: отсутствуют критерии вариативности/инвариативности и семантического сходства между вариантами одной загадки и вариантами разных загадок, критерии сходства между загадками как

инвариантами. Однако текст загадки управляет ее произведением, поэтому нет оснований говорить о системной упорядоченности произведений внутри загадок как класса текстов.

Специфика языка фольклорного текста особенно ярко проявляется при их сопоставлении. Так, подробно сравнивая язык фольклора разных этносов, можно выявить специфические черты национального языка, культуры, менталитета того или иного народа. Изучение языка фольклора позволяет сохранить традиции, поэтические формульные выражения, древнейшие лексические пласты, историю языка, этику, национальную философию.

Таким образом, в настоящее время в области лингвистических исследований открываются новые перспективы в изучении дискурса загадок как особого культурного феномена, раскрывающего своеобразие этнических культур.

С помощью лингвистических исследований загадок, как текст и произведение, можно выявить и понять обучающую модель, характерную для определенной нации.

***

1. Журинский А.Н. Семантическая структура загадки. – М., 1989. – 126 с.
2. Левин Ю.И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. – М., 1978. – 293 с.
3. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Издательство «Ось-89», 2005. – 560 с.
4. Митрофанова В.В. Русские народные загадки. – Л.: Наука, 1978. – 180 с.

Таказов Ф.М.

Инициационные практики в нарративных текстах осетинского фольклора

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-248

idsp: ljournal-11-2019-248

Аннотация

Мотив инициаций относится к наиболее концептуальной составляющей сюжета в нарративных текстах осетинского фольклора. Часто герои в ненавязчивой и неназидательной манере проделывают сложный и опасный путь с испытаниями и символической смертью, становясь участником инициаций. Для понимания причины перехода инициационных обрядов в эпический текст, необходимо учитывать роль нарратива в сакрализации инициаций.

Ключевые слова: нарратив, фольклор, инициации, мифология, космогенез, миротворение

Abstract

The motive of initiations refers to the most conceptual component of the plot in narrative texts of Ossetian folklore. Often heroes in an unobtrusive and unappealing manner make a difficult and dangerous way with trials and symbolic death, becoming a participant in initiations. In order to understand the reason for the transition of initiation rites into epic text, it is necessary to take into account the role of the narrative in sacralization of initiations.

Keywords: Narrative, folklore, initiations, mythology, cosmogenesis, peacemaking

В аспекте генезиса инициации получили в науке достаточное полное освещение. Структура и фазы инициаций впервые были определены А. ванн Геннепом, дальнейшее

развитие изучения мифологических текстов на предмет выделения признаков инициаций получило в трудах Дж.Фрезер, Р.Генон, М.Элиаде, К.Г.Юнг и др.

Ван Геннеп утверждал: «Самый факт жизни делает неизбежными последовательные переходы из одной среды в другую, от одного общественного положения к другому. Поэтому человек в своей жизни последовательно проходит некие этапы, и окончание одного этапа, и начало другого образуют системы единого порядка. Таковыми являются: рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, повышение общественного положения, профессиональная специализация, смерть. И каждое из этих явлений сопровождается церемониями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, в свою очередь, столь же определенное» [1, с. 9].

Отражение обрядов инициаций во нарративных фольклорных текстах получило широкое освещение в трудах Дж.Фрэзера [14] и В.Я.Проппа [12], М.А.Хакушевой [15].

Нарративный текст актуализирует процесс инициаций, заменяя собой обряд. «“Рассказ”, поведенный в мифе, представляет некое эзотерическое “знание” не только потому, что оно тайно и передается в процессе инициации, но также потому, что это «знание» сопровождается проявлением религиозно-магического могущества. И действительно, знание о происхождении какого-нибудь предмета, животного или растения означает, что мы приобрели над ними магическую власть, которая позволяет господствовать и по своему желанию управлять их воспроизведением и размножением» [16, с. 12].

Осетинские нарративные тексты еще не становились объектом исследований на предмет выявления мотива инициации, в то время как основным мотивом большинства сюжетов является инициация.

Наиболее характерным признаком инициации в фольклоре осетин является необычное происхождение героя: эпический герой Сослан рождается из камня [4, с. 5-10]; нарт Батраз – из лопатки своего отца Хамица [5, с. 5-11]; нартовская Сатана рождается в склепе от мертвой матери [3, с. 111], близнецы Урузмаг и Хамиц рождаются у Донбеттаров в подводном царстве [3, с. 103-110].

Признаком инициаций часто выступает невероятно быстрый рост новорожденного/младенца: невероятно быстрый рост в эпосе демонстрируют Ацамаз, который будучи еще грудным ребенком, разрывает веревки колыбели и выступает по тревоге в поход [11, с. 68-72]; Тотраз – разрывает веревки колыбели и идет на нартовские игры [9, с. 306-307]; Маленький Батраз разбивает колыбель свою и уходит искать жену Аладжыко, которую украли [6, с. 84].

Другим признаком инициаций служит изоляция героя, воспитание за пределами родительского дома, общества [13, с. 155-160]: вне нартов, в подводном царстве воспитывались Сослан, Батраз, Сирдон; изоляция героя Арахдзау, которого еще новорожденным кладут в бочку и бросают в море. Сатана также кладет рожденного ею от черного Ногайца сына в ящик и бросает в море.

Подобная изоляция без доступа света совершалась с детьми и подростками перед обрядом инициации. Надо отметить, что в сюжетах с мотивом инициаций у многих народов таким же образом содержались царские дети и сами цари – достаточно вспомнить сказку о царе Салтане А.С.Пушкина.

Перед тем, как проделать инициационный путь, герой выбирает себе коня/оружие, принадлежавшего отцу иницианта, который, как правило, содержится в пещере или подземелье. Чаще всего конь отцовский, герою его нужно сначала обуздать, а потом усидеть в седле – своеобразная проверка на «прочность» седока. Когда юный герой с честью проходит «конное» испытание, он готов выступить в поход. Маленький Ацамаз выбирает себе коня в подземелье из-под навоза [7, с. 315.]. Юный Арахдзау выбирает себе коня в табуне и обуздывает наилучшего [5, с. 623-624.].

Во время инициаций герой может совершать путешествие в царство мертвых. При этом, в осетинском фольклоре «переносчиком» героя из одного мира в другой выступают орел или конь. Так, орел схватил Урузмага, отнес его к берегу моря и опустил на камень [4, с. 233]. Нарратив данного сюжета направлен на завершение инициационной практики, в котором герой Урузмаг должен пройти символические испытания, в результате которого он приобретет статус царя/вождя. Орел поднимает и эпического героя Сослана на вершину горы. Чтобы завершить инициационный путь, герой должен убить орла и спуститься с горы. Сослан так и поступает: он убивает орла, делает себе из его перьев крылья и опускается с высокой горы на землю.

Мотив инициаций связан с особенностями мифопоэтического мировосприятия, воплощенного, прежде всего, в нарративный текст. Для понимания причины перехода инициационных обрядов в нарратив, необходимо учитывать роль этого нарратива в сакрализации инициаций. Рассказ эпического текста актуализирует процесс инициаций, заменяя собой обряд. «“Рассказ”, поведенный в мифе, представляет некое эзотерическое “знание” не только потому, что оно тайно и передается в процессе инициации, но также потому, что это “знание” сопровождается проявлением религиозно-магического могущества. И действительно, знание о происхождении какого-нибудь предмета, животного или растения означает, что мы приобрели над ними магическую власть, которая позволяет господствовать и по своему желанию управлять их воспроизведением и размножением» [16, с. 12].

При прохождении инициации неопитам, как правило, помогали наставники. По мнению М.Элиаде человек в одиночку не может сделать себя, его делают старики, духовные наставники [17, с. 19]. В сюжете «Нарт Сослан – в поисках сильнейшего» проходит инициации благодаря своему наставнику, в роли которого выступает погонщик буйволов, спасший Сослана от преследователей. Сослану не было равных по силе среди Нартов. Он отправился в путь, чтоб узнать, есть ли еще в мире сильнее его. Однако повстречал трех братьев-великанов, превосходивших его по силе. Ему удалось бежать, но братья-великаны стали его нагонять. Сослан обращается за спасением к однорукому и одноглазому погонщику буйволов, который не только защитил его, но и легко расправился с тремя братьями-великанами. Узнав, для чего Сослан отправился в путь, погонщик буйволов, рассказывая о своих злоключениях, фактически проводит вербальную инициацию, по завершению которой Сослан возвращается домой [3 с. 38-42]. Во время вербальной инициации происходит формализованное обучение. «Ядро инициаций – организованное, обладающее своими собственными устоявшимися методами воспитания» [2, с. 147].

Во время прохождения инициаций наставник часто оказывает помощь неопиту и в женитьбе. Так, например, жениться на дочери Солнца Сослану/Созырько помогают небожители Уастырджи и Уацилла [5, с. 256-257].

В инициационных нарративных текстах при женитьбе невеста нередко испытывает жениха. Перед тем как дать свое согласие выйти замуж за Сослана, дочь Челахсартага Бедуха испытывает его [10, с. 130-133].

Фактически мотив инициаций наличествует во всех нарративных текстах с эпическим героем Сосланом. Сослан, подвергаясь различным испытаниям, каждый раз приобретает новый статус: он спасает своего отца Урузмага от неминуемой смерти, вызволяет свою мать Сатану из адского озера, побеждает великанов, спасает нартов от голодной смерти, проделывает путь в Царство мертвых и возвращается оттуда.

Для прохождения инициации герой должен пережить символическую смерть. В нартовском эпосе символическая смерть может выражаться по-разному. В одних случаях это густой туман. Герой попадает в царство мертвых, при этом, для перехода в иной мир он оказывается окутан густым туманом. Во время охоты Сослан долго блуждая под покровом тумана, он оказывается в Стране мертвых [7, с. 530-531].

Окутанный густым туманом, Сослан символически умирает, чтобы совершить переход в иной мир.

Иногда при инициациях символическая смерть заменяется превращением героя в девушку или животное. В сюжете «Нарт Сослан и проклятущая женщина» ведьма превращает Сослана в девушку и у него (нее) рождаются две дочери, затем вторая ведьма превращает его в кобылу и у него (нее) рождаются два жеребца, после чего третья ведьма превращает Сослана в суку. Сослану удается превратить себя в человека и мстит ведьмам, превратив их в ослиц [5, с. 412-418], что свидетельствует о завершении перехода инициации.

Переодевание в шкуру животного также указывает на символическую смерть. Надев волчью шкуру Сослан убивает своего противника Тотраза/Алибега в спину [8., с. 168-169]. Битва коварного Сослана и безупречного Тотраза – переход в статус совершенного героя.

В мифологии многих народов облачение в шкуры животных связывается с обрядами мужских союзов. Облачаясь в шкуру животного иницируемый использует идею перемены облика и, посредством этого, рождения и возрождения. Герой символически умирает и возрождается в более высоком статусе, доказательством чего становится победа над врагом.

Инициация, будучи отражением мифической истории космогенеза, возвращает социум во времена начала, каждый раз повторяя миротворение. При этом символическая смерть – обязательная составляющая перехода на другую ступень/уровень/статус. И в данном случае нарративные тексты осетинского фольклора выполняют сакральную роль инициационных обрядов.

***

1. Геннеп, А. Ванн. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
2. Запороженко А.В., Луговой К.В. Инициационные ритуалы в системе индоиранской социализации // Сибирский педагогический журнал. № 1. 2013. – С. 147-152.
3. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А./ Кн. 1. Владикавказ: Ир, 2003. – 592 с.
4. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А./ Кн. 2. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2004. 896 с. (на осет. яз.).
5. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 3. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2005. 712 с. (на осет. яз.).
6. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 4. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2007. – 766 с. (на осет. яз.).
7. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 5. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2010. – 766 с. (на осет. яз.).
8. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 6. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2011.– 544 с. (на осет. яз.).
9. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа /Составитель Хамицаева Т.А. Кн. 7. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012.– 617 с. – на осет. яз.
10. Осетинское народное творчество. В двух томах. Т.1. /Составила З.М.Салагаева. Орджоникидзе, 1961.
11. Памятники народного творчества осетин. Кн. 2. Владикавказ, 1927. 378 с.
12. Пропп В.Я. Морфология. Исторические корни Волшебной сказки. М.: «Лабиринт», 1998. – 364 с.
13. Таказов Ф.М. Признаки инициаций в нартовском эпосе осетин // Ростовский научный журнал. Вып. № 12. Декабрь. Ростов-на-Дону, 2017. – С. 155-160.
14. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М.: «Издательство политической литературы», 1985. – 704 с.
15. Хакуашева М.А. Мифологические образы и мотивы в фольклоре, литературе и искусстве. Нальчик: «Издательский отдел КБГИ», 2014. – 172 с.
16. Элиаде М. Аспекты мифа (Пер. с фр. В.Большакова). М.: «Инвест – ППП», 1996. – 240 с.
17. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. М., 2002.

Томчаковская Е.А.

Трудности перевода текстов медицинской тематики

ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
(Россия, Белгород)

doi: 10.18411/lj-11-2019-249

idsp: ljjournal-11-2019-249

Аннотация

Статья посвящена вопросам изучения перевода. В работе говорится о возникающих проблемах при переводе текстов на медицинские темы с английского языка на русский. Анализ проводился на примере научно-популярного труда американского нейропсихолога Оливера Сакса “Musicophilia: Tales of Music and the Brain”. Данное исследование подтверждает необходимость владения переводчиком специальными знаниями не только в теории и практике перевода, но и в области медицины.

Ключевые слова: перевод, переводческая деятельность, медицинская терминология, трудности перевода, точность, полнота.

Abstract

The article is devoted to the study of translation. The paper discusses the problems of translating texts on medical topics from English into Russian. The analysis was conducted on the example of the popular science work of the American neuropsychologist Oliver Sacks “Musicophilia: Tales of Music and the Brain”. This study confirms the need for the translator to have specialized knowledge not only in the theory and practice of translation, but also in the field of medicine.

Keywords: translation, translation activities, medical terminology, translation difficulties, accuracy, fullness, translation inaccuracies, distortion of information.

Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. На современном этапе теория перевода не выработала еще единого определения перевода как языковой деятельности. Одним из определений перевода является следующее. «Перевод – это полноценная передача средствами одного языка сообщения, сформулированного на другом языке» [1. С. 237–256]. Основное требование к переводу – точность и полнота. Ни одна мысль автора не должна быть пропущена или искажена. В зависимости от типа перевода, последствия изменения смысла первоисточника могут быть различными, вплоть до причинения вреда человеку, особенно если речь идет о переводе в медицине.

Переводчик медицинских текстов в процессе перевода сталкивается с трудностями, характерными для переводческой деятельности в целом, и с трудностями, связанными с переводом медицинских текстов. В современном мире осуществляются активное сотрудничество и международный обмен опытом в сфере медицины и здравоохранения. В связи с этим проблематика выполнения качественного перевода текстов медицинской тематики является предметом изучения множества исследователей. Х. Ли-Янке предлагает классификацию трудностей медицинского перевода, применимую к любым парам языков: 1) терминологические проблемы; 2) трудности перевода сокращений; 3) трудности перевода эпонимов; 4) допустимость применения англицизмов; 5) особенности сочетаемости языковых единиц и структуры текста [7. Р. 145–153]. Рассмотрим некоторые ситуации, повлекшие за собой неточности в анализируемом переводе.

- 1) Непереведенные единицы, подлежащие переводу.

В тексте перевода [4. С. 138] отсутствует целый абзац: “She mentioned that when her mother had a stroke and was admitted to a nursing home, all sorts of activities, but especially music, delighted and calmed her. But Mrs. L. said that if she were in the same position, music would make her worse, drive her mad” [8. P. 105].

Пропуск части текста может повлечь за собой некоторое искажение информации, содержащейся в оригинальном тексте, а иногда и полную ее утрату. Предложим свой вариант перевода данного фрагмента текста: «Она упомянула, что, когда у ее матери случился инсульт, и она была помещена в дом престарелых, любые занятия, особенно музыка, восхищали и успокаивали ее. Однако говоря о себе, миссис Л. утверждает, что если бы она была в таком же положении, музыка бы навредила ей, свела ее с ума».

2) Стилистическая неоднородность (смешение стилей).

В классической теории текста существует строгое разграничение стилевой направленности: разговорный, научный, публицистический, официально-деловой, художественный и т.д. В процессе своей работы переводчик определяет границы стилей в тексте оригинала и решает, какой стиль при переводе будет наиболее уместен. Нарушение стилевых норм бывает непреднамеренным или намеренным, при этом имеет место либо коммуникативная неудача, либо языковая игра [6. С. 114]. Рассмотрим пример такой стилистической неоднородности при переводе.

She had lost her former naturalness and musicality of movement; **in short**, she said, she had been “unmusicked” by her parkinsonism [8. P. 253].

Перевод: Она утратила естественность и музыкальность движений, **короче**, паркинсонизм лишил ее музыкальности [4. С. 318].

Согласно словарю В.К. Мюллера выражение “in short” относится к общеупотребительной нейтральной лексике, и переводится как «словом», «коротко говоря» [3. С.697].

Употребленное в переводе вводное слово «короче» в контексте научно-популярного труда звучит как просторечное. Это приводит к несоответствию функционально-языковым свойствам данной жанрово-стилистической разновидности текста. С нашей точки зрения, предпочтительнее использовать в данной ситуации «словом», «вкратце».

3) Ошибки в трансляции исходного содержания.

Сюда относят функционально не мотивированные отклонения от содержания оригинала, различающиеся по степени дезинформирующего воздействия.

Рассмотрим несколько примеров, когда замена одного термина другим полностью искажает смысл авторского текста.

While there is no doubt of the physiological basis of musical hallucinations, one has to wonder to what extent other (let us call them “**psychological**”) factors may enter into the initial “selection” of the hallucinations and their subsequent evolution and role [8. P. 80].

Перевод: Итак, нет никаких сомнений в наличии физиологической основы музыкальных галлюцинаций, но мы вправе поставить вопрос о том, в какой мере другие факторы (назовем и их **«физиологическими»**) могут участвовать в «отборе» галлюцинаций, в их эволюции и роли [4. С.108].

В первом примере термин “psychological”, имеющий значение «психологический», переведен как «физиологический»: вероятно, это вызвано похожим написанием слов: “psychological” – “physiological”, так как содержание терминов разное.

Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова относит прилагательное «психологический» к понятию «психология», а прилагательное «физиологический» к понятию «физиология» [5. С. 561; С. 722]. Психология – это наука о психической реальности, о том, как индивид ощущает, воспринимает, чувствует, мыслит и действует. Физиология в свою очередь является наукой, изучающей жизнедеятельность целостного организма и его частей — систем, органов, тканей и клеток. Отсюда делаем

вывод о том, что такая замена при переводе недопустима и приводит к полному изменению смысла авторского текста.

Второй пример также демонстрирует неверный перевод термина и очевидное полное изменение его значения. Здесь термин “head injuries”, означающий «травма головы», переведен термином «нарушение слуха».

Other conditions may cause a temporary or permanent shift of absolute pitch, including strokes, **head injuries**, and brain infections [8. P. 124].

Перевод: К временному или стойкому смещению абсолютного слуха могут привести и другие заболевания, например, инсульты, **нарушения** слуха и инфекции, поражающие мозг [4. С. 161].

Следующий пример заключается в переводе термина “emotional amusia” как «функциональная амузия» вместо «эмоциональная амузия».

Could lack of exposure to music in one’s earliest years cause a sort of **emotional amusia**, as lack of language in the critical period may undermine linguistic competence for the rest of one’s life [8. P. 292].

Перевод: Возможно, отсутствие музыки в детстве приводит к **функциональной амузии**, также как отсутствие живой речи в окружении растущего ребенка приводит к необратимой функциональной немоте [4. С. 369].

Словарь практического психолога определяет амузию как утрату способности понимать или исполнять музыку, писать и читать ноты [2. С. 18]. В данном случае добавление прилагательного “emotional” к термину “amusia” характеризует данное расстройство с точки зрения механизма возникновения, а такая неточность в переводе искажает значение термина.

Кроме того, существуют неточности перевода, которые в целом не искажают смысл авторского текста. Ярким примером может служить замена термина “physiologist” (физиолог) на «гистолог» (histologist).

Заключение

Медицинский перевод, перевод текстов медицинской и фармацевтической тематики – это узкоспециализированный вид перевода, для выполнения которого требуется переводчик, владеющий не только соответствующим иностранным языком, но и специальной терминологией переводимого текста. Характерными чертами современной медицины являются рост количества узких специальностей, появление новых возможностей лечения и разработка специализированного оборудования и материалов. Соответственно, возрастают требования к квалификации переводчика. Однозначного ответа на вопрос «Должен ли медицинский переводчик иметь медицинское образование?» не существует. Однако совершенно очевидно, что медицинский переводчик должен хорошо владеть родным и иностранным языком, иметь аналитические способности, а также хорошо понимать культурные особенности тех народов, с языками которых он работает.

***

1. Бородулина М.К., Карлин А.Л. Обучение иностранному языку как специальности. М. : Высш. шк., 1975. 260 с.
2. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. – 18с.
3. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. Полная версия. Более 180 000 слов, выражений и значений. М.: Эксмо, 2009. – 697с.
4. Сакс О., Музыкафилия [пер. с англ. А.Н. Анваера]. М.: Издательство АСТ, 2017. – 448с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. - 722с.
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М. : СПбГУ, Филология Три, 2002. 416 с.
7. Lee-Jahnke H. L'enseignement de la traduction médicale: un double défi? // Meta: Journal des traducteurs. 2001. Vol. 46, № 1. P. 145–153.
8. Sacks O. Musicophilia: Tales of Music and the Brain. New York – Toronto: Alfred A. Knopf, 2007. – 382p.

Фёдорова О.А.**Проектная деятельность на уроках литературы в старших классах при изучении художественного мира лирики А. Блока***Филиал ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» в г. Тара (Россия, Тара)**doi: 10.18411/lj-11-2019-250**idspr: ljjournal-11-2019-250***Аннотация**

Статья посвящена использованию проектной деятельности на уроках литературы в школе при изучении художественного мира лирики А.Блока. Приведена методическая разработка урока на примере изучения цикла «Стихов о Прекрасной Даме». В статье представлен анализ и приведены примеры образов-символов Прекрасной Дамы, ее культурных и мифопоэтических истоков.

Ключевые слова: проектная деятельность, лирика, символизм, «Стихи о Прекрасной Даме».

Современный этап развития системы образования в России направлен на личностное развитие школьника. В настоящее время все более актуальным становится использование в обучении таких приемов и методов, которые формируют умение самостоятельно добывать новые знания, собирать необходимую информацию, выдвигать гипотезы, делать выводы и умозаключения.

В последние годы в старшем звене школы наблюдается волна интереса к использованию метода проектов. Организация проектной деятельности в процессе обучения обеспечивает высокую степень самостоятельности, инициативности обучающегося, межпредметную интеграцию знаний, умений и навыков, способствует развитию социальных навыков в процессе групповых взаимодействий, приобретение детьми опыта познавательной активности.

Проектная деятельность направлена на самостоятельную индивидуальную, парную, групповую деятельность обучающихся, которую они должны выполнять в течение определенного промежутка времени. [6, с 122-150].

Применение метода проектов на уроках литературы в старшей школе, на наш взгляд, способствует более эффективному усвоению обучающимися учебного материала.

Так, Лазарев Т. указывает, что проектная деятельность направлена на решение таких образовательных задач, как освоение предмета, то есть получение знаний и умений, развитие универсальных учебных и проектных умений, социальной компетентности.

Использование технологии проектов в старшем школьном звене значительно отличается от применения её в средних и младших классах.

Прообразом проектной деятельности основной школы для старших школьников могут стать проектные задачи [4, с 101-103]. В трудах Воронцовой А.Б., проектная задача понимается как задача, в которой через систему или набор заданий стимулируется система действий, направленных на получение еще никогда не существовавшего в практике ребенка результата, и в ходе решения которой происходят качественные самоизменения группы детей. Проектная задача также носит групповой характер [5].

В исследованиях Поливановой К.Н. отличие проектной задачи от проекта заключается в том, что при проектировании не задается порядок действий, проектировщики сами определяют весь набор необходимых средств и действий, с помощью которых будет достигнут результат. В проектной же задаче ученикам предлагается весь инструментарий действий [8].

Использование проектной деятельности на уроках литературы направлено на раскрытие индивидуальных способностей обучающихся, что безусловно позволит учителю активизировать творческую активность обучающихся. Действия школьников в создании учебного проекта подчинены определённой структуре. Они состоят из последовательных этапов. Учитель в этой деятельности выступает в роли тьютора - координатора, который своим непосредственным участием организует правильную работу школьников, постоянно сопровождая их действия в правильном векторе.

Завершается работа презентацией полученных результатов. Именно во время представления и защиты работы учитель может оценить каких результатов достигли обучающиеся, так как вся их деятельность по написанию проекта была самостоятельной. Презентация работ, обучающихся может быть различной. Основными видами защиты проектов являются групповые и индивидуальные проекты [8, с. 144-145].

Для успешного освоения русского символизма одиннадцатиклассникам, на наш взгляд, поможет применение комплексного творческого проекта на уроках литературы. Данный проект был разработан нами по изучению художественного мира лирики А. Блока. В истории русского символизма принято выделять два поколения: старших символистов и младших. Между ними много общего, однако эти поколения имеют четкие различия. Свою творческую, мировоззренческую независимость подчеркивали младосимволисты. Они считали себя творцами подлинного символизма, при этом употребляя по отношению к старшим термин декадентство, указывая на то, что в их текстах звучит настроение безволия, усталости, неверия. Главный инструмент поэтики – символ в творчестве старших и младших толковался по-разному. Старшие воспринимали его как предмет или явление, которое выступает символом другого. Для младосимволистов символ выступает инструментом поэтики, указанием на высшую реальность, око в Вечность.

А.Блок, как яркий представитель символизма, воспринимал мир, и человека, и самого себя не как нечто застывшее, раз и навсегда данное, а в становлении, в некоем целесообразном движении. Поэтический язык Блока – темный, сложный язык символов. Сам поэт определял символ как слияние смыслов. Стихотворение трактовал как своего рода кристалл, который состоит из нескольких граней.

Картина мира у символистов достаточно сложна и неоднозначна для восприятия обучающихся. Анализируя лирические тексты, школьники замечают, что они наполнены разными символами. Таким образом, у старшеклассников возникает проблемная ситуация. У них появляется желание узнать что означает тот или иной символ в лирических текстах поэта. Таким образом, мы переходим к рассмотрению цикла «Стихов о Прекрасной Даме».

Данный цикл стихов был написан под впечатлением любви поэта к Л.Д. Менделеевой. Их встречу с ней Блок назвал «гносеологической», воспринимая чувство любви как прозрение некой тайны. Вторым источником «Стихов о Прекрасной Даме» явилась философия В. Соловьева. Философ считал, что подлинная любовь связана с идеализацией любимого человека. В его трактовке идеализация – это не заблуждение, а видение истинной сущности человека, воссоздание в индивиду «живого и бессмертного образа Божия», искаженного в обыденном мире. Предмет любви имеет двойственную структуру, с одной стороны, это Вечная Женственность, идеальная душа мира; с другой стороны, это природное человеческое существо, которое дает повод (толчок) для реализации идеала.

«Стихи о Прекрасной Даме» Блока во многом созвучны идеям В. Соловьева. Земной облик возлюбленной во многом соотнесен с небесным, идеальным образом, ее ликом. Так, образ любимой у символиста трансформируется в поэзии в местоимение «Мы», которое также имеет двойственную структуру: это живая, земная милая, но в

идеале она – это луч Вечной Женственности. Поэтому земной и небесный образ не всегда совпадают, что является причиной затруднений у старшеклассников при анализе лирических текстов поэта. В связи с этим у ребят зачастую возникает проблема в понимании и интерпретации ключевых образов и символов поэтики автора.

Проблемная ситуация, на наш взгляд, служит поводом для проведения урока-проекта. Проектная деятельность учит школьников широко видеть проблемы, культурные пласты, их взаимосвязи в художественном мире. Как правило, это не только тематические вопросы, но и исторические, этимологические, философские, мифопоэтические. Также, использование метода проектов на уроках литературы в старшем звене позволит находить выше перечисленные аспекты, анализировать их, обобщать, самостоятельно делать выводы и представлять результаты своей деятельности.

Исходя из проблемы в понимании лирического цикла Блока «Стихи о Прекрасной Даме», мы делаем вывод, о том, чтобы школьникам более полно освоить творчество символиста, эффективным будет проведение учебного проекта на тему «Художественный мир лирики А. Блока».

Нами было разработано пять этапов реализации проектной работы на уроке литературы.

Первый этап работы характеризуется погружением в проблему проекта. Данный этап направлен на выявление проблемы и разграничение ее рамок. Здесь же происходит формулирование целей и задач проекта.

На втором этапе обучающиеся делятся на мини-группы, распределяя между собой действия, согласно сформулированным на первом этапе задачам и цели. Например, школьники будут заниматься составлением словаря символов лирического цикла Блока, причем сам продукт (словарь) их творчества должен быть построен по всем необходимым критериям, предъявляемым к такого рода продукту, т.е. символы должны быть расположены в алфавитном порядке, иметь словарную статью, аннотацию и сам словарь должен быть оформлен в книжном виде.

На следующем этапе обучающиеся занимаются составлением продукта.

Они активно ищут информацию, занимаются систематизацией, обработкой материала и начинают структурировать собранные данные согласно необходимой структуре. Этот этап проходит совместно с педагогом, который помогает и корректирует деятельность ребят. Обучающиеся находят в тестах образы – символы Прекрасной Дамы и его культурные истоки:

- Святая, Дева, Лучезарный лик, Купина (эти образы отсылают нас к образу Богородицы, Пречистой Девы);
- Прекрасная Дама, Несравненная Дама, Недостижимая (эти образы сближают лирическую героиню со средневековой рыцарской лирикой и ее культом служения идеальной Дамы);
- Величавая Вечная Жена, Владычица Вселенной, Красота Неизреченная (эти образы заимствованы из творчества Вл. Соловьева);
- Заря, Дева Света, Царевна (эти образы отсылают к мифологии славян, к Деве Заре, которая символизирует персонификацию света, начала мира) [7, с. 20].

Четвертый этап - это этап, на котором ребята разрабатывают собственные продукты деятельности.

Заключительный этап - это презентация, полученного продукта совместного творчества. На этом этапе происходит анализ проделанной работы, самооценка и оценка деятельности каждого школьника.

Итак, в ходе урока обучающиеся проделывают большую самостоятельную работу. Например, первая группа, работая над созданием словаря символов, пришла к выводу, что такой словарь наиболее удобен для глубокого постижения творческого наследия Блока. Он понятен и прост в обращении. Вторая группа, создавала буклет и пришла к выводу, что именно такая форма для учащихся 11 класса максимально приемлема. В своих словарях школьники разместили все его структурные элементы. Все продукты их деятельности были использованы на уроках литературы. Таким образом, взяв книгу стихов Блока в библиотеке, вы сразу начинаете пользоваться словарем символов. Третья группа представила презентацию Microsoft Office PowerPoint и пришла к выводу, что в век информационных технологий подобный словарь наиболее удобен в обращении. Презентация проектов проходит на уроке. Школьники, работавшие в группах, открыто презентуют свою работу учителю и одноклассникам.

Старшеклассники изучили и представили широкий культурный контекст образов-символов Прекрасной Дамы, ее культурных истоков – все это позволило понять символический смысл героини лирики поэта. Она есть Вечная идеальная Душа мира, высшая Мудрость и Красота, то есть не фантазия, а объективная реальность. Также нами был проработан мифопоэтический сюжет в «Стихах О прекрасной Даме» А. Блока. На проведенных уроках, обучающиеся пришли к выводу, что в целом, лирический сюжет стихов напоминает сказочный, так как главными действующими персонажами являются: «Она», «Царевна», «Невеста». Лирической героине сопутствуют такие топосы как – «Терем», «дом», «чертог». Лирический герой выступает в текстах как «странник», «отрок», «рыцарь-служитель»; его пространство – это дорога, путь. Таким образом, мы последили мифопоэтический сюжет в цикле поэта. Дело в том, что сказочный сюжет о потерянной невесте – частотный у символистов. Включение подобного сюжета в свои тексты позволило символистам использовать его как аналог христианской апокалиптической модели всеобщей человеческой истории. В связи с этим, образ странствующего рыцаря в пути - означает возвращение человека к своей душе.

Таким образом, применение проектной деятельности на уроках литературы способствует формированию у обучающихся исследовательской деятельности, развивает логическое мышление и творческую активность.

***

1. Аргунова, Е. Р. Активные методы обучения: учеб.-метод. пособие [Текст] / Е. Р. Аргунова, Р. Ф. Жуков, И. Г. Маричев. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. С. 1074.
2. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст]: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. - М.: Флинта: Наука, 2003. - 4976 с.
3. Баранников, А.В. Содержание общего образования: Компетентностный подход. - М., 2002. 51 с.
4. Бобина, А.В. Метод проектов как инновационный педагогический инструмент для работы по профориентации учащихся // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2013. - № 4 (апрель). - С. 61-65. - URL: <http://e-koncept.ru/2013/13077.htm>.
5. Воронцова, А. Проектная задача. – Журнал «Начальная школа», № 6, 2007. URL: <http://nsc.1sept.ru/article.php?ID=200700608>
6. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. - № 5. - С. 18-23.
7. Подкорытова, Т.И. Серебряный век русской литературы. Курс лекций. (Часть 1. Русский символизм): учебное пособие. Тара: КМЦ ТФ ОмГАУ. Ч. 1: Русский символизм / Т.И. Подкорытова. – 2006. 40 с.
8. Поливанова, К.Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя. - М.: Просвещение, 2011. - 1792 с.

Хабарова И.А., Хабаров Д.А., Тавказахова М.А.
Прагматические аспекты перевода

*Государственный университет по землеустройству
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-251

idsp: ljjournal-11-2019-251

Аннотация

Необходимо отметить тот факт, что в современных условиях глобализации и формировании единого информационного пространства, первостепенным становится вопрос коммуникации людей совершенно разных культур. Перевод рассматривается как форма осуществления межкультурного общения, служащий способом достижения взаимопонимания людей между собой, которые говорят на разных языках. В статье рассматриваются прагматические аспекты перевода, делается вывод о том, что прагматические аспекты перевода представляют большой теоретический и практический интерес для дальнейшего изучения и анализа.

Ключевые слова: Прагматика перевода, лексические единицы, прагматические смыслы, прагматические факторы, языковой знак.

Abstract

It should be noted that in modern conditions of globalization and the formation of a single information space, the issue of communication between people of completely different cultures becomes paramount. Translation is considered as a form of intercultural communication, serving as a way to achieve mutual understanding between people who speak different languages. The article discusses the pragmatic aspects of translation, it is concluded that the pragmatic aspects of translation are of great theoretical and practical interest for further study and analysis.

Key words: Pragmatics of translation, lexical units, pragmatic meanings, pragmatic factors, language sign.

Прагматика (от греческого «pragma» - является разделом языкознания, направленным на изучение условий использования языковых знаков говорящими. Сам термин прагматика был введен в конце тридцатых годов 20 в. как название одного из разделов семиотики. Именно прагматика исследует и изучает типы речевых актов, которыми эта цель достигается и само отношение говорящего к адресату и содержанию сообщения (а не только целеустановку высказывания) [1- 4].

Необходимо отметить, что под прагматической адаптацией текста подразумевается приведение текста в форму, наиболее полно облегчающего его восприятие, которое способствует оказанию соответствующего коммуникативного эффекта, а именно: опущение непонятной для получателя перевода информации, внесение дополнительной информации в форме различных пояснений, др.

Рассматривая жанровую принадлежность текста, следует акцентировать внимание на том, что он в значительной степени влияет на степень его прагматической адаптации (в качестве примера можно привести научно-технический стиль, который отличается существенно меньшим числом расхождений в разных языках, т.е. технические и научные тексты требуют меньшей адаптации).

Согласно А.Д. Швейцеру существуют следующие виды перевода:

1. Прагматический перевод, основная цель которого - акцент на знании предмета;
2. Лингвистический перевод, основная цель которого – передача структурных особенностей оригинала, литературную манеру автора текста;

3. Эстетический – акцент делается на когнитивное и эмотивное содержание;
4. Социолингвистический перевод – приоритет на культурный фон автора и читателя в сочетании с учетом различий между 2-мя языками [5; с. 200].

Понятие "перевод" является одним из самых древних видов человеческой деятельности, включающий в себя самые разнообразные виды этой деятельности. Например: перевод научных статей с одного языка на другой язык, перевод стихов, художественной прозы, различных официальных документов и пр. Также, необходимо обратить внимание на то, что перевод осуществляет посредничество между двумя и более сторонами (т.е. с помощью переводчиков и перевода люди, не владеющие общим языком, могут общаться между собой). Современное языкознание рассматривает перевод как одну из наиболее сложных проблем. По мнению О.С. Ахмановой перевод является передачей информации, которая содержится в произведении речи с помощью средств другого языка.

Разными исследователями и учеными совершенно по-разному рассматривается периодизация истории перевода. Выделим основные работы в этой области:

1. Джордж Стайнер предлагал историю переводческой науки подразделять на 4-е основные периода. 1-ый начинается с Цицерона: “non verbum de verbo, sed sensum exprimere de sensu” («смысл в смысл», не слово в слово). Преобладает практическая направленность, а не создание теорий.
2. Период разработки теоретических вопросов, связанных с переводом.
3. Появление работ по машинному переводу в конце 1940-х гг., включающих в себя идеи «заставить» переводить машину. Именно на данном этапе появляются первые варианты машинописного перевода, т.е. автоматизированной обработки информации в условиях двуязычной ситуации.
4. 4-ый период связан с расширением круга смежных дисциплин: литературоведение, лингвистика, сопоставительная стилистика.

В 17 в. поднимается вопрос о том, какой перевод лучше: буквальный или «свободный». Переводчик Овидия и Вергилия, выделяет три типа перевода *metaphrase* - дословный перевод, *paraphrase* - перевод по смыслу, *imitation* - свободный перевод, позволяющий очень вольное обращение с текстом оригинала, и как наиболее адекватный выбирает второй тип.

В 18 в. переводчик начинает восприниматься всеми как художник, который копирует оригинал произведения. Но основной проблемой становится то, как передать на другом языке сам дух оригинального текста. В связи с чем, в 1791 г. появилась книга А. Тайтлера, в которой автор оглашает следующие принципы, на которые должен опираться переводчик. Тайтлер отмечал, что хороший перевод должен быть равносильным оригиналу т.е. подлиннику по впечатлению, которое он оказывает на читателя. Но для обеспечения этого необходимо придерживаться ниже перечисленных требований: обладать легкостью оригинала, полностью соответствовать оригинальному произведению по манере и стилю, детально передавать идейное содержание исходного произведения.

Следующим этапом является эпоха романтизма, связанная с такими выдающимися писателями и философами как: Гете, Шлегеля, Шлегеля в Германии, Кольриджа и Шелли в Британии и др. Основным вопросом является - природа перевода, а именно: механический ли это процесс или творческий?

В 19 в. происходит кардинальная смена направления в сторону буквализма: любой переводчик обязан сохранять все особенности оригинала (пусть даже в ущерб

красоте и понятности исходного текста). Но, по мнению теоретиков, перевод должен вызывать у читателей желание прочитать произведение на оригинальном языке, т.е. подводить читателя к самому подлиннику [3; с. 81].

Многие как российские, так и зарубежные научные исследователи уделяли значительное внимание данному вопросу. Прагматическим аспектам перевода посвящены работы таких ученых как: Соболев, Шатков, Чернов, Федоров, Морозов, Кунин, Аверьянова, Комиссаров, Newmark, Бреус, Россельс и др.

Анализирую выше изложенное отмечаем, что языковой знак обладает не только семантикой и синтактикой, но и прагматикой, т.е. отношением к пользующимся языком. При этом определенное впечатление на людей производят сами знаки языка. Например: отрицательное, положительное, нейтральное впечатление. Прагматическое воздействие, определяемое как содержанием, так и формой высказывания, может вообще не реализоваться или реализоваться не в полной мере по отношению к какому-то типу рецептора. Можно сделать вывод о том, что высказывание обладает прагматическим потенциалом, по-разному реализующемся в конкретных актах коммуникации.

При этом все вышеперечисленные исследователи, отмечают первостепенную необходимость учета прагматических факторов при переводе лексических единиц. К прагматическим факторам относят:

- 1) функциональную роль реалии в том или ином сообщении;
- 2) национальную специфику и фоновые знания получателя перевода;
- 3) жанрово-стилистические особенности материала.

Ниже рассмотрим необходимость учета прагматических факторов более детально. С помощью проведения всестороннего и детального учета всех прагматических факторов при переводе становится возможным установить определенные закономерности, которые в дальнейшем обуславливают выбор того или иного способа перевода, помогают глубже изучить сам диапазон переводческих способов и приемов прагматической адаптации.

А.Нойберт, являющийся немецким переводоведом, в свою очередь, предложил выделять 4-е типа прагматических отношений при переводе: от наивысшей переводимости (в прагматическом смысле) до фактической невозможности воспроизвести прагматику оригинала в переводе. Такая классификация устанавливается с учетом характера текста оригинального произведения. Наиболее полно по сравнению с другими прагматическая направленность оригинала передается именно у научно-технической литературы. Достаточно полно сохраняется прагматический потенциал оригиналов, которые создаются целенаправленно для перевода (в основном это материалы, предназначенные для иностранной аудитории). Однако прагматическая адекватность плохо сохраняется при переводе произведений художественной литературы, ориентированных на исходный рецептор. При этом не следует забывать, что речь идет об одинаковой реакции читателей оригинала и перевода текста, а не о качестве перевода [4; с. 243].

В.Н. Комиссаров прагматику перевода рассматривает как влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала текста и стремление обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода. Под прагматическим потенциалом оригинала понимается осуществление прагматического воздействия на получателя информации.

Он отмечает, что первостепенной задачей переводчика является задача установления ряда существенных моментов, которые способствуют воспроизведению прагматического потенциала оригинала текста для достижения поставленной задачи.

Также при переводе нельзя забывать об учете особенностей восприятия перевода при обеспечении его эквивалентности; выборе и оценке вариантов перевода текста с точки зрения соблюдения переводческого такта; воспроизведении элементов текста перевода, которые могут быть восприняты неоднозначно; интерпретации различных уровней контекста при переводе и оценке и обосновании различных вариантов перевода, которые основаны на различных интерпретациях ситуации.

Необходимо отметить, что перевод всегда вносит в оригинальный текст некоторые изменения. Это объясняется объективными причинами, а именно: перевод составляется на отличном от оригинала языке. При этом хороший, квалифицированный переводчик должен максимально полно передавать содержание оригинала текста с применением всех средств языка перевода.

Однако перевод должен передавать прагматические смыслы оригинала, это же требуется и от его эмоциональной составляющей, т.к. все вышеперечисленные аспекты содержат важную для самого автора информацию.

В современном переводоведении существует направление, которое полностью освобождает переводчика от ориентации на прагматику оригинала. Сторонники концепции, которая называется так называемой «скопос-теорией» считают, что единственная задача переводчика – создание текста на языке перевода, обеспечивающего достижение цели, которая была поставлена заказчиком перевода, в чьих интересах делался перевод. Поэтому для достижения итоговой цели переводчик, хорошо знающий, какими средствами эта цель может быть им достигнута в другой культуре, создает отвечающий таким требованиям текст без оглядки на оригинал документа. Следовательно, в некоторых случаях перевод существенно отличается от оригинала, а в других случаях очень близок к нему. Известны случаи, когда оригинал текста вообще отсутствовал, а переводчик самостоятельно создал текст, необходимый для достижения поставленной цели [6; с. 37].

Часто перевод может быть осуществлен со значительным отклонением от исходного сообщения. Например, в тех случаях, когда важно передать подразумеваемое, а не сказанное человеком. Рассмотрим случай, когда иностранцы жду на первом этаже лифт со своими переводчиками, и к ним подходит ещё один иностранец, который сообщает, что он живет на первом этаже. При этом переводчик, может перевести его реплику, как «Он сказал, что с Вами ему ехать не нужно», т.к. считает, что важно передать результат, а не причину [3; с. 27-28].

Ошибки также вызваны громоздким построением фраз, что требует редакторской правки. При переводе с английского фразы «He belonged to a new race of scientists» возможен перевод «Он принадлежал к новой расе ученых». Этот перевод не искажает смысл оригинала, но показывает незнание переводчиком различия в употреблении английского «race» и русского «раса». Еще одна группа ошибок связана с нарушениями нормы языка (правила орфографии, грамматики, орфографии, пунктуации и др.).

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что именно прагматические аспекты перевода представляют большой теоретический и практический интерес для дальнейшего изучения и анализа. Как мы могли убедиться, с ними связан целый ряд сложных переводческих проблем, для решения которых профессиональный переводчик должен обладать необходимыми знаниями и техническими приемами. Как уже отмечалось, основное внимание теоретики перевода уделяли изучению различных прагматических факторов, от которых, в свою очередь, напрямую зависит выбор стратегии переводчика. Одним из первостепенных факторов является культурно-языковая принадлежность переводчика. В связи с этим вспоминаются слова А.С. Пушкина: «Переводчики – почтовые лошади просвещения»,

И.В. Гёте: «Переводчик напоминает сводню, которая, расхваливая достоинства прикрытой вуалью красавицы, вызывает непреодолимое желание познакомиться с оригиналом».

***

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для институтов и факультетов иностранных языков - М.: Высшая школа. 1990. 253 с.
2. Медникова Э.М. Прагматика и семантика коммуникативных единиц. //Коммуникативные единицы языка: Сборник научных трудов / МГПИИЯ им. М.Тореза. -М.: 1985.Вып. 252. С.159 - 168.
3. Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей / Ответственный редактор В. В. Красных, А. И. Изотов -М.: МАКС Пресс. 2009. Вып. 39. 136 с.
4. Neubert A. Kinds of lexical meaning. // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. Leipzig, 1978. Heft 3. Pp. 241 -245.
5. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер.-М.: Наука 1988. 214 с.
6. Швейцер А.Д. Возможна ли общая теория перевода? / А.Д. Швейцер // Тетради переводчика. Под редакцией проф. Л.С. Бархударова. 1984. Вып. 21. С.35-48.

Хубаева М.А., Беков В.И.

Иконические мотивы в поэзии серебряного века (на материале творчества Н. С. Гумилева, М.А. Волошина, В. Иванова)

*Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-252

idsp: ljjournal-11-2019-252

Аннотация

Данная статья посвящена изучению своеобразия иконических мотивов в поэтическом наследии представителей Серебряного века, таких как Н.С. Гумилёв, М.А. Волошин, В. Иванов. Духовная культура является одним из важнейших факторов, повлиявших на исторические судьбы нашей Родины. По этой причине любая проблема, связанная с историей церкви, религиозных учений, богословской мысли и её отражения в творчестве иконописцев, всегда будет носить актуальный характер.

Ключевые слова: серебряный век, икона, иконописный образ, образ Богоматери, иконописный лик, иконические мотивы.

Актуальность темы изучения иконописного образа Богоматери в поэзии Серебряного века обусловлена тем, что образ Богоматери затрагивает человеческую душу на протяжении многих лет – отражённый в иконе, описанный в библейском сказании или перешедший в светскую литературу. Взгляд поэтов Серебряного века на икону Богоматери и отражение религиозного образа в литературных произведениях отличается своеобразием мировосприятия его представителей, среди которых особого внимания заслуживают такие поэты, как Н.С. Гумилёв, М.А. Волошин, В. Иванов. Сквозь призму поэтического творчества легче уловить поэтическую мысль, направленную на икону Богоматери, потому что это незыблемый идеал, схожий в восприятии тех, кто ему поклоняется. Но, если смотреть на предмет изучения глубже, можно заметить разницу между поэтическими взглядами поэтов.

Целью статьи стал сравнительный анализ в изучении иконописных образов в творчестве поэтов Серебряного века (Н.С. Гумилев, М. Волошин, И. Иванов).

Творчество Н. С. Гумилева вписано в эпоху Серебряного века красной нитью. Иконические мотивы в творчестве Н.С. Гумилева практически не исследованы в литературоведении. Между тем, данная проблема представляет большую актуальность, так как ответ на вопрос о месте иконы в творчестве Н.С. Гумилева способен пролить

свет на более объемную проблему, касающуюся особенностей преломления христианской эстетики в текстах поэта. Так, например, в иконе, описываемой Гумилевым в стихотворении «Андрей Рублев», прочитываются идеи, почерпнутые поэтом у Вл. Соловьева. Икона в стихотворении изображает не Богородицу, а обобщенное представление автора о Софии, которую он соотносит не столько с конкретной женщиной, как Соловьев, сколько с земным миром вообще, символически запечатленном в образе мирового древа, одновременно воспринимаемого как женский лик святой Софии [3]. В этом нам видится и своеобразное продолжение соловьевской традиции, и одновременно оспаривание ее Гумилевым. Весь земной мир, поданный в стихотворении через одушевленную ликом Софии древесную метафору, выступает в качестве иконы («образа»), символизирующей сакральное пространство горнего мира («первообраза») [1].

Софийная Душа мира, индивидуальная любовь лирического героя и литургическое время-пространство мира прообразов оказываются иерархически соотнесены друг с другом, потому и святой лик рублевской иконы описывается Гумилевым через «земные» метафоры. Не случайно в стихотворении «Лишь черный бархат, на котором...» (1917) облик возлюбленной описывается, напротив, через символику церковного убранства, что подчеркивает взаимосвязь сакрального и земного миров в молитве влюбленного героя [3].

В стихотворении «Андрей Рублев» Н.С. Гумилев использует необычные метафоры и сравнений по отношению к творчеству великого иконописца:

Нос — это древа ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей (III, 94)

Важно указать и на тот факт, что конкретной иконы, о которой идет речь в стихотворении, у Рублева нет. Очевидно, в тексте воспроизводится не какое-либо конкретное произведение русского иконописца, а с помощью довольно колоритных метафор и сравнений создается обобщенное представление о характере иконописи великого мастера.

Н.С. Гумилев был убежден в возможности установления духовной связи, конгениального диалога между творцами разных эпох. В данном случае этот диалог между поэтом и иконописцем эксплицируется через описание иконы, которая в равной степени принадлежит как Рублеву, так и Гумилеву. Это соответствует еще одной важной и универсальной особенности гумилевского экфрасиса: конкретное указание на произведение-образец, как правило, затушевывается [5].

В заглавии стихотворения дается либо только имя художника («Андрей Рублев», «Фра Беато Анджелико»), либо специально выбираются такие произведения, у которых неизвестен создатель, или вокруг самого творения распространяется ореол загадочности (например, «Портрет мужчины. Картина в Лувре работы неизвестного»). Иными словами, поэт максимально использует такую особенность художественного текста, как его открытость для интерпретаций, всегда оставляя определенное пространство для собственной фантазии и фантазии читателя, не выходя при этом из рамок русской духовной традиции. Помимо отмеченных особенностей, икона в творчестве Гумилева выполняет следующие функции: 1) используется в качестве традиционного предмета домашнего интерьера и церковного убранства; 2) икона сочетается с молитвенными мотивами, характерными для лирики поэта военного и послевоенного периода, при этом само указание на икону присутствует имплицитно. В первом случае икона приобретает символический характер, наряду с церковным крестом являясь духовным атрибутом «святой Руси» [5].

При этом отсутствуют прямые указания на тип и название даже в том случае, когда подразумевается вполне конкретная икона, как в стихотворении «Старые усадьбы»:

Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, – то, значит, по течению
В село икона приплыла (II, 165)

Таким образом, иконические мотивы в творчестве Гумилева связаны с общефилософскими особенностями его мировоззрения. Икона как образ, отсылающий к первообразу, связана с идеей гармонии земного и сакрального миров, любви земной и любви небесной. Кроме того, икона у Гумилева появляется в связи с «русской темой», оказываясь своеобразным символом народной жизни.

Для Максимилиана Волошина образ Владимирской Богоматери, вознесенный над Русью был равен лику «благославной» и «многохрамной» России. В стихотворении М. Волошина показана судьба иконы Богоматери в мире, современном автору. Лик Владимирской Богоматери становится Ликом России, а страна «кумашных помостов» – не Россия, не действительность. Кроме этого, Лик Богоматери становится и «Ликом Премудрости-Софии». В символизме противоречиво и неоднозначно изображён идеал Вечной Мудрости. М. Волошин находит свой ответ: София – это Богородица, не нужно искать других смыслов.

«Владимирская Богоматерь» включена в сборник с загадочным и красивым названием «Паралипоменон». В переводе с греческого Паралипоменон означает «пропущенное», течение событий. Это Летопись ветхого Завета. Если открыть книгу М. Волошина, она может показаться лирическим дневником. Это тоже летопись, только летопись отношений, человеческих и творческих. Диалог с людьми, принадлежащими к самым разным творческим направлениям и любимым Волошиным, перетекает в молитву. Детальный рассказ о чуде, сотворённом Владимирской Богоматерью – тоже обращение к реальному человеку [2]. В конце стихотворения стоит «Посыл – А. И. Анисимову»:

Верный страж и ревностный блюститель
Матушки Владимирской, – тебе –
Два ключа: златой в Её обитель,
Ржавый – к нашей горестной судьбе. [4, с. 331]

Обращение к реальному человеку уравнивает «Владимирскую Богоматерь» с дружескими посвящениями. Небесное приближается к земному. Но это и диалог двух служителей Владимирской Богоматери. Александр Иванович Анисимов – искусствовед, участвовавший в реставрации иконы Владимирской Богоматери. Икона вдохновила его на монографию «Владимирская икона Божьей Матери» и статью «История Владимирской иконы в свете реставрации». Волошин увидел икону Владимирской Богоматери в Историческом музее Москвы. Икона произвела на него неизгладимое впечатление [2].

В. П. Купченко в жизнеописании поэта с интересом пишет о поздних стихах Волошина: «Волошин в очередной раз принимается за «Владимирскую Богоматерь» и 26 марта завершает поэму.

Признавая, что передать неповторимость иконы "нет ни сил, ни слов на языке", Волошин всё-таки рискует её описать:

Собранный в зверином напряженьи,
Львёнок-сфинкс к плечу Её прирос,
К ней прильнул и замер без движенья,
Весь – порыв, и воля, и вопрос.
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит

В мировые рдеющие дали,
 Где закат пожарами повит.
 И такое скорбное волнение
 В чистых девичьих чертах, что Лик
 В пламени молитвы каждый миг
 Как живой меняет выраженья...

Таким образом, творчество М. Волошина имеет смелое соединение Волошиным Богоматери и Христа со сфинксом, персонажем древнеегипетской и древнегреческой культур, порождает неоднозначные впечатления. Эта деталь кажется интересной и романтической тому, кто рассматривает стихотворение с точки зрения искусства. Тот, кто рассматривает посвящение с точки зрения религии и привержен к традиционному взгляду на «Владимирскую Богоматерь», видит в этой метафоре искажение религиозного сюжета, не принимает её. Волошин не утверждает, что его слова «Львёнок-сфинкс», сказанные о Сыне Божиим, нужно принимать за правду. С другой стороны, если вчитаться в поправки исследователя, знакомого с религией, можно понять, что «Владимирская Богоматерь» Волошина во многом отличается от реальной иконы.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Владимирская Богоматерь» М. Волошина приближена к человеку. Во время встречи земного и небесного человек задумывается о духовном, а Богоматерь узнаёт человеческую жизнь изнутри. В тексте гораздо больше сказано о деятельности Богородицы, о сотворённых чудесах, чем о внешнем облике.

Вячеслав Иванович Иванов – одна из ключевых фигур русской поэзии, крупнейший теоретик символизма. Его творчеству были свойственны идеи религиозно-художественного преобразования общества, и, в первую очередь, Вячеслав Иванов создал для этого литературно-художественного направления теоретическую базу.

На страницах своего произведения «Человека» В. Иванов акцентирует внимание на теме икон. Это, конечно, не вопрос чистой эстетики, в этом произведении человек отождествляется с иконой. Отчасти его бытие сводится к изображению, в котором люди не столько живут, сколько изображают бытие. Отдельные иконы и изображения в этом случае должны расплавиться, чтобы явить истинное лицо, истинный образ. С другой стороны, в этой мелопее-мистерии формулировка «творец икон» занимает важное место. Исходя из факта его существования, можно предположить, что автор в своем понимании человеческого бытия и его связи с проблемой отображения Лица божества видит еще один его аспект - «творца икон», т. е. активную и созидательную личность [6].

Вячеслав Иванов, демонстрируя сущностный неоплатонизм своего мировоззрения, не совсем отказывается от материи в пользу идеи, напротив, он видит в качестве конечной цели духовного преображения оправдание природы. Град Божий должен быть реализован на земле, и главным действующим лицом в этом акте является Человек, осознавший себя в целом. Восхождение к высотам духа совершается в душе, заключенной в теле, эта душа обнимает мир и, овладевая им, преобразует материю [4].

Таким образом, в мелопее В. Иванов, утверждая платоновскую христианскую модель на содержательном уровне, на структурном уровне остается на своих прежних философских позициях. Какая-то модернизация все же происходит, своего рода «теургия наоборот», но этот факт не имеет решающего значения для В. Иванова.

Вселись же в нас, живой на небеси,
 И наших тел очисти от скверн обитель,
 И наши души, Дух Благий, спаси.
 Источник благ, Хоровожатый жизни,

Град Божий нам яви в земной отчизне. (III, 242)

Итак, в мелопее «Человек» тема природы нагружается коннотацией раздробленности и множественности, антиномичной ей темой является тема любви. Преодоление временного потока и движение к истоку регламентирует тема памяти, и, наконец, тема соборности вводит облик нового (чаемого) общества – индивидуум, со своим эгоизмом и слабостью, должен уступить место единому Адаму (воссоединившемуся во Христе человечеству). От мистицизма и теургии Вячеслав Иванов постепенно меняется в сторону христианского космоса [6].

В заключение, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что поэтическое наследие Н.С. Гумилева, М.С. Волошина и В. Иванова не повторяет друг друга, а где-то даже противостоит, но иконические мотивы в творчестве этих поэтов обнаруживают многочисленные переключки и говорят о новом восприятии религиозных изображений и символов образа Богородицы в искусстве рубежа XIX-XX веков.

***

1. Бонцакая Н.К. Дух серебряного века (феноменология эпохи) // Вопросы философии № 3. 2017. С. 206 – 208.
2. Волошин М.А. Владимирская Богородица // Волошин М.А. Стихотворения. М., 2016. С. 293-295.
3. Гумилёв Н.С. Андрей Рублёв // Николай Гумилев. Стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 252 – 253.
4. Иванов В. Человек: поэма. М., 2006.
5. Малых В.С. Творчество Николая Гумилева: вузовский и школьный аспекты изучения: научно-учебное пособие. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 100 с.
6. Соколов Р. Поэтическое творчество Вячеслава Иванова как тематическое единство, М., 2012 – 190 с.

Цаллагова И.Н.

Типология сложных существительных в дигорском диалекте осетинского языка

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра ВНЦ РАН
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-253

idsp: ljjournal-11-2019-253

Аннотация

Композитное словообразование в осетинском языке, особенно в дигорском диалекте, является одной из самых малоизученных проблем. Недостаточная разработанность общетеоретических вопросов, касающихся данного вопроса, приводит к тому, что на современном этапе в осетинском языке существует множество сложных образований, статус которых до сих пор не определен. В данном исследовании рассмотрены вопросы типологии сложных существительных в дигорском диалекте осетинского языка.

Composite word formation in the Ossetian language, especially in the Digor dialect, is one of the most poorly studied problems. The insufficient elaboration of general theoretical questions concerning this issue leads to the fact that at the present stage in the Ossetian language there are many complex entities whose status has not yet been determined. This study examines the typology of complex essentials in the Digor dialect of the Ossetian language.

Ключевые слова: грамматический строй осетинского языка, словообразование, словосложение, имя существительное.

Keywords: grammatical structure of the Ossetian language, word formation, compounding, noun.

В словообразовательной системе современного осетинского языка и его диалектов большую роль играет словосложение, что обуславливает наличие значительного количества разных словообразовательных типов слов. Данный способ словообразования продуктивен в таких частях речи, как существительное, прилагательное, и наречие. В данной статье мы рассмотрим сложные существительные дигорского диалекта осетинского языка, так как только при детальном анализе всех словообразовательных процессов в дигорском, как более архаичном диалекте осетинского языка, появляется возможность восстановления праосетинских моделей образования слов, что в свою очередь может осветить ряд вопросов истории осетинского языка.

Очень часто композиты очень схожи по своей структуре со словосочетаниями, т.е. включают в свой состав комбинации целых слов (основ). Таким образом, композит (сложное слово) можно определить следующим образом: слово, имеющее некоторые черты словосочетания, главной из которых является наличие как минимум двух корней. Определяется сложное слово с опорой на морфологическую и семантическую соотносительность со словосочетанием. Только последний компонент сложного слова может иметь флексию для согласованности с другими композитами [1, с. 73].

Соотносительность композитных моделей и моделей словосочетания подчёркивает структурное и семантическое своеобразие сложного слова, в отличие от словосочетания [14, с.178 – 180].

В данном контексте рассмотрим один интересный случай образования существительных из словосочетания (существительное + глагол), свойственный обоим диалектам осетинского языка – иронскому и дигорскому (далее – ир., диг.). Осетинское слово *гас* «сторож, охрана» является результатом озвончения глухого согласного [к] в слове ир. *касын* / диг. *касун* «смотреть», т.е. *кас* – *гас*. Следует отметить и тот факт, что элемент *кас* является одновременно как основой глагола ир. *касын* / диг. *касун*, так и формой повелительного наклонения того же глагола – ир. *кас* / диг. *касе* «смотри». Данный элемент становится словообразовательным компонентом многих сложных существительных. Скажем, ир. *бахгас* / диг. *бахгас* «охраняющий /пасущий лошадей», ир. *захгас* / диг. *захгас* «охраняющий посева, землю», ир. *куыройгас* / диг. *курыйнагас* «мельник», ир. *хуыгас* / диг. *хугас* «свинопас», ир. *фысгас* / диг. *фусгас* «пастух овец», ир. *хьомгас* / диг. *гьонгас* «пастух крупного рогатого скота» и т.д. Схема образования представленных композитов одна – *хьоммае* + *касын* «смотреть за скотиной» – *хьоммаекасын*, затем теряется падежное окончание первого компонента (-*мае*) и глагольное окончание (-*ын*). В итоге мы получаем сложное нарицательное существительное ир. *хьомгас* / диг. *гьонгас* «пастух крупного рогатого скота».

Утеря грамматического признака компонентов того или иного сложного образования позволяет говорить о признании во всей конструкции как семантической, так и грамматической цельноформленности.

Озвончение глухих согласных в дигорских сложных словах довольно частое явление: *агада* «позор» (от *а-* + *кадае* «слава, почет»), *амгарае* «ровесник» (от *ам-* + *карае* «возраст»), *растдзавин* «меткий» (от *раст* «прямо, правильно» + *цавун* «бить, ударять»), *кьохдзаг* «браслет» (от *кьох* «рука» + *цаг* «крючок»), *уелвицга* «небольшой обрядовый пирог с сыром» (от *уел-* «на, над, сверху» + *фицун* «печь, варить») и т.д. [3, с. 120].

Основными видами композитных образований по характеру той или иной связи между компонентами являются сложения и определительные сложные слова, семантические сращения и соединительные композиты. При этом отдельные компоненты сложного слова функционируют как определяемое или определитель, задавая тип логической связи внутри композита. При более подробном рассмотрении

указанных отношений можно выделить известные виды и типы сложных слов, сформировавшиеся на основе определенных взаимоотношений между компонентами каждого слова [4].

По мнению Н.Я. Габараева, сложные существительные чаще всего представляют собой цельноформленные слова. Взаимоотношения между компонентами композитов напоминают синтаксические отношения. Характер связи компонентов сложного существительного определяет наличие двух типов: 1) сложные существительные с сочинительной связью компонентов; 2) сложные существительные с подчинительной связью компонентов [5, с.107].

В сложных существительных с сочинительной связью между компонентами, словообразующие единицы независимы друг от друга. Данный тип существительных не очень продуктивен в осетинском языке. Такой композит представляет собой единое понятие, являющимся соединением понятий, названных двумя существительными: *уаддумгæ* «буря, вихрь», *уадгуройнаæ* «ветряная мельница», *уадхор* «жгучее, обжигающее солнце», *цардамонд* «счастье», *цардархайд* «жизнедеятельность», *хордзæсгон* «восток», *хорзæрийнаæ* «заря, сверкающее солнце», *сапонгæрдаг* «мыльнянка» и т.д.

Наиболее распространены в дигорском композиты-существительные, образованные путем присоединения глагольных основ, при том это могут быть как глаголы движения, перемещения, так и другие глаголы, например: *рацо-бацо* «ходьба», *рауайæ-бауайæ* «беготня», *радзораæ-бадзораæ* «пересуды, разговоры», *ракаенаæ-бакаенаæ* «волокита» и т.д. Образование данных конструкций происходит путем присоединения к глаголам в форме повелительного наклонения превербов *ба-* и *ра-*, которые в данном случае указывают на продолжительность, разнонаправленность обозначаемого действия.

Следует отметить, что преверб *ба-* в дигорском обозначает движение снаружи внутрь, а *ра-* движение изнутри наружу, кроме того, преверб *ра-* может обозначать быстрое, краткое и поверхностное действие [3, с. 102, 103].

Данные образования так же функционируют в сочетании с вспомогательным глаголом *каенун*, и тем самым приобретают другой частеречный статус, т.е. являются составными глаголами: *рацо-бацо каенун* «ходить туда-сюда», *радзораæ-бадзораæ каенун* «разговаривать, переговариваться, судачить» и т.д.

Лексическая единица, являясь результатом словообразовательного акта, обладает определенным типом сочетаемости с другими лексическими единицами, используемыми в данной синтаксической конструкции. Сочетательные возможности сложных словообразовательных единиц в конечном итоге связаны не только с тем, из каких компонентов они были образованы, но с той ролью, которую они выполняют в конкретной синтаксической конструкции [4].

Наиболее продуктивным словообразовательным типом в дигорском диалекте осетинского языка, впрочем, как и в иронском [5, с. 107, 108], являются сложные существительные с подчинительной связью компонентов. Компоненты, составляющие данные композиты, могут находиться в падежном или атрибутивном отношении по отношению к друг другу. Этот факт сближает сложное слово со словосочетанием, ведь между компонентами словосочетания так же возникает смысловая связь, определяемая характером отношения зависимого слова к главному. Эти смысловые отношения — синтаксическое значение словосочетания.

Главным компонентом в композите становится существительное или субстантивированное слово, зависимое же слово является неким определением, уточняющим или характеризующим опорное слово. Данные сложные слова условно можно разделить на две большие группы:

а) Сложные существительные, которые в качестве первого компонента имеют существительное в форме родительного падежа, при том падежная форма может быть формально утеряна, но значение его сохраняется. Вторым опорным компонентом становится существительное или субстантивированное причастие в форме прошедшего времени. Например: *стонуат* «загон для скота» (от *стойнае* «хлев, стойло» + *уат* «помещение, вместилище»), исходным является словосочетание *стойни уат* букв. «помещение для стойла»; *хораууон* «тень» (от *хор* «солнце» + *аууон* «тень»), исходное – *хори аууон* букв. «тень солнца»; *къохæвард* «подпись» (от *къох* «рука» + *æвард* «положенный, поставленный») и т.д. В данную группу так же можно отнести сложные существительные, зависимый компонент которых сохраняет флексию родительного падежа: *боницъæх* «рассвет» (от *бон* «день» + падежное окончание *-и* + *цъæх* «синий, голубой, зеленый, серый, сизый»); *сæринез* «головная боль; переносное значение – забота» (от «*сæр*» «голова» + падежное окончание *-и* + *нез* «болезнь»); *донисæр* «исток» (от «*дон*» «вода» + падежное окончание *-и* + *сæр* «голова; начало») и т.д. Следует отметить, что ввиду грамматической оформленности зависимого компонента такого типа конструкций, обособление от словосочетаний аналогичного построения по признаку цельнооформленности становится затруднительным. Обособление происходит по признаку семантической целостности.

Существуют так же сложные существительные, зависимый компонент которых находится в форме некоторых других падежей, а опорный компонент представлен отглагольным именем, скажем: *гептæйфинст* «ситец», *къахæйцуд* «пеший ход» – отложительный падеж; *къохбæлхуæцæг* «шафер» – внешне-местный падеж; *нихмæлаууæг* «противник», *нихмæцæуæг* «противник», *нихмæмтурст* «контрнаступление» – направительный падеж. Данный тип сложных существительных в дигорском диалекте является малопродуктивным.

б) Сложные существительные с атрибутивными / определительными отношениями компонентов, которые устанавливаются в сложном слове в том случае, если зависимый компонент указывает на признак, качество предмета и отвечает в большинстве случаев на вопросы *какой? чей?* Первый компонент таких конструкций может быть представлен прилагательным, отглагольным прилагательным, существительным в значении прилагательного, второй компонент – существительное. Например: первый компонент прилагательное – *науæгарæзтада* «новостройка», *сауфага* «гречиха», *сауцъеу* «скворец», *саугъада* «бор, чернолесье»; первый компонент отглагольное прилагательное – *хуæцæнгарз* «оружие», *кассæнцæститæ* «очки»; существительное в значении прилагательного – *гъæдгарз* «деревянная вещь», *зæриндзæргæс* «беркут», *силæмæнауæ* «рожь» и т.д. Данные композиты продолжают сохранять прежние синтаксические отношения компонентов этого выражения, и по сути, продолжают оставаться словосочетаниями с неделимым лексическим значением. Это приводит к разнобою в орфографическом плане, т.е. эти слова пишутся то слитно, то раздельно.

Таким образом, в ходе рассмотрения сложных существительных дигорского диалекта осетинского языка выявлено, что по характеру взаимоотношений компонентов сложные существительные подразделяются на два типа: с сочинительной и подчинительной связью между компонентами. Для сочинительной связи характерно объединение понятий одной семантической группы, составляющие компоненты независимы друг от друга, чем и обусловлено сохранение формальных грамматических признаков каждого из них. Сложные существительные с подчинительной связью компонентов является наиболее продуктивным словообразовательным типом в дигорском диалекте осетинского языка. Компоненты, составляющие данные

композицы, могут находиться в падежном или атрибутивном отношении по отношению к друг другу.

***

1. Цаллагова И.Н. К вопросу о композитном словообразовании в современном осетинском языке (на основе языкового материала дигорского диалекта). // Известия СОИГСИ. Выпуск 32 (71). 2019. С. 73-81.
2. Мамонтова В.В. Типологические особенности сложносоставных слов в английском и русском языках // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета: Сборник научных трудов. №6. Гуманитарные науки. Ставрополь, 2008. С. 178 – 180.
3. Таказов Ф.М. Грамматический очерк осетинского языка. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН И РСО-А, 2009. 164 с.
4. Иванова Т.К. Функциональные особенности словообразования сложных имен существительных. // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15717> (дата обращения: 17.11.2019).
5. Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 1977. 175 с.

Шапошникова О.К., Кривошеева Е.И.

Перевод технических текстов с корейского на русский язык (на материале документации по строительству нефтяных платформ)

*Тихоокеанский государственный университет
(Россия, Хабаровск)*

doi: 10.18411/lj-11-2019-254

idsp: ljjournal-11-2019-254

Аннотация

В статье рассматриваются трудности перевода технической документации нефтедобывающей отрасли (строительство нефтяных платформ) с корейского на русский язык. В работе представлены основные стиливые особенности рассматриваемых текстов и определены характерные способы словообразования технической терминологии в корейском языке. На материале перевода документации по технико-экономическому обоснованию нефтедобывающей платформы «Беркут» в рамках проекта «Сахалин-1» с корейского на русский язык, проводится анализ переводческих трудностей и предлагаются практические пути их решения.

Ключевые слова: корейский язык, нефтяная платформа, строительство, перевод, технический текст, нефтяная платформа «Беркут».

Abstract

The article deals with the difficulties in technical translation of documents related to the oil-extracting industry from Korean into Russian language. Particular attention was paid to the stylistic features of the Korean technical documents. In addition, ways of terminology derivation processes in the Korean language have been described. Based on the translation of the offshore Berkut platform technical and economic assessment (Sakhalin-1 Project) the difficulties in terminology variations have been discussed and ways to improve translation have been proposed.

Keywords: Korean language, oil platform, construction, translation, technical documents, the offshore Berkut platform.

В последнее десятилетие, ввиду повышенного интереса в мире к вопросу освоения Арктики, Республика Корея активно стремится к заключению соглашений с приарктическими странами для совместной разработки ресурсов этого региона.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что последние два года Россия и Южная Корея ведут активные переговоры по реализации программы «9 мостов» для

одновременного и многостороннего сотрудничества. Под одним из девяти мостов подразумевается освоение Северного морского пути (СМП). В рамках взаимодействия в данной сфере было проведено два «Российско-корейских форума межрегионального сотрудничества» в г. Пхохан и г. Владивосток, в 2018 и 2019 годах, соответственно.

Существует ряд причин, объясняющих интерес Южной Кореи к освоению СМП. Во-первых, это зависимость от импорта энергоресурсов. По состоянию на 2013 г. страна импортировала 61,8 % нефти из Саудовской Аравии, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов; 53,3 % природного газа из Катара, Индонезии и Малайзии [6]. Во-вторых, при помощи СМП будет возможно сократить затраты на грузоперевозки вдвое. Протяженность СМП, как известно, в два раза меньше протяженности Суэцкого канала, благодаря чему можно значительно увеличить товарооборот с Европой. И, в-третьих, Р. Корея является одной из главных судостроительных держав мира, и в ее интересах получать заказы на строительство судов, ледоколов и нефтяных платформ. Южнокорейские компании, такие как Hyundai Heavy Industries, Samsung Heavy Industries, Daewoo Shipbuilding and Marine Engineering (DSME) являются одними из самых конкурентоспособных в мире по производству высокотехнологических судов с оборудованием на основе последних научных разработок [2]. В 2014 г. DSME получила от российской судоходной компании «Совкомфлот» заказ на строительство 9 танкеров для перевозки СПГ.

На сегодняшний день разработка отечественных шельфовых технологий пока не ведется, хотя и предусмотрена в Федеральной целевой программе «Развитие гражданской морской техники», поэтому большинство заказов на возведение частей буровых платформ и их комплектующих планируется разместить за рубежом, в частности в Р. Корея. Россия имеет успешный опыт сотрудничества в данной сфере с соседним государством при строительстве нефтегазовой добывающей платформы «Беркут» для проекта «Сахалин-1». «Беркут» — это крупнейшая в России морская нефтегазовая платформа, установленная в 2014 году и предназначенная для разработки месторождения Аркутун-Даги. Изготовление и пусконаладочные работы верхнего строения «Беркута» проходили в Республике Корея на верфи компании DSME (Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering) с ноября 2010 по май 2014 годов.

Принимая во внимание масштабные планы России и Р. Корея по освоению Арктики, очевидно, что двустороннее сотрудничество будет углубляться и крепнуть не только в технической, но и в научно-исследовательской сферах. В данной связи остро встает вопрос о качественном переводческом сопровождении всех форм взаимодействия сторон-партнеров и умении грамотно читать и переводить техническую документацию с корейского на русский язык и наоборот. Это потребует специальной инженерной подготовки переводчиков и овладение ими соответствующей терминологией на двух языках.

Лингвисты выделяют несколько причин возникновения сложностей при переводе текстов, относящихся к нефтегазовой промышленности, это - несоответствие характера гуманитарной направленности переводчика техническому содержанию текста; овладение внушительным запасом лексики, чтобы качественно выполнять переводы научно-технического текста; необходимость ориентироваться на дополнительные экстралингвистические знания; наличие синонимии терминов [1, с. 246]. В данной работе мы попытаемся определить и сформулировать основные трудности в работе при осуществлении переводов в нефтегазовой отрасли с корейского на русский язык на материале технической документации платформы «Беркут».

Прежде всего, отметим, что корейский язык, являясь по своей структуре агглютинативным, способен изменять словоформу при помощи присоединения суффиксов или префиксов, ряд из которых по характеру употребления относятся к научно-технической сфере. Их знание поможет переводчику вовремя сориентироваться и применить адекватное переводческое решение. Например,

а) суффиксы [3]:

계(計) – прибор для измерения;

- 고도계 – альтиметр, 속도계 – спидометр, 전류계 – амперметр, 체온계 – термометр;

고(高) – размер, объем, сумма, высота;

- 생산도 – объем производства, 소비고 – размер потребления; 관(管) – труба; 송유관 – нефтепровод, 가스관 – газопровод;

율(率) – пропорция, соотношение, процент;

- 백분율 – процентное соотношение, 전기 전도율 – проводимость электроэнергии;

б) префиксы [4]:

고(高) – высокий:

- 고기압 – высокое атмосферное давление, 고속도 – высокая скорость, 고주파 – высокая частота;

희(稀) – жидкий, разбавленный, слабый, редкий:

- 희류산 – слабый раствор серной кислоты, 희염산 – слабый раствор соляной кислоты, 희원소 – редкие элементы;

미(微) – мельчайший, микроскопический:

- 미기후 – микроклимат, 미립자 – микрочастица, 미속도 – малая скорость;

저(低) – низкий:

- 저주파 – низкая частота, 저기압 – низкое атмосферное давление 저속도 – низкая скорость;

철(鐵) – железный, металлический:

- 철벽 – железная стена, 철도로 – железнодорожный мост.

Характерной стилевой чертой научно-технической литературы является логичность высказывания, которая достигается последовательным развертыванием мысли, введением точных определений и формулировок. Большинство терминологической лексики корейского языка – это заимствования из японского (원소 – элемент, 수압 – давление воды), китайского (이론 – теория, 전기 – электричество) и английского языков (엘리베이터 – (elevator) лифт, 컨베이어 – (conveyor) конвейер) [5, С.92]. Следовательно, особое внимание требует аккуратность в подборе значения терминов на языке перевода. Например, слово «проект». На корейский язык его можно перевести разными способами: 프로젝트 или 계획 - это проект как совокупность мероприятий, связанных с капиталовложениями, проектированием, изготовлением, пуско-наладочными работами, строительством и эксплуатацией; 설계 - проект как чертеж, конструкция или расчет; 초안 - проект как черновой вариант разработки какого-либо документа. На этом список вариантов перевода слова «проект» на корейский язык не заканчивается, поэтому переводчик должен четко представлять о каком этапе инженерных работ идет речь.

Далее, рассмотрим перевод следующего предложения: «플랫폼 제작, 운반, 조립 과정에서 업계 세계 기록이 여러 개 세워졌다고 로스네프트 홍보실이 밝혔다» [7] - «По информации отдела по связям с общественностью компании «Роснефть», в ходе строительства, транспортировки и сборки платформы было установлено несколько мировых

рекордов». Очевидно, что перевод адаптирован под рассматриваемую нами тематику, ибо слова из вышеприведенного примера обладают также следующими значениями: 제작 – изготовление, выработка, производство, создание; 운반 – перевозка, доставка; 조립 – монтаж; 기록 – запись, протокол, регистрация, поэтому важно выбирать слова, подходящие именно к данной сфере.

Говоря о способах перевода текстов по строительству нефтяных платформ, а именно какие трансформации наиболее эффективны в использовании, следует начать с перестановки. В корейском языке фиксированный порядок слов, из-за чего предложения следует переводить с конца. Например, «시할린1 프로젝트 차원에서 러시아 극동 지역의 아르ктун다기 산지에서 베르쿠트 석유 플랫폼이 가동되었다» - «В рамках проекта «Сахалин-1» нефтяная платформа «Беркут» была введена в эксплуатацию в месторождении Аркутун-Даги, расположенном на российском Дальнем Востоке». Чтобы данное предложение адекватно перевести на русский язык, необходимо было воспользоваться приемом перестановки и изменить порядок слов в предложении.

В некоторых случаях будет уместна замена членов предложения. Например, «세계 최대 규모의 원유 생산 업체인 러시아 로스네프트의 홍보실이 발표한 자료를 보면, 플랫폼 길이는 105m, 너비는 60m, 플랫폼 토대부터 총 높이는 144m에 달한다» [7] - «По сообщениям компании «Роснефть», которая является крупнейшей в мире корпорацией по добыче нефти, длина платформы составляет 105 метров, ширина – 60 метров и высота от самого фундамента – 144 метра». Словосочетание «자료를 보면» буквально переводится как «если посмотреть на материалы», мы перевели как «по сообщениям».

Переводческое сопровождение работ, связанных с проектированием и строительством нефтяных платформ с корейского на русский язык, является новым, экономически востребованным и перспективным направлением сотрудничества между Россией и Р. Корея в настоящее время. В силу своей технической сложности данный вид деятельности требует наличие у специалистов со знанием корейского языка не только отличных переводческих качеств, но и владение фоновыми знаниями и инженерной терминологией в указанной области. Подготовка переводчика должна включать выработку навыка безошибочного определения значения того или иного термина на корейском языке за счет углубленных знаний в области этимологии и словообразования, а также умения грамотно их применять на практике. Осуществляемый перевод не должен быть полностью буквальным или вольным пересказом, а представлять собой комплексный вариант передачи информации с одного языка на другой.

***

1. Гущина И.Н., Сидельникова А.Д. Специфика перевода текстов, используемых в нефтегазовой промышленности с китайского и английского языков на русский язык. Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ» 2017, Том 8, № 1(2), С. 240 – 249.
2. Журавель В. П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность / "Арктика и Север" - междисциплинарный электронный научный журнал. — 2016. — № 3 (24). — С. 112-144.
3. Иванов А. Ю. Словарь суффиксов корейского языка = 한국어 접미사 사전. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2007. – 123 с.
4. Иванов А. Ю. Словарь префиксов корейского языка (한국어 접두사 사전) – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2007. – 80 с.
5. Лим В. Н. Лексика и фразеология корейского языка: учеб. пособие – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 140 с.
6. Park Y.K. South Korea's Interests in the Arctic // The National Bureau of Asian Research [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://www.nbr.org/publications/element.aspx?id=766> (дата обращения 25.10.2019).
7. 러시아 최대 규모 석유시추 플랫폼 설치, 2014 [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://m.blog.daum.net/sanatana/16525690> (дата обращения 24.09.2019).

Яковлева Е.В.**Этический аспект современных лингвистических исследований***Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Пермь)**doi: 10.18411/lj-11-2019-255**idsp: ljjournal-11-2019-255***Аннотация**

В статье рассматриваются этические аспекты современных зарубежных лингвистических исследований. Изучаются причины разногласий и конфликта между учеными-лингвистами и носителями языка. Анализируются этические стандарты, применяемые в различных сферах лингвистики в зарубежных лингвистических и образовательных институтах и организациях. Сравняются три модели взаимодействия участников исследования.

Ключевые слова: этические аспекты, этика лингвистического исследования, модели исследования, лингвистика

Abstract

The article deals with bioethical aspects of linguistic research in western cultures. The causes of conflict and disagreements between linguists and native speakers are studied. The article analyzes the ethical standards applied in various fields of linguistics in foreign linguistic and educational institutions and organizations. Three models of interaction of participants in the process of conducting the research are compared.

Keywords: ethical aspects, ethics of linguistic research, research models, linguistics

Этические нормы исследований в медицинских науках, психиатрии, биологии, генетики и других социально-гуманитарных науках используются достаточно давно. Однако, этические вопросы лингвистических исследований начали интересовать ученых – лингвистов лишь в начале 90-х годов 20 века.

Причины этого интереса имели разную основу. Связано это прежде всего с тем, что в разных странах стали возникать ситуации непонимания и конфликта между учеными-исследователями и носителями языка, особенно коренных народов Австралии, Америки и Африки.

Вопрос прав участников исследования сводился и сводится, в конечном счете, к правам человека в целом. Вопрос этики лингвистических исследований разделяет общие нормы этики исследований в социальных науках. В истории есть немало примеров, когда при проведении научных исследований, права участников экспериментов нарушались самым грубым образом.

Под воздействием прессы, широкой общественности и научного сообщества были приняты ряд мер по защите прав участников экспериментов в разных странах. Австралийское Лингвистическое сообщество (1990) особое внимание в своем документе уделило необходимости защищать права и интересы местного населения, не привыкшего к подобным исследованиям, имея ввиду коренных жителей Австралии и Новой Зеландии.

В мае 2009 Лингвистическое сообщество Америки (LSA) опубликовало руководство, касающееся этических норм лингвистических исследований. В этом документе были выделены обязательства учёных лингвистов: во-первых, по отношению к индивидуальным участникам исследований, во-вторых, по отношению к изучаемым ими сообществам, студентам и коллегам и, наконец, по отношению к предмету исследования - науке лингвистики и к обществу в целом. Документ появился после выпуска руководства двух других организаций - Американского Фольклорного сообщества и Американской Антропологической ассоциации. [1]

Так, например, одно из требований LSA включает следующее положение: «Учёные-лингвисты должны прилагать все усилия, чтобы их исследования не нанесли вред благополучию испытуемых. Цель исследований должна быть чётко определена и согласована с местным сообществом, представители которого имеют право присутствовать с самого начального этапа планирования исследования. Лингвист должен учитывать социальное и политическое воздействие проводимого им исследования. Кроме того, результаты его работы должны быть доступны и полезны широкому кругу людей». [2]

На сегодняшний день во всём мире лингвистические научные организации опубликовали заявления, определяющие нормы и практики этического поведения в своих странах. Например, Британская ассоциация прикладной лингвистики выпустила документ под названием *Recommendation on Good Practice in Applied Linguistics*, включающее рекомендации по общепринятым нормам поведения исследователя в прикладной лингвистике [3].

Международная Ассоциация преподавателей английского языка как иностранного (TESOL International Association, 2018) предложила определять этические стандарты в ходе проведения исследований при участии граждан, для которых английский язык не является родным. [4]

Лингвистическое сообщество пользователей языка глухонемых (Sign Language Linguistic Society) (2014) при содействии Лингвистического сообщества Америки LSA (2001) также опубликовали резолюцию, в которой язык глухонемых по всем параметрам приравнивается к другим языкам, и права его носителей должны быть учтены в равной степени. [5]

Ассоциация интернет исследователей (AoIR) (1999) выступила с инициативой проработать вопрос этики, опубликовала ряд кейсов с обсуждениями для пересмотра этических норм и правопорядка, которые касаются всех интернет исследований в различных областях, в том числе в лингвистике. [6]

Обязательства и этические нормы, возникающие у лингвистов-исследователей по отношению к участникам исследований, находятся в центре внимания ученых в течение последних десятилетий. Предлагаются различные подходы и этические модели проведения лингвистических исследований.

Например, К. Райс в работе «Вопросы этики в лингвистических исследованиях: обзор» подчеркивает, что больше разработок и публикаций должно быть написано на тему этики в лингвистических исследованиях. Автор призывает к тому, чтобы ученые в области языкознания, лингвистики и антропологии писали об этике своих исследований и предлагали новые модели для своих коллег-учёных, студентов и аспирантов. [7]

Рассматриваются три модели проведения лингвистических исследований:

- 1) Этическая модель исследования;
- 2) Защищающая модель;
- 3) Прогрессивная модель сотрудничества.

Этическая модель исследования была описана в классической работе У.Самарина (1967) «*Field Linguistics*». Носителя языка, с которым общается ученый, автор называет «информантом» и определяет его как пользователя языка, который предоставляет ученому ценные образцы языка и правила его использования. [8] Эта модель ориентирована на лингвиста-исследователя, и главной целью является его исследование, а не участники-испытуемые.

Защищающая модель исследования предполагает большую ответственность со стороны ученого-исследователя провести научную работу над субъектом и для его пользы. Например, американский учёный У.Лабов в своем социально-лингвистическом исследовании «Объективность и обязательства в науке лингвистике: опыт в работе с афро-американцами в городе Энн Арбор» использует подобную модель.

Ученый приводит примеры, в которых он демонстрирует, каким образом социолингвист может внести свой вклад и быть полезным всем участникам исследования и сообществу. У. Лабов предлагает создавать специальные образовательные программы, рассказывающие об истории языка, выставки, музейные экспозиции, снимать документальные фильмы, составлять специальные словари и программы подготовки преподавателей редких языков, подчеркивая, что носители языка являются и его владельцами. Таким образом, «защищающая модель» предполагает не только этическое отношение к носителям языка, но и развитие этического взаимодействия с сообществом. [9]

Прогрессивная модель сотрудничества предполагает работу над языком участника эксперимента, для пользы носителя языка и совместно с ним. При этом учитываются личность носителя, его знания, стремления, цели и представления, как должно вестись само исследование и какие результаты будут достигнуты.

В последнее время в зарубежных лингвистических исследованиях отмечается заметное смещение в пользу популярности последней модели как в лингвистике, так и в антропологии. Скорее всего это заслуга аборигенов Австралии, которые в последние десятилетия были особенно активны и выражают свое желание быть полноправными участниками проводимых над ними исследований с целью сохранения своего языка, культуры и продолжения традиций.

Прогрессивная модель сотрудничества была принята индейцами Америки и носителями языка Майя в Гватемале во время исследований проведенных Rapa language project в Никарагуа и в других исследованиях, описанных в работе Л. Хинтона и К. Хейла. [10] Эта модель позволяет избежать повторения ситуаций, когда решения принимались за носителей редких языков без их участия. Нельзя допускать ситуаций, когда люди, принимающие решения полагают, что они знают больше, чем сами носители языка, проживающие в этих сообществах.

Исследователи, принимающие *Прогрессивную модель сотрудничества*, ориентированную на сообщество, обращаются за помощью к носителем языка. Коренное сообщество рекомендует наиболее удобный подход к местным жителям, с учетом интересов этого сообщества, а также предлагают своих экспертов - знатоков языка.

Таким образом, работа в современных лингвистических исследованиях организуется в двух направлениях: лингвисты сами учатся и получают неоценимые знания в языке, культуре и этике поведения в данном сообществе. При реализации такой модели происходит равноправное кросс-культурное взаимодействие участников исследования. Следовательно, взаимное обучение лингвистов и носителей языка благоприятно влияет на их сотрудничество и результаты исследования.

В результате анализа этических стандартов, применяемых в различных сферах лингвистики в зарубежных лингвистических и образовательных институтах, можно заключить, что за последние тридцать лет произошли и происходят важные изменения в понимании этики и защиты прав испытуемых и сообществ, принимающих участие в научных лингвистических и психолингвистических исследованиях. При этом потребность в нормативных документах и директивах, касающихся вопроса этики в проведении лингвистических исследований только возрастает.

***

1. Bischoff, S. and Jany, C. (eds.) (2018), Insights from Practices in Community- Based Research: From Theory to Practice Around the Globe. Berlin: De Gruyter Mouton, p.78.
2. Linguistic Society of America, 2009, https://www.linguisticsociety.org/sites/default/files/Ethics_Statement.
3. Recommendation on Good Practice in Applied Linguistics, http://www.baal.org.uk/goodpractice_2016
4. International Association of Teachers of English of Speakers of Other Languages TESOL <http://tesol.org>

5. Sign Language Linguistics Society (2014), 'SLLS Ethics Statement for Sign Language Research', <http://slls.eu/slls-ethics-statement-for-discussion>
  6. <https://aoir.org>
  7. Rice, K. (2006), 'Ethical issues in linguistic fieldwork: An overview', *Journal of Academic Ethics* 4(1-4), pp.123-155.
  8. Samarin, W. J. (1967), *Field Linguistics: A Guide to Linguistic Field Work*. New York: Holt, Reinhart and Winston.
  9. Labov, W. (1982), 'Objectivity and commitment in linguistic science: The case of the Black English trial in Ann Arbor', *Language in Society* 11, pp.165-201.
  10. Hinton L. and K. Hale (eds.) (2001), *Green Book of Language Revitalization in Practice*. San Diego, CA: Academic Press. Battiste and Henderson, 2001:132
-

Научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№56, 11.2019**

Ноябрь 2019 г.
Часть 11

SPLN 001-000001-0557-LJ

Подписано в печать 27.12.2019. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.5,52
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович